

A decorative border with a repeating pattern of stylized flowers and leaves surrounds the central text area.

М.АРЦЫБАШЕВ

**ЗАПИСКИ
ПИСАТЕЛЯ**

Т. II

ЧЕРЕМУХА

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ

М. АРЦЫБАШЕВ

Черемуха

(Записки Писателя)

Том II.

**ИЗДАНИЕ Е. И. АРЦЫБАШЕВОЙ.
ВАРШАВА, 1927 г.**

Авторскія права закрѣплены.
Copyright by the author.
Tous droits réservés,

EESTI
RAHVUS-
RAAMATUKOGU

2- 204599

~~Dr. F. Krautwaldi raam-
atukogu NSV Riiklik
Raamatukogu~~

SV-
8544

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	
1. Наш третій клад	3
2. Послѣдній царь	11
3. У краснаго корыта	20
4. Тяжелыя мысли	25
5. Личность и принцип	31
6. С чортом или без онаго	39
7. Жгучій вопрос	48
8. Безграмотная ерунда	59
9. Без заглавія	68
10. Февральская революція	74
11. Соблазн	84
12. День русской культуры	90
13. Слово о русской литературѣ	100
14. Два письма	113
15. Ренегаты	125
16. Фатальное	132
17. Отвѣт на письма г-жи Н.	139
18. Жестокія слова	150
19. Примиреніе	159
20. Всякая власть	164
21. Черемуха	172

Вмѣсто предисловія

(Рѣчь, произнесенная 7 мая 1927 г., на вечерѣ памяти
М. П. Арцыбашева).

Арцыбашев был прежде всего художником.

Этого не надо забывать при оцѣнкѣ его работы за послѣдніе, героическіе, годы его жизни.

Как то, прошлой зимой, в редакцію пришел какой то дѣловой человек с какими то фантастическими предложениями.

Послѣ его ухода Арцыбашев сказал: „Меня поразило, как он снимал галоши. Я сразу почувствовал, что это человек ненадежный“.

Мы с этим человеком спорили в порядкѣ логики и фактов, Арцыбашев сдѣлал ему оцѣнку наблюдательным глазом художника. Оцѣнка оказалась одинаковой с оцѣнкой людей логики и фактов, но методы, основы ея совершенно иные.

А потому Арцыбашеву было не по себѣ среди политиков. Слишком по разному подходили к темѣ Арцыбашев и политики.

Спорят монархисты с республиканцами, мелкіе буржуи с социалистами. Один просит слова к „порядку дня“, другой предлагает поправку к проекту резолюціи, а Арцыбашев страдает.

Все это ему кажется нелѣпым и уродливым. Он тоскует по главному, по единому на потребу, и ему кажется, что политики об этом, самом главном, забывают, превращают политику в самоцѣль.

Повседневная политика всегда нехудожественна, и только на вершинах своих, и то безсознательно, достигает своеобразной красоты.

Там, гдѣ проявляет себя геній.

Великій художник Стендаль понимал красоту политики Наполеона, великій художник Пушкин понимал, как никто, политику Петра Великаго.

При крѣпком политическом и бытовом укладѣ художник обыкновенно отходит от реальной политики. Пребывает или в одиночествѣ или в оппозиціи.

В художникѣ всегда есть тяготѣніе к индивидуализму, к нѣкоторому духовному аристократизму, к нѣкоторому анархизму. Политику он предоставляет профессионалам. Его гражданственность, его связь с коллективом остро проявляется лишь в години бѣдствій и катастроф.

И тогда подлинный художник становится пророком, вождем.

Тогда его художественная интуиція становится громадной цѣнностью общественнаго порядка. Он видит в темнотѣ, видит в то время, когда профессиональные политики зачастую слѣпнут.

Примѣров политическаго ясновидѣнія пророков, слѣпоты присяжных политиков в години катастроф исторія знает много.

Теперь то мы понимаем, что еврейскій пророк Исайя был мудрым политиком. Он во время учел всю силу Ассура, в то время, как профессиональные „политики“ той эпохи этого не доглядѣли.

Но не только библейскіе пророки обладали даром политическаго видѣнія.

Современные художники ясновидцы в пиджаках, как Достоевскій и Мережковскій, или в русской косовороткѣ, как Арцыбашев, видѣли многое, чего не видѣл глаз настоящих, общепризнанных политиков.

Прочтите книгу Мережковскаго „Грядущій хам“ 1904 года, прочтите его предисловіе к французской книгѣ „Царь и революція“ (1908 г.) и вы увидите, что он оказался подлинным пророком.

Присяжные политики перелистали эти книги Мережковскаго между двумя запросами в парламентѣ, или двумя засяданіями фракцій, улыбнулись и отложили их в сторону.

Но прав оказался Мережковскій, а не они. Теперь они, вмѣстѣ с Мережковским, находятся в изгнаніи.

Обращаясь к Арцыбашеву, приведу один, недавній, примѣр его ясновидѣнія.

Многіе из здѣсь присутствующих читали помѣщенный в нашей газетѣ посмертный отрывок его „Ленин и Горькій“.

Этот отрывок производит прямо потрясающее впечатлѣніе.

„Подрядчик“ Ленин и „приказчик“ Горькій!

Многіе думали, что когда Арцыбашев начал беспощадную борьбу со злым геніем новой Россіи, Максимом Горьким, с его внутренним и внѣшним хамством, он превеличивал силу его вліянія и внутреннее его ничтожество.

Многіе приписывали недоброжелательство Арцыбашева к великому Максиму его, так сказать, „литературной конкуренціи“.

Но вот, наш русскій присяжный историк революціи, разоблачитель Азефа и многочисленных провокаторов, горячій патриот, подлинный демократ, пребывавшій столько лѣтъ в царских тюрьмах и в изгнаніи, только что написал большое изслѣдованіе о Ленинѣ, о его службѣ в германском генеральном штабѣ, его работѣ на царскій Департамент Полиціи.

Изслѣдованіе Бурцева — сухое, об'ективное, основанное на документах.

Касается Бурцев и взаимоотношеній Ленина с Горьким.

Эту трезвую исторію взаимоотношеній двух фатальных людей в русской исторіи нельзя лучше характеризовать, как словами Арцыбашева: подрядчик и приказчик.

Интуиція художника совпала с логикой историка. То, что Бурцев доказал, Арцыбашев показал.

А присяжные политики до сих пор возятся с Горьким, как с высшим достиженіем русской интеллигенціи, как с борцом за свободу, и боятся против него слово сказать!

Но если Арцыбашев не был присяжным политиком, то из этого не слѣдует, что его работа послѣдних годов, работа, от которой он сгорѣл, не имѣла громаднaго политическаго и общественнаго значенія. Только близорукіе люди, так сказать, чиновники от политики, этого не могли понять, не хотѣли увидѣть.

Арцыбашев долѣше многих из нас оставался в Россіи. Он знал, что без Россіи ему не выжить, что внѣ Россіи — он задохнется. И если он покинул Россію, именно созна-

тельно покинул, а не бѣжал из нея, то потому и для того, чтобы заняться политикой так, как он ее понимал...

* * *

С момента приѣзда Арцыбашева в Польшу начинается новая полоса его жизни.

Полоса во-истину героическая.

Он посвятил себя всецѣло борьбѣ. Он боролся за Россію, против большевиков, он боролся с косностью эмиграціи, он боролся со смертью.

Тяжелый недуг ни минуты не давал ему покоя. Сколько раз Арцыбашев, как бы извиняясь за недостаток своей работоспособности, говорил:

„Поймите, вѣдь мнѣ все время приходится бороться со смертью!“...

Когда человек умирает, а особенно такого масштаба, как Арцыбашев, у оставшихся в живых всегда пробуждается ощущение вины перед умершим, ощущение виноватости. Ушел от нас человек, а мы не успѣли оцѣнить его, не сумѣли помочь ему.

Несомнѣнно, это чувство вины испытали очень многіе из нас.

Чѣм можем мы искупить свою вину перед ним?

Прежде всего, всегда носить в душѣ своей образ стойкаго, непоколебимаго принца из трагедіи Кальдерона.

Именно таким непоколебимым принцем был Арцыбашев.

Надо сказать откровенно. Большевики безмѣрно всѣм надоѣли. Кажется, они и сами себѣ надоѣли. И если они продолжают нам и себѣ надоѣдать, то во многом потому, что всѣ мы как то устали. Всѣ начали забывать о необходимости непосредственной, послѣдней, встрѣчи с ними.

Отсюда всѣ виды соглашательства. Отсюда иллюзіи, что большевики как-то образумятся, причешутся и вымоются.

Как будто можно их вымыть, отмыть с них всю налипшую на них грязь и кровь.

Наш „стойкій принц“ ясно видѣл всю иллюзорность этих соглашательских попыток. Он своим „верхним чутьем“ видѣл ультра-фіолетовые лучи соглашательства, видѣл всю опасность усталости. Он знал, что Царство Божіе силою нудится, и безпрестанно будил нас, иногда с любовью, ког-

да он видѣл, что мы, по слову евангелиста, заснули от печали, иногда с гнѣвом, когда он видѣл, что мы спим по жестоковѣйности нашей.

И мы предадим ушедшаго от нас, если окончательно уснем.

Для нас освобожденная Россія во-истину представляется Царством Божиим и мы должны же понять, что Царство Божіе силою нудится.

И это первый завѣт Арцыбашева.

А второй его завѣт изложен в извѣстной притчѣ Мицкевича, о которой так кстати напомнил недавно Е. Н. Чириков.

В „книгѣ великой скорби“ Мицкевич рассказывает:

Мать впала в тяжелую и продолжительную летаргію. Сын созвал на совѣтъ всѣх знаменитых врачей. Всѣ они сошлись в одном только — что положеніе больной угрожает смертью, но в средствах лѣченія не соглашались между собою; каждый опредѣлял болѣзнь по своему и каждый предлагал лѣчить ее своими средствами. Между тѣм положеніе больной ухудшалось с каждым часом. Мольбы сына о помощи не приводили ни к какому результату; врачи спорили, и никто не соглашался уступить в этом бесплодном спорѣ. Тогда сын воскликнул в отчаяніи: — О, несчастная мать моя!..

И на голос любви и страданія сына мать раскрыла глаза и стряхнула с себя оковы страшнаго сна, угрожавшаго ей смертью.

А. Мицкевич дополняет свою притчу таким послѣдним словом:

„Есть люди в нашей странѣ, говорящіе: пусть лучше Польша спит в неволѣ, нежели пробудится когда нибудь на голос аристократіи. Есть и другіе, говорящіе: пусть лучше спит, нежели проснется по волѣ демократіи. И есть третьи, говорящіе: пусть спит, лишь бы не проснулась в этих предѣлах...“

Всѣ эти люди — врачи, а не дѣти, и не любят они матери своей...“

Истинно говорю вам: не доискивайтесь того, какое будет правленіе в будущей Польшѣ и не загадывайте о границах.

Довольно знать, что правленіе будет лучше всѣх, какія были, а границы — шире, чѣм были, ибо каждый из нас носит в сердцѣ своем сѣмя грядущаго закона и мѣру будущих предѣлов“...“

„Я ни правый, ни лѣвый, ни монархист, ни республиканец, я простой русскій человекъ, любящій свою родину“ говорил про себя Арцыбашев.

Как это близко к притчѣ Мицкевича!

Ничто так не огорчало Арцыбашева, как споры „врачей“ между собою, и он с гнѣвом обрушивался на них, рискуя остаться одиноким. Он отлично знал, что „врачи“ не простят ему правды, которая, как извѣстно, глаза колет.

Но Арцыбашев не хотѣл с ними считаться. Для него они всѣ были пассажирами в „каретѣ прошлаго“.

Он считался не с ними, а с „простыми русскими людьми“, неискушенными в сложных партійных комбинаціях и безконечных политических программах. К ним он обращался со своим огненным словом, их он непрестанно призывал к дѣйствию, к борьбѣ, к об'единенію.

И если первый завѣтъ Арцыбашева заключается в словах: будьте стойкими и непоколебимыми, то второй его завѣтъ заключается в словах: „любите Мать вашу, Родину нашу, превыше всего и остальное все приложится“.

А еще короче политическое завѣщаніе дорогого ушедшаго можно формулировать так:

Примиреніе — в непримиримости.

Д. Философов.

НАШ ТРЕТІЙ КЛАД.*)

1.

Русская эмигрантская литература есть, по преимуществу, литература мемуаров и человѣческих документов.

Еще не настало время для исторических и художественных обобщеній. Пережитое слишком близко нам, и не мало лѣтъ пройдет прежде, чѣм революція отойдет в прошлое настолько, чтобы глаз художника или разум историка могли охватить ее, во всем ея страшном размахѣ.

Пока мы можем только накапливать тот документальный матеріал, по которому будущіе историки и писатели создадут правдивую и проникновенную картину нашей эпохи.

Отсюда понятно, какую огромную цѣнность, и не только для одной Россіи, имѣют тѣ свидѣтельскія показанія о революціи, в правдивости которых не может быть сомнѣнія.

Очевидно, что из всѣх таких свидѣтельств одними из самых цѣнных являются показанія дѣтей. Их никто не может заподозрить в предвзятости, в желаніи окрасить событія в тот или иной партійный цвѣтъ.

И вот, директору русской гимназіи в Моравской Тшебовѣ, г. Петрову, пришла в голову поистинѣ гениальная мысль: по его инициативѣ всѣм ученикам этой гимназіи было задано сочиненіе на тему — „Мои воспоминанія с 1917 года“.

Опыт дал такіе потрясающіе результаты, что его было рѣшено повторить почти во всѣх эмигрантских школах, и в итогѣ получилось свыше двух тысяч человѣческих документов, цѣнность которых нельзя даже учесть.

Судя по тѣм отрывкам, которые приведены в только что изданной пражским Педагогическим Бюро книгѣ „Дѣти эмиграціи“, можно с увѣренностью сказать, что если бы всѣ эти дѣтскія сочиненія были изданы полностью, то получилась бы книга, равной которой не было и нѣтъ в міровой литературѣ.

*) „За Свободу!“ № 104 от 25 іюля 1925 г.

Рядом с такой книгой померкли бы всё „Чека“, „Корабли смерти“ и „Красные терроры“, написанные взрослыми людьми.

Ибо „устаами младенцев глаголет Бог“, то-есть, говорит сама истина.

2.

К сожалѣнію, тѣ взрослые, слишком взрослые люди, д руки которых попал этот безцѣнный матеріал, очевидно, вумают, будто их собственныя мысли и разсужденія гораздо интереснѣе.

Они ограничились произвольно отобранными отрывками из дѣтских сочиненій, обильно разсыропив их своими разглагольствованіями.

В этих глубокомысленных и пространных разглагольствованіях (весьма цѣнных в другом мѣстѣ!) слова правды из дѣтских уст потонули, как капли крови в бочкѣ воды.

Почти физическое раздраженіе вызывает эта книга, из 250 страниц которой едва ли одна треть отведена дѣтям, а остальные двѣ трети заполнены разсужденіями добродѣтельных и добросовѣстных педагогов на тему о том, что лошади кушают овес и сѣно, Волга впадает в Каспійское море, а шестая заповѣдь гласит „не убій!“

Получается такое впечатлѣніе, точно вас окружила толпа живых, страдающих дѣтей, которыя, волнуясь и спѣша, стараются разсказать вам что то страшное и неизмѣримо важное, а сбоку стоит нѣкто в сѣром, который на каждом словѣ перебивает их своими поучительными и тошнотворными прописями.

Этому „нѣкто“ и в голову не приходит, что даже самый безсвязный дѣтскій лепет в тысячу раз интереснѣе и поучительнѣе его сухих и мертвых разсужденій.

— „Мы собираемся, начинаем говорить о Россіи, с кѣм были какіе случаи... многіе разсказывают, как их родителей мучили, и так жалко станет, что чуть не плачешь...“

Так начинают возбужденные дѣтскіе олоса и вдруг— скрипучій, сухой голос перебивает их:

— „Значеніе обслѣдованнаго матерьяла... цифровыя данныя... нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія... общій обзор матерьяла с суммарными характеристиками... мальчиков 1603, дѣвочек 781 и 19 дѣтей, пол которых остался не выясненным (?)...“

Как будто на самом интересном мѣстѣ вас трахнули по головѣ мѣшком с сухим горохом!

Хочется плюнуть и тоже „так жалко станет, что чуть не плачешь“... с досады.

Ах, эти ужасные взрослые люди!

Я не послѣдую их примѣру, подвергая живую дѣтскую душу этой „суммарной“ вивисекціи и, путем извлеченія „отрывков из отрывков“, окончательно разпыляя драгоценный матерьял.

Пусть читатели сами прочтут то, что соблаговолили оставить для нас эти, во всѣх, впрочем, остальных отношеніях почтенные, педагоги.

Будем надѣяться, что рано или поздно какая нибудь организація (хотя бы та же „Лига борьбы с большевизмом“) сообразит, что лучшей анти-большевицкой пропаганды не выдумаешь.

И вмѣсто того, чтобы собирать редакторов эмигрантских газет на предмет выработки общаго плана такой пропаганды, просто возьмет да и издаст всѣ эти дѣтскія сочиненія полностью, на всѣх языках.

Тогда всѣ, и без глубокомысленных комментариев, поймут и оцѣнят трагическое значеніе этих дѣтских свидѣтельств о том, что такое революція.

Если Достоевскій готов был за одну слезинку замученнаго ребенка отдать будущее блаженство, то за тѣ кровавыя дѣтскія слезы, которыми буквально пропитаны эти сивенькія тетрадки, можно уступить всѣ „завоеванія революціи“, настоящія, прошедшія и будущія.

А главное — будущія!

Ибо долг всѣх, переживших эти страшные годы, во имя жалости к будущему человѣчеству, озаботиться, чтобы гнусный лик революціонной дѣйствительности снова не укрылся за пышными лозунгами, ничего общаго с этой дѣйствительностью не имѣющими.

Чтобы не повторилась исторія с великой французской революціей, которую превратили в романтическую красавицу, с красной фригійской шапочкой на головѣ и с трехцвѣтным знаменем в рукѣ.. Тогда как в дѣйствительности это была просто одна из тѣх гнусных старух—„вязальщиц Робеспьера“, которыя петлями своих вязаній отмѣчали количество голов, падающих под ножом гильотины.

Необходимо, чтобы будущіе мечтатели о молніеносных социальних переворотах знали, что такое эти перевороты, в их реальной, будничной сущности.

Окончательно отказываясь излагать содержаніе не то „суммарнаго“, не то просто сумбурнаго изложенія дѣтских воспоминаній, я только хочу отвѣтить на одно из „педагогических“ примѣчаній.

Дѣло в том, что нѣсколько раз на протяженіи книги „Дѣти эмиграціи“ авторы безконечныхъ комментариевъ отмѣчаютъ одно явленіе, с их педагогической точки зрѣнія — чрезвычайно прискорбное:

У многихъ дѣтей воспоминанія о родинѣ и мечта о возвращеніи к ней соединяются с мыслью о мести!

Это приводит педагоговъ в ужас!

Правда, они признаютъ, что „чувство мести естественно послѣ всего пережитого“, но это признаніе не мѣшаетъ имъ смотрѣть на „естественное явленіе“, какъ на нѣчто, достойное всяческаго порицанія, и они дѣлаютъ героическія усилія, чтобы внушить дѣтямъ, что „выгоднѣе придерживаться духа амнистіи“.

— „Надо отличать месть личную от мести за поруганную родину. Недопустимость первой не требуетъ доказательствъ. Что касается второй, то ее тоже приходится отвергнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ. Надо приучать дѣтей к мысли о желательности, с точки зрѣнія личной морали, прощенія и, во всякомъ случаѣ, о нежелательности мести!“

Такъ говорятъ мудрые педагоги.

Ну, а я говорю, что все это вздор! Даже недопустимость личной мести и та требуетъ еще весьма и весьма многихъ доказательствъ, а что касается мести за поруганную родину, то такая месть — свята!

Категорически отрицаю мертвую мораль всепрощенія, можетъ быть и очень прекрасную в идеалѣ, но в дѣйствительной жизни выгодную только для мерзавцевъ и преступниковъ всякаго рода.

Можно с увѣренностью сказать, что точка зрѣнія почтенныхъ педагоговъ встрѣтитъ полное сочувствіе Зиновьевыхъ, Троцкихъ и Дзержинскихъ со всей ихъ кровавой опричиной.

Эти, еще невиданные міромъ преступники, которые разрушили великую страну, которые залили ее кровью и слезами, совершивъ всѣ самыя гнусныя изъ злодѣяній, на которыя вообще способенъ человѣкъ, конечно, только и мечтаютъ о томъ, чтобы в случаѣ провала быть подведенными подъ какую нибудь „амнистію“.

А я утверждаю, что именно „с точки зрѣнія личной морали“ прощеніе этихъ преступниковъ недопустимо.

Неужели г.г. педагоги не понимаютъ, что „прощеніе“ в жизни равно „примиренію“, и полагаютъ, что ребенокъ, на глазахъ котораго убили его отца, истерзали его мать и изнасиловали его сестеръ, долженъ примириться с ихъ убійцами, палачами и насильниками?

Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что на этотъ счетъ сказано в Евангеліи! Я знаю, что міръ пока еще населенъ не

безплотными праведниками, а живыми людьми, в душах которых должны жить и любовь и ненависть.

Вытравить из души человека способность ненавидѣть тѣх, кто достоин ненависти, это значит — опустошить его душу.

Без ненависти к злу, невозможна любовь к добру. Кто не умѣет ненавидѣть, тот не научится и любить.

Как хорошо выражено это у того мальчика, который в своей бессознательной дѣтской мудрости написал:

— „Из хорошаго прошлаго ничего не осталось, осталось, за смерть старших братьев, за поруганіе семьи и родины, — одна только месть и любовь к родинѣ!“.

Тут месть и любовь к родинѣ неразрывно связаны, как нѣчто одно из другого вытекающее. И как же может быть иначе? Как можно сочетать любовь к родинѣ с прощением ея обид?

Но для того, чтобы месть и любовь были связаны неразрывно, нужно имѣть живую душу, не заглушенную отвлеченной, книжной моралью. Для взрослога книжника, никак не могущаго позабыть о своих „вѣчных началах“, это невозможно. На это он не способен.

Зато способен на такіе логическіе абсурды, как то, что на одной страницѣ он пишет о „невозможности примириться с прошлым“, а на другой старается внушить дѣтям мысль именно о необходимости примиренія!

Только люди, мертвые сердцем и живущіе в сферѣ отвлеченностей, неспособны принять жизнь такую, какова она есть и могут соединять „невозможность“ с „необходимостью“.

5.

Прошлой зимой в эмигрантской печати „был великій спор“ между „отцами и дѣтьми“ русской эмиграціи. „Дѣти“ наговорили по адресу „промотавшихся отцов“ много кислых слов, а „отцы“ обиженно ворчали что то о своих великих заслугах, по части выработки „вѣчных цѣнностей“.

Каюсь, мнѣ тогда эта тема не внушила особаго интереса. Она показалась прѣсной. Какой то „изюминки“ в ней не хватало.

Эту изюминку я нашел теперь, в том столкновеніи книжной морали отцов с живым чувством дѣтей, которое произошло на страницах книги „Дѣти эмиграціи“.

Именно в вопросѣ о мести я, так сказать, собственными глазами увидѣл, какая пропасть взаимнаго непониманія лежит между отцами и дѣтьми нашего времени.

Отцы прожили свою жизнь, как у Христа за пазухой, „погружаясь в искусства, науки, предаваясь мечтам“.

Отгородившись стѣной из книг от грубой дѣйствительности, в тиши своих уютных кабинетов, они с пафосом декламировали:

Тьмы низких истин нам дороже

Нас возвышающій обман!

И насколько они были далеки от жизни, насколько мало понимали народ и человѣческую природу вообще, то воочию показали нам их безпомощность и растерянность при первом ударѣ революціоннаго грома.

Когда кровавый шквал смыл без остатка всѣ „возвышающіе обманы“ и показал подлинный звѣриный лик революціи, они оказались способны только кудахтать вокруг этой революціи, словно курица, высидѣвшая утят.

Они говорили, говорили, говорили и, в концѣ концов, проговорили и революцію, и родину, и самих себя.

Впрочем, нѣтъ... в том то и дѣло, что себя они, к сожалѣнію, все еще не проговорили!

Нѣтъ, шквал революціи сошел с них, как с гуся вода, и, ошпаренными тараканами разбѣжавшись по свѣту, они остались такими же, какими и были.

Безпочвенными мечтателями-идеалистами, неспособными на настоящее, горячей кровью облитое, чувство.

Попрежнему они говорят, говорят, говорят, говорят о своих „вѣчных цѣнностях“, которых рѣшительно некуда дѣвать, и считают свою мертвую, книжную, мудрость единым законом жизни.

Оттого для них оказывается разрѣшимой такая китайская головоломка, как соединеніе невозможности с необходимостью, и оттого не могут они понять простого, человѣческаго, сочетанія ненависти с любовью.

6.

А „дѣти“, которых, по образному выраженію одного мальчугана, „родина проводила штыками и пулеметами“, и души которых не засорены книжной моралью, уже поняли, что жизнь есть жизнь, правда есть правда, и самая ужасная, самая отвратительная правда дороже самаго возвышающаго обмана.

Ибо обман разсѣивается, а правда остается.

С головой окунулись эти несчастные дѣти в кровавую гущу революціи и им некогда было мечтать о том, чего нѣтъ на землѣ. Они жили непосредственными человѣческими чувствами — боли, страха, гнѣва, жалости, скорби, любви и ненависти.

Вѣдь у них не было никаких „свѣтлых традицій“ шестидесятых и иных годов, которыми и до сих пор живут сѣдовласые мечтатели.

Им глубоко чужда наша идеологическая непримиримость, их любовь к родинѣ, их отношенія к людям просты и ясны, как всякое непосредственное чувство.

Это чувство говорит им, что у родины, а слѣдовательно и у них самих (ибо нельзя же, любя родину, отдѣлять себя от нея!), есть страшные, подлые враги.

А они не привыкли мыслить отвлеченными понятіями. „Борьба классов“ и тому подобныя „суммарныя“ измышленія им ничего не говорят. Здоровое, непосредственное воспріятіе жизни опредѣленно связывает в их представленіи все пережитое, всѣ эти неизбывныя муки и неизгладимыя униженія, с живыми людьми — врагами.

И поэтому для них ясно, что нельзя любить родину, примирившись с этими врагами.

Нельзя забыть незабываемое и отказаться от такой простой человѣческой мысли:

— Страшныя преступленія требуют страшнаго возмездія!

Как может живой человѣкъ, на глазах котораго убивали, грабили, насилывали, примириться с мыслью о том, что всѣ эти злодѣянія останутся безнаказанными?

Такая мысль не свойственна человѣку. Именно эта несвойственность и создала легенду о Страшном Судѣ!

Конечно, я говорю не о „мести“ за отнятыя имѣнія и украденныя серебряныя ложки. Это дѣло наживное. Это можно простить и забыть без слѣда.

Тѣм паче, что у дѣтей то как раз и не было ни имѣній, ни ложек.

Но как можно забыть то о чем рассказывает, например, хоть вот этот мальчуган:

— „Я очень испугался, когда пришли большевики, начали грабить и взяли моего дѣдушку, привязали его к столу и начали мучить, ногти вынимать, пальцы рвать, руки выдергивать, ноги выдергивать, брови рвать, глаза колоть, и мнѣ было очень жалко, очень, я не мог смотреть!“

Неужели можно, будучи живым человѣком, а не ходячей книжкой, представить себѣ, что этот мальчик, выросши и вернувшись на родину, может случайно услышать этот же рассказ из уст какого нибудь „прощеннаго“ большевика и не убить его на мѣстѣ?

Если да, то пусть лучше он никогда и не возвращается на родину!

Он недостоин будет не только родины, но и званія человѣка.

Ибо человѣкъ может сам взойти на крест, но простить распятіе не может, не должен.

Людей, которые на это способны, я остерегаюсь называть людьми.

— „Они потребовали маму и старших сестер на допрос. Что они с ними дѣлали, я не знаю. Это от меня и младших сестер скрывали. Я знаю одно, — скоро послѣ этого моя мама умерла!“

Ах, милая, бѣдная дѣвочка! Забудь об этом!... Во имя „вѣчных цѣнностей“ забудь, вырасти большая, вернись в Россію и выйди замуж за одного из тѣх, кто сдѣлал с твоей мамой и сестрами то, что от тебя скрыли,

Вѣдь „выгоднѣе придерживаться духа амнистiи“!

Авось прощенный большевик сдѣлает с тобою то же, что сдѣлал с твоей мамой и сестрами, с таким же удовольствіем, но без всякаго вреда для твоего здоровья.

И тебѣ будет пріятно, и ему будет хорошо!

Тьфу!

7.

Нѣтъ, русскіе дѣти, никогда не забывайте, что сдѣлали с вашей родиной, с вашими отцами, братьями, сестрами и матерями, с вами самими!

Если мы окажемся способными это забыть и простить, то, значит, мы были достойны того, что с нами сдѣлали.

Не слушайте людей, у которых вмѣсто сердца — мораль, а вмѣсто головы — точка зрѣнія.

Кстати, эти люди недавно праздновали День Русской Культуры и совали в нос всему свѣту имя Пушкина.

Они кричали, что Пушкин наш національный геній, что в Пушкинѣ весь русскій народ, что каждое слово Пушкина свято.

Так напомните же им этого Пушкина, котораго они, очевидно, позабыли...

Быть может, нам не суждено вернуться на родину. Быть может, мы так и умрем далеко от родной земли.

Но и умирая мы сохраним и унесем с собой в могилу то послѣднее, что у нас осталось:

„Мой третій клад — святую мечь!“

LX.

ПОСЛѢДНІЙ ЦАРЬ. *)

I.

Самое подлое и гнусное дѣяніе большевиков, это — звѣрское избіеніе царской семьи.

Я—не монархист, и слово Царь не повергает меня в священный трепет. Не потому считаю я это убійство величайшей гнусностью, что убит был именно царь, а потому, что в этом кровавом актѣ трусливая подлость большевиков выявилась во всей своей ужасающей гнусности.

Казнь Людовика XVI-го не ложится таким грязным пятном на дѣятели французской революціи. Правы или не правы были французскіе революціонеры, но они искренно вѣрили, что эта казнь необходима для блага отечества и приняли на себя всю отвѣтственность.

Они судили короля при свѣтѣ дня и казнили его перед лицом народа. Ударом гильотины они надѣялись разрубить историческій узел, и, подымая топор, сами ставили себя перед судом исторіи.

Их можно обвинять в бесполезной жестокости, их можно упрекать в политической ошибкѣ, но гражданскаго мужества у них отнять нельзя.

Даже и тѣни такого мужества не проявили большевики. С начала и до конца ими руководил только подлый страх.

Боязнь переворота заставила их рѣшиться на убійство, боязнь возмездія заставила их всячески увилывать от отвѣтственности.

До сих пор в точности еще неизвѣстно, кто именно рѣшил участь несчастной царской семьи. Одни называют Свердлова, другіе подозрѣвают волю самого Ленина. Большевики же все еще не рѣшаются сказать правду, сваливая отвѣтственность на какой-то захолустный совѣтъ „собачьих” депутатов.

*) „За Свободу!” № 190 от 21 іюля 1925 г

Правда, послѣ многих колебаній, недомолвок и уверток, убѣдившись, что народ молчит, и возмездіе еще далеко, совнарком рѣшился санкціонировать убійство. Но и тут у большевиков не хватило смѣлости признать акт в порядкѣ казни, и в своем декретѣ, выразившем одобреніе екатеринбургскому совѣту, совнарком постарался представить убійство, как вынужденное приближеніем войск Колчака.

Как все это далеко от кроваваго мужества Дантонов и Робеспьеров!

Вмѣсто открытаго суда перед лицом всего народа — трусливый и темный заговор; вмѣсто поименнаго голосованія—обмѣн шифрованными телеграммами; вмѣсто зала народнаго собранія—высокій забор вокруг мѣста убійства; вмѣсто эшафота на площади Революціи — подвал в домѣ Ипатьева.

Пусть даже, с их точки зрѣнія, большевики были правы, с корнем уничтожая возможность реставраціи.

Но у них не оказалось кроваваго благородства французских революціонеров. Они не казнили, они убили изподтишка, даже не как палачи, а просто как мелкіе жулики, со страху и со страхом рѣшившіеся „на мокрое дѣло”.

2.

Однако, перед лицом справедливости нельзя всю отвѣтственность за участь царской семьи возложить на одних большевиков.

Мы всѣ до извѣстной степени, болѣе или менѣе, повинны в екатеринбургской трагедіи. Участь Николая II-го была предрѣшена предательством одних, революціонным ослѣпленіем других, измѣной третьих, трусостью четвертых и безмолвіем пятых.

Большевики убили. Гнусно, звѣрски, подло убили, и ни одна капля крови, пролитой в подвалѣ дома Ипатьева, не смоеется с памяти „вождей октябрьской революціи”.

Но то положеніе, при котором екатеринбургская трагедія была почти *неизбѣжной случайностью*, создалось заранее.

Ни для кого не могло быть тайной, что пребываніе низвергнутаго монарха среди возбужденной революціонной черни обрекает его на несказанныя страданія и каждую минуту угрожает ему гибелью.

И, несмотря на это, люди, стоявшіе тогда у власти, не рѣшились опредѣленно поставить вопрос о том, виновен ли Николай II в каких-либо преступленіях против народа.

Ибо от рѣшенія этого вопроса зависѣло или преданіе бывшаго императора суду, или высылка его из предѣлов Россіи.

А и то и другое по обстоятельствам момента было чрезвычайно опасно.

Предать суду? Но за что судить?

Людовик XVI был судим и казнен не за то, что он был королем, а за государственную измѣну—за сношенія с врагами Франціи.

Но и самые озлобленные люди не могли бы пред'явить такого обвиненія Николаю II-ому, отказавшемуся „открыть фронт нѣмцам“, когда это могло спасти монархію, и отказавшемуся подписать позорный для Россіи мир, когда это могло спасти его самого.

Нельзя же было судить его за то, что, рожденный императором, он твердо вѣрил в свое помазанничество и защищал свое „священное право“ на самодержавную власть!

За это, конечно, могла его растерзать революціонная чернь, но для разумных и честных людей вряд-ли было возможно вынести за это смертный приговор.

А, между тѣм, в случаѣ оправданія явилась бы необходимость отпустить царскую семью с миром, что, конечно, вызвало бы кровавый взрыв революціонных страстей. В случаѣ же обвиненія совершилась бы казнь, отвѣтственность за которую, по совѣсти, не могли бы принять на себя тѣ, кто не был ослѣплен революціонной демагогіей.

И люди, стоявщіе тогда у власти, не рѣшились ни на суд, ни на высылку. Вѣчно колеблясь между страхом революціи и страхом реакціи, они не нашли в себѣ мужества взять отвѣтственность на себя и предоставили рѣшить участь царской семьи какому-нибудь случаю.

Этот случай и явился в видѣ большевицкаго переворота и захвата власти профессиональными убійцами.

3.

Но вѣдь Россія не вся состояла из революціонной черни и фанатиков революціи.

Если люди, стоявшіе у власти, не имѣли мужества, общественное мнѣніе, которое тогда не было безгласным, должно было потребовать от них этого мужества.

Но общественное мнѣніе, в лицѣ самой тогда свободной печати, находилось в такой же простраціи, как и представители правительства.

Всѣми равно властвовала проклятая формула „постольку-поскольку“, и всѣ искали популярности у революціонной черни, или стараясь доказать свой революціонный паѳос, или трусливо отмалчиваясь от неудобных вопросов.

Рѣшительно никто не хотѣл казни „тирана“, но никто и не осмѣливался поднять свой голос в его защиту.

Впрочем, огромное большинство просто было равнодушно к участи бывшего монарха. Слишком быстро завязалась роковая борьба, слишком близко надвинулась неизбежная катастрофа, чтобы заботиться о судьбѣ нѣскольких человек, хотя бы они и были членами династїи, триста лѣтъ правившей Россїей.

Я должен с угрызением совѣсти сознаться, что к этим равнодушным принадлежал и я сам.

Но вѣдь равнодушіе не есть оправданіе, и, когда теперь передо мной развертываются кровавыя страницы исторїи страданій и гибели царской семьи, мнѣ стыдно и больно.

Хочется что-то сказать, что-то сдѣлать... но сдѣлать уже ничего нельзя, а слова и есть только слова.

Остается только принять на себя часть отвѣтственности.

Ах, и на это у многих не хватает мужества!

4.

Но если мы, бывшіе враги бывшего императора, имѣем хоть какое-нибудь оправданіе именно в том, что мы были врагами, то никакого оправданія нѣтъ для тѣх, кто „сгордостью носил вензеля гбсударя моего”.

Кто покорно склонялся к подножію трона, кто тщеславился своей рабской преданностью „обожаемому монарху” и кто в рѣшительную минуту предал его.

Эти люди со слезами умиленія произносят теперь имя государя, приходя в ярость, если кто-либо осмѣливается прибавить к его титулу слово „бывшїй”.

Но это не помѣшало им тихо отойти в сторону, когда „настоящаго” свергали с престола.

Жалкіе люди! Гдѣ были вы, когда несчастный император судорожно метался между Псковом и Дно? Гдѣ были вы тогда, когда судьбѣ угодно было предоставить вам случай не на словах, а на дѣлѣ доказать свою преданность?

Преданность!.. Его предали всѣ без исключенія, без оговорок и без промедленія.

Это был единственный случай за всю исторію февральской революціи, когда не было никаких колебаній!

Гдѣ же были вы, нынѣ проливающіе слезы на страницах „патріотических” газет, когда над несчастными жертвами вашей преданности или предательства глумилась пьяная солдатня, когда вашего „государя” тащили в подвал на бойню?

Да, конечно, многіе из вас оправдываются тѣм, что пожертвовали династїей для спасенія Россїи.

Этому можно было бы, пожалуй, вѣрить, если бы...

Да, можно сегодня быть монархистом, а завтра признать республику. Жизнь переворачивает и самые стойкія убѣжденія.

Но нельзя же сегодня быть монархистом, завтра—республиканцем, а послѣзавтра снова заявлять о своей *нерушимой* вѣрности престолу!

Если бы тѣ, кто нѣкогда с гордостью „носил вензеля“, а потом нацѣпил на себя красный бант, таскали эти банты до сих пор, я бы имѣл право вѣрить в их искренность.

Но именно то обстоятельство, что носители красных бантов нынѣ снова вопят о своей нерушимой вѣрности царю, заставляет думать, что красные банты были знаком не смѣны убѣждений, а простой измѣны.

Да, конечно, с одной стороны, слишком небезопасно было тогда выступить на защиту „обожаемаго“ монарха, а с другой—мнилось многим, что они прекрасно могут прожить и с республикой.

Только теперь, когда оказалось, что с республикой плохо, и выяснилось, что многія благополучія были неразрывно связаны с тронем, у них проснулась пламенная любовь к монархіи!

Не буду, конечно, утверждать, что таковы всѣ, но таковых—огромное большинство.

Иначе не могло бы случиться так, что на глазах милліонов преданных обожателей полтора года мучили, оскорбляли, убивали несчастнаго царя и его ни в чем неповинных дѣтей.

А так было.

И мы даже не слышали ни об одной серьезной,—главное, многолюдной—попыткѣ к их спасенію.

5.

Вот в чем была трагедія Николая II-го: в том, что не только фактически, но и по духу времени он был послѣдним царем.

Говорят, что бывший император был неумен, безволен... Сколько раз мнѣ приходилось слышать, что если бы на его мѣстѣ был Николай I или, по крайней мѣрѣ, Александр III, то не было бы и самой революціи.

Это, конечно, обывательскіе разговоры! В теченіи трехсотлѣтней монархіи на престолѣ сиживали цари и глупѣ, и безвольнѣ, и тираничнѣ Николая II. Достаточно вспомнить хотя бы „Фридриховскаго императора“, Петра III-го, или веселую „Елизабет“, или сумасшедшаго Павла.

Правда, нѣкоторые из них поплатились собственной жизнью, но престол оставался непоколебимым.

Ибо тогда еще не исполнилась мѣра времени, и непоколебимо тверд был самый фундамент царской власти—народная вѣра в Царя.

В силу неизбѣжнаго историческаго процесса эта вѣра медленно, но неуклонно изсякала, и к тому времени, когда Николай II вступил на престол, этой вѣры уже не было вовсе. Жизнь переросла старыя формы, и теченіе ея шло в сторонѣ от царскаго престола.

Это ничего не значит, что даже наканунѣ революціи в Россіи было множество людей, которые искренно считали себя монархистами. Их монархизм давно утратил всякій паѳос и превратился в нѣчто мертво-официальное, с непосредственной жизнью не имѣющее ничего общаго. Сверху до низу, во всей толщѣ російскаго населенія трудно было найти человѣка, который бы свое существованіе связывал с существованіем династіи и монархіи.

С уваженіем, нѣкоторые даже с благоговѣніем, произносили слово „Государь“, вѣшали на стѣнах своих жилищ портреты царской семьи, с негодованіем осуждали „крамолу“, соблюдали дни тезоименитств.

А жили так, как будто монархія была сама по себѣ, а они сами по себѣ!

Интеллигенція почти сплошь была проникнута революціонными идеями. Бунтарскій дух бродил даже по аристократическим салонам, гдѣ хорошим тоном считалось быть в оппозиціи Двору. Буржуазія и крестьянство были глубоко безразличны к самой идеѣ монархіи. Они подчинились ей постольку, поскольку она вмѣшивалась в их жизнь, а в общем были к ней совершенно равнодушны.

В концѣ концов, связывали свою жизнь с существованіем царскаго трона только высшіе чиновники да активные революціонеры. Первые по долгу службы или карьеры ради оберегали этот престол, вторые старались его разрушить.

Но вѣдь наймиты всегда останутся только наймитами, а враги—врагами.

И в час гибели династіи у несчастнаго послѣдняго царя не оказалось защитников, но зато в изобиліи нашлись тюремщики и палачи.

Народ остался равнодушен к судьбѣ имперіи. Он был поглощен своими дѣлишками. Он неистовствовал в революціонном азартѣ, он грабил, убивал, но все это относилось вовсе не к монархіи, а к его собственным счетам и разсчетам.

Кто знает, в какую форму отольется будущая Россія.

Быть может, ея исторія кончена и обречена она ан распад. Быть может, она, как Феникс, возстанет из пепла еще болѣе могущественной. Быть может, будущая Россія будет „последним словом” республиканскаго строительства, а может быть, в ней снова водворится монархія.

Но одно несомнѣнно: даже и в послѣднем случаѣ Россія уже никогда не будет воистину „царской Россіей”.

Николай II-ой был послѣдним царем.

Царем „милостью Божіей”, помазанником, тѣм царем, о котором русскій народ с глубокой и восторженной вѣрой говорил:

— Одно солнце на небѣ, один Царь на Руси!

Новый монарх, если и воцарится в Россіи, будет уже монархом только „волею народа” — представителем націи, а не идеи.

Плохо или хорошо это, но жизнь никогда не возвращается вспять.

Жалѣть об этом бесполезно, как бесполезно плакать о прошедшей молодости. Еще бесполезнѣе—стараться возстановить исторически изжитое прошлое.

Но не нужно и клеветать на это прошлое.

Самодержавіе изжило себя и оно умерло. Но не надо забывать, что самодержавію русскій народ был обязан величіем и мощью Россіи. Двуглавый орел был не только хищником, который терзал угнетенный народ, но он был и руководителем этого народа, летя впереди и увлекая его за собой по лицу земли, от моря и до моря.

Много было темнаго и страшнаго в исторіи русских царей. Были среди них и тираны и безумцы, но всѣ они, и этого никто не посмѣет отрицать, чувствовали себя отвѣтственными за судьбы Россіи. Они могли отстать от жизни, они могли неистовствовать, совершать величайшія ошибки, но ни один из них не мог предать Россію. Что бы там ни было, но глубокой основой cadaго царствованія был все тот же завѣт Великаго Петра:

— Б ы л а б ы з д о р о в а Р о с с і я !

И послѣдній русскій царь, даже уже лишенный престола, даже уже примирившійся со своею участью, в муках униженій и страха за себя и своих близких не мог даже и помыслить о том, чтобы цѣною позора Россіи спастись от неминуемой гибели.

И когда он узнал о большевицком переворотѣ, когда понял, что близится его собственный конец, он ничего другого не мог записать в свой дневник, кромѣ краткой и горячей молитвы:

— Боже, спаси Россію!

И страшной смертью своей и всѣх своих, так горячо и страстно любимых им дѣтей заплатил за отказ подписать позорный мир со всемогущим тогда врагом Россіи.

Этого забыть нельзя.

7.

Да, это был послѣдній царь.

Сама судьба как будто хотѣла отмѣтить его чертами „послѣдности“.

Был он тихим, молчаливым, замкнутым, безвольным, неспособным на громкія слова и рѣшительные жесты. И сына дала ему судьба больного, подверженнаго неизлѣчимому недугу.

И, быть может, Николай II сам, если не сознавал, то чувствовал свою „послѣдность“, свою обреченность.

Он ощущал ту трагическую пустоту, которая окружала его на тронѣ, одиноко стоявшем среди народнаго моря, в котором изсякала вѣра в царя.

Оттого он был так нерѣшителен и слаб. Оттого так легко ввѣрялся любому проходимцу, который дѣлал вид, что может спасти обреченную монархію.

Оттого он так подчинялся всяким „мистическим шарлатанам“. Чувствующіе свою обреченность всегда ждут помощи от каких-то сверхъестественных сил.

Воспитанный в извѣстной средѣ Николай II не мог, конечно, отказаться от вѣры в свое помазанничество. Но вѣра эта не была для него живым двигателем воли и мало-помалу тихо замирала в его собственной душѣ.

И изступленная фанатичка-царица принуждена была без конца, без усталости твердить ему:

— Вспомни, что ты цари!. Вспомни, вспомни, вспомни!..

Эта страстная настойчивость прямо поражает, когда теперь читаешь письма Александры Феодоровны. Кажется как будто она заклинает уходящую жизнь и в отчаяніи видит, что заклинанія уже бесполезны.

И они дѣйствительно были бесполезны. Царь дѣлал вид, что вѣрит женѣ, подчинялся ей, как источнику сильной воли, но молчал и тихо уходил прочь, все дальше и глубже в свою обреченную „послѣдность“.

Назначал министров, подписывал приказы, изготовленные за него другими, смѣнял полководцев, передавал всю полноту власти кому угодно и молчал.

Как будто, в сознаниі своей обреченности, хотѣл сказать:

— Все это ни к чему! Я вам не мѣшаю пробовать, но от судьбы не уйдешь!

И уходя с престола, без борьбы и протеста, он не хотѣл передать обреченнаго трона своему сыну. Он взял его с собою, чтобы потом собственными руками снести его на смерть в роковой подвал ипатьевского дома.

„Послѣдній царь“!

Когда-нибудь великій поэт напишет эту трагическую поэму.

У КРАСНАГО КОРЫТА *)

1.

В свое время с достаточной очевидностью было доказано, что отчет комиссії пресловутаго Перселя был изготовлен в нѣдрах совѣтских комиссаріатов. Однако, этот скандал ничуть не смутил ни большевиков, ни многочисленных послѣдователей Перселя. Шведская и бельгійская рабочія делегации еще наслаждаются „товарищеским приѣмом“ Москвы, а „Правда“ уже печатает выдержки из их отчетов. Очевидно, эти отчеты заготавливаются заранее и впрок.

Как и отчет комиссії Перселя, отзывы бельгійских и шведских товарищей преисполнены восторгов по адресу блистательнаго СССР.

Это уже набило оскомину и можно было бы совершенно равнодушно пройти мимо, даже не спрашивая „ты скажи мнѣ, гадина, сколько тебѣ дадено“, но вот что пишет по этому поводу передовик „Правды“:

„Стихійное тяготѣніе к нам людей из самой гущи пролетарских низов уже приводит к тому, что посѣщенія нас иностранными рабочими становятся почти что будничным явленіем. И тѣм не менѣе, мы не должны ни на іоту уменьшать того *огромнаго международнаго политическаго смысла* (курсив „Правды“), который заключен в отзывах о нас рядовых рабочих от станка“.

О международности этого печальнаго явленія — „стихійнаго тяготѣнія пролетарских низов“ к московским убійцам и грабителям — свидѣтельствует другой совѣтскій журналист Кольцов, который, описывая парад в честь бельгійских и шведских товарищей, восклицает:

„Красная площадь видѣла иностранцев. наших иностранцев. коммунистов. всевозможных. норвержцев с льянными прическами и лоснящихся негров с Гваделупы. американцев и китайцев. Красной площади это не впервой.“

*) „За Свободу!“ № 205 от 6 августа 1925 г.

Что это — не впервой, мы знаем. Еще при Иоаннъ Грозном на Красной площади похаживали с топориками палачи и носилась наемная опричина... Слышала Красная площадь и нѣмецкую команду шпионов, под руководством которых несчастная красногвардейская шпана обстрѣливала Кремль... И нынѣ на той же злосчастной Красной площади выставлена напоказ полуразложившаяся мумія величайшаго из международных злодѣев — Ленина.

Если бы только в том и заключался весь „огромный международный смысл“ тяготѣнія рабочих к большевицкому корыту, это не было бы страшно.

Ибо давно сказано, что было бы корыто, а свиньи найдутся... тѣм болѣе — „из самой гущи низов“.

Но большевики вовсе не так глупы и неразсчитливы, чтобы тѣшиться бесполезными парадами и тратить на приемы „гостей“ бѣшенныя деньги из своей тощей казны.

„Международный политическій смысл“ их гостеприимства гораздо глубже и серьезнѣе.

Россія ограблена почти в чистую. Все туже заворачивают большевики свой налоговый пресс, но хотя из-под него и каплет человѣческая кровь, но процент золота в этой крови становится все меньше и меньше.

А, между тѣм, пропаганда всемірной соціальной революціи приняла грандіозные размѣры, охватив весь мір, „от горячих песков пирамид“ „до стѣн недвижнаго Китая“. Она требует огромных затрат, ибо давно изсяк пафос революціи и все меньше находится дураков, которые согласились бы лѣзть в петлю бесплатно.

И вот на выручку рѣдѣющим рядам красной агитационной арміи являются эти рабочія делегации.

2.

Конечно, восторги „Правды“ относительно „рядовых рабочих от станка“ сильно преувеличены. Большевики, со свойственной им наглостью, когда им выгодно, легко забывают сегодня то, о чем сами писали вчера. Но у нас память не так коротка, и мы помним, что всего нѣсколько дней тому назад „Правда“ оповѣщала мір о наличности среди шведской и бельгійской делегаций большого числа журналистов, учителей, партійных дѣятелей и желторотых комсомольцев.

Но все же, несомнѣнно, среди них есть очень много и самых подлинных рабочих.

Почему эти почтенные труженики покидают свои станки и тратят рабочее время на площадные парады?

Отвѣтъ один, и его, с классической простотой, дает тот же Кольцов:

— „Потому что эти шведскіе, нѣмецкіе и бельгійскіе гости — рабочіе!“

То есть, потому, что „самая гуща пролетарских низов“ дѣйствительно тянется именно туда, гдѣ из грязи можно попасть прямо в князи, гдѣ, как они слышали, „пролетарское происхождение“ гарантирует и безнаказанность, и бездѣлье и дѣлеж награбленного.

Потому что именно пролетарскіе низы, у которых нѣтъ ни культуры, ни Бога, ни традицій, стихійно рвутся туда, гдѣ гибнет культура, гдѣ религія провозглашается только опіумом для народа, гдѣ не труд, а готовность на злодѣйство дают сытую и пьяную жизнь.

Конечно, тѣ из этих низов, которые остаются в совѣтском раю, скоро убѣждаются, что у завѣтнаго корыта на всѣх мѣста не хватает. Только немногим из них удается завоевать себѣ теплое мѣстечко и по уши погрузить свиную или волчью морду в „гущу“ сытнаго кроваваго пойла. Большинство же, по окончаніи парада, безжалостно сбрасывается снова в „самую гущу низов“, к таким же обманутым русским рабочим, наравнѣ с которыми и превращается в безотвѣтное, голодное, безжалостно эксплуатируемое быдло.

Но в расчеты большевиков как раз и не входит, чтобы „гости“ слишком долго засиживались. В совѣтской Россіи они не только не нужны, но даже и опасны, ибо у них нѣтъ испытаннаго русскаго терпѣнія и, хлебнув подлинной гущи совѣтскаго быта, они весьма скоро превращаются в „активный контр-революціонный элемент“.

Поэтому задача большевиков именно в том и заключается, чтобы ослѣпить гостей блеском парадов и потемкинских деревень, помазать их по губам, раздражить их аппетиты до бѣшенства, а затѣм поскорѣ вернуть их в прежнее ничтожество.

То есть распылить по всѣм странам міра скоро и дешево обработанных добровольных агитаторов и пропагандистов.

Они опаснѣе самых искусных и смѣлых агентов, ибо агент врет и знает, что врет, а кромѣ того — его усердіе прямо пропорціонально его стоимости.

Да и гдѣ найдешь у себя дома достаточное количество людей, владѣющих языками всего міра? Откуда, на примѣр, взять хотя бы того же „лоснящагося негра из Гваделупы“,

если ни один бѣдный еврей не захочет мазаться сажей с салом?

А тут каждая „рабочая делегація“ дает нѣсколько десятков, а то и сотен чистокровных граждан именно тѣх стран, в которых они должны „работать“.

И вот раз'ѣзжаются всѣ эти „льняные норвежцы, лоснящіеся негры, американцы и китайцы“, увозя с собой блаженное воспоминаніе о сытой и пьяной жизни московских „товарищей“ из ГПУ, о пышных казенных парадах, о торжественных спектаклях в этих удивительных русских театрах и даже... об очаровательных и бесплатных русских женщинах!

(Ибо я знаю от очевидцев, что в „Европейскую“ гостиницу в Петроградѣ, гдѣ помѣщалась коммиссія Перселя и гдѣ, во все время ея пребыванія, дым стоял коромыслом, большевики бесплатно доставляли и женщин... Кто онѣ, эти несчастныя жертвы пролетарскаго темперамента?)

Можно себѣ представить, с каким чувством представители „самой гущи низов“ становятся снова к своему опостылѣвшему станку?

С какой животной яростью они — „кому еще не дано добиться своих прав и возможностей“ (по выраженію того же Кольцова) — смотрят на буржуазію своих стран, как ненавидят они свой станок и как тоскуют они о покинутом совѣтском раѣ!

Они отравлены этой тоской — почти что „тоской по родинѣ“, ибо, вѣдь, „у пролетарія нѣтъ отечества“ и его родина там, гдѣ торжествует его классовая борьба и классовый аппетит.

От этой тоски пролетарій уже не уйдет! Словно в сладостном снѣ, перед глазами его всегда будет стоять и эта Красная площадь, залитая красными флагами, и эти торжественные спектакли, и эти безшабашные пиры с очаровательными женщинами, а в ушах всегда будут звучать „могучіе звуки Интернаціонала“ и хриплые, жадные крики торжествующаго краснаго воронья:

— Товарищи, смерть буржуям! Грабь награбленной!

Душа его вѣчно будет горѣть в неутолимой жаждѣ извѣдать это все вновь и в лютой, непримиримой ненависти к своим „классовым врагам“, стоящим у него на дорогѣ к наслажденію и власти.

Лучших, преданнѣйших, опаснѣйших агитаторов коминтерн и пожелать не может!

Ибо они бесплатны, ибо их много, ибо они имѣют доступ в „самую гущу пролетарских низов“, ибо они навсегда

отравлены алчностью и ненавистью, ибо они искренни в своей ненависти.

Вот, в чем подлинный и действительно огромный международный политический смысл всех этих рабочих делегаций.

Красный дьявол работает не покладая рук, и вместе с ним, в безумной слепоте, работают все правительства расшатанной Европы, покорно подписывая паспорта по его сатанинской указке.

ТЯЖЕЛЫЯ МЫСЛИ.

1.

Существуют разныя мнѣнія о причинах русской катастрофы.

Одни во всем винят самодержавіе; другіе — евреев; третьи — войну; четвертые — большевиков.

Я же думаю, что главным образом была виновата наша проклятая російская половинчатость, та неспособность наша к категорическим рѣшеніям, которая нашла себѣ идеальное выраженіе в знаменитой формулѣ „постольку — поскольку!”

Было время, когда и сама революція могла быть предотвращена или, по крайней мѣрѣ, надолго отсрочена. Для этого Николаю II-му нужно было сдѣлать рѣшительный выбор между конституціей и безпощадным уничтоженіем всякой оппозиціи в самом ея зародышѣ.

Он этого не сдѣлал, с одной стороны не идя ни на какія уступки, а с другой — терпя оппозиціонную Думу и печать почти революціонную.

Николай II вообще был истинно русским человѣком, и его скитанія между Псковом и Дно могут служить ярким символом всего нашего русскаго шатанія.

Когда царь сошел со сцены, его шатанія возобновили его преемники, вѣчно колебавшіеся между твердой властью и неограниченной свободой, между страхом революціи и страхом реакціи.

Эти шатанія и погубили Россію, которую можно было спасти, несмотря ни на войну, ни на большевиков, ни на революцію.

Революція — не гроза, не потоп, не землетрясеніе, против которых, да и то не всегда, безсильны люди. Если это и стихія, то стихія человѣческая, а человѣческую стихію всегда можно направить в то или иное русло.

*) „За Свободу!” № 213 от 15 августа 1925 г.

Только для этого нужна твердая воля, способная принять определенное решение и провести его до конца, без колебаний и оговорок.

Допустим на момент любое из вышеперечисленных объяснений катастрофы... Пусть это будет война, евреи, большевики, все, что угодно.

Раз близость катастрофы была осознана, — а осознана она была, ибо всё наперебой кричали, что „уже бьет двѣнадцатый час!“ — то для предотвращения этой катастрофы нужно было, прежде всего, определенно решить:

— Россія гибнет и ее надо спасти во что бы то ни стало!

Если бы такое решение было принято, то выводы последовали бы сами собою.

Нарочито грубо говоря: — если в катастрофѣ виновата война, нужно немедленно прекратить войну; если большевики, нужно перевѣшать всѣх большевиков.

Конечно, всякое решительное средство рискованно, но опаснѣе нерѣшительности нѣтъ ничего!

Во всяком случаѣ, нельзя было изображать Буриданова осла и самое спасеніе Россіи ставить в зависимость от того, поскольку сіе не противорѣчит вѣрности союзникам или принципам гуманности и свободы.

Ибо раз спасеніе Россіи было поставлено в зависимость от чего бы то ни было, спасенія и быть не могло.

Так было!

Но все это — дѣло прошлое... В концѣ концов, спорить о том, как надо было поступить вчера, совершенно бесполезно. Такіе споры только вызывают то болѣзненное томленіе духа, которое переживает проигравшійся игрок, когда на другой день послѣ проигрыша мучительно старается учесть, что было бы, если бы накануне он поставил не на ту карту, а на другую.

Время! — вот та „стихія“, против которой, дѣйствительно, безсилен человек. Что прошло, того не вернешь.

Но, вѣдь, у нас не только прошлое. У нас есть и настоящее, и мы хотим имѣть будущее.

Для того, чтобы его имѣть, надо учесть уроки прошлого.

А между тѣм, я с ужасом вижу, что мы, дѣйствительно, „ничего не забыли и ничему не научились!“

2.

Конечно, теперь даже самые твердокаменные легитимисты понимают, что сверженіе совѣтской власти и будущее Россіи зависят от самого русскаго народа.

Не только эмиграція, но даже и вся Европа безсильна завоевать великую страну и подчинить ее своей волѣ.

Но все же, будь русская эмиграція единой организованной силой, она могла бы играть большую роль.

Наша распыленность, наша партійная рознь усиливаютъ позицію тѣх иностранных ревнителѣй и поборниковъ совѣтской власти, которые, указывая европейскому общественному мнѣнію на нашу бесплодную и бессмысленную грызню, внушаютъ, будто большевики — это единственная сила, способная справляться со взбаламученным народным морем.

А отсюда — градъ признаній, торговыя соглашенія, кредиты и все прочее, что длитъ агонію совѣтской власти и страданія русскаго народа.

Отсюда и страданія самой эмиграціи, которая, вѣдь, тоже есть часть русскаго народа и с которой никто не считается, третируя ее, насилуя, унижая и оскорбляя.

Поэтому вряд ли найдется кто либо, кто не понял бы, какая острая необходимость — в единеніи всей русской эмиграціи, без различія партій и убѣжденій.

Об этом единеніи стономъ стонет, крикомъ кричитъ эмигрантская масса, уставшая, сбитая с толку безконечной распрей ея руководящих верхушек.

Об этом с удивленіем и возмущеніем говорятъ всѣ пріѣзжіе из Россіи.

3.

И тѣм не менѣе, как только возникла мысль об общеэмигрантскомъ с'ѣздѣ, так сейчас же и воскресла проклятая формула „постольку — поскольку“.

С перваго же шага между двумя руководящими органами эмигрантской печати — „Послѣдними Новостями“ Милюкова и „Возрожденіем“ Струве возникла ярая полемика.

Вот уже мѣсяца два она ведется с неослабѣвающим жаром. Милюковъ и Струве наносятъ друг другу мастерскіе удары...

У меня нѣтъ охоты апплодировать ихъ полемическому искусству!

Фактъ тотъ, что г. Струве сразу заявилъ, что та часть эмиграціи, которая одержима республиканско-демократической ересью и не желаетъ преклониться передъ чудотворнымъ образомъ угодника Николая... Николаевича, не имѣетъ права принимать участіе в „С'ѣздѣ зарубежной Россіи“.

Г. Милюковъ же немедленно далъ понять, что постольку с'ѣздъ будетъ возглавляться монархистами, постольку демократіи невмѣстно участвовать в этомъ предпріятіи.

Таким образом, обѣ стороны сразу поставили предполагаемый с'ѣзд под угрозу бойкота со стороны той или иной части эмиграціи.

А этим сразу предрѣшается и неудача с'ѣзда, ибо он имѣет смысл только в том случаѣ, если это будет с'ѣзд всей эмиграціи, а не только одного ея крыла, как бы велико это крыло ни было.

Эмиграція, раздѣленная на двѣ, хотя бы и неравныя, части, уже не имѣет никакого значенія.

Я никак не могу раздѣлить точку зрѣнія одного лѣваго журналиста, который предложил привѣтствовать с'ѣзд, как с'ѣзд опредѣленно монархической, в цѣлях наглядно убѣдить мір в безсиліи монархистов!

Такое предложеніе можно дѣлать, только глядя через забор на улицу, гдѣ дерутся чужіе люди, но никак нельзя относиться таким образом к дракѣ в собственной семьѣ!

И по существу своему это предложеніе ужасно, ибо оно показывает, как глубоко зашло разложеніе... Люди готовы провалить общее дѣло, лишь бы насолить друг другу!

Как будто не существует никакой русской эмиграціи, а все дѣло в том, кто кому насолит больше: Милюков или Струве, монархист или демократ.

Очевидно, эти люди уже неспособны понять, что русская эмиграція, как таковая, есть одно цѣлое, и провал какой бы то ни было ея части знаменует, в конечном счетѣ, и провал всего цѣлаго.

4.

Невольно возникает тяжелая мысль...

Трудно допустить, чтобы эти люди не понимали, как бесплодны их пышные турниры из-за прекрасных дам республики и монархіи, когда и дам-то этих вовсе нѣтъ!

Ибо даже рядовому обывателю понятно, что пока существует совѣтская власть и не видно, когда пробьет час ея паденія, всякіе споры о будущей формѣ правленія в Россіи—совершенно бессмысленны.

И не только бессмысленны. Они противорѣчат самой логикѣ, ибо нельзя же признавать за русским народом прав самому рѣшить свою судьбу и в то же время судьбу эту предрѣшать.

Но есть ли эти идеологическая непримиримость и полемическій задор лишь средства прикрыть безнадежность, печальную пустоту своего существованія?

И в самом дѣлѣ, представим себѣ на миг, что на с'ѣздѣ или в печати опредѣленно побѣдила бы та или иная сторона...

Допустим, что Милюков воздвиг чудотворный образ Николая Николаевича или Струве стал под республиканское знамя...

И вот, нѣтъ больше никаких разногласій! Кроважидные тигры реакціи возлегли рядом с ягнятами истинной демократіи! Будущая форма правленія в Россіи выработана, принята и единогласно утверждена!

Ну, и что же дальше?..

А дальше пришлось бы закрыть всѣ „Послѣднія Новости“ и „Возрожденія“, ибо не о чем было бы спорить, а дѣлать тоже нечего!

Я думаю, что несчастнѣйшій день в жизни Милюкова был бы тот день, когда всѣ с ним согласились бы, а Струве покончил бы жизнь самоубійством в тот миг, когда всѣ „стали бы под знамя Вождя“!

Ибо нѣтъ ничего скучнѣе, как изрекать истины, против которых никто не возражает, а неподвижно стоять под каким бы то ни было знаменем даже и просто невозможно

5.

Но все это происходит по той же причинѣ, по какой мы не могли предотвратить всѣми осознанную катастрофу 17-го года.

Мы до сих пор не можем себѣ уяснить, что всѣ несчастія Россіи не в том, что в ней нѣтъ республики или монархіи, а в том, что она находится во власти большевиков.

Если бы мы это уяснили, то мгновенно исчезли бы туманные призраки воображаемых монархій и республик, которых „никто же не видит нигдѣ же“, и перед нами встала бы одна и общая задача—сверженіе совѣтской власти.

Конечно, мы, эмигранты, самостоятельно свергнуть большевиков не можем. Но мы могли бы помочь Россіи и средствами и людьми.

Но для этого нужно прійти к опредѣленному рѣшенію, поставить перед собою одну цѣль, оставить в сторонѣ идеологическія разногласія и создать один общій центр дѣйствій.

Только на этой почвѣ возможно единеніе русской эмиграціи и только под этим лозунгом возможен был бы сѣзд „Зарубежной Россіи“.

В противном случаѣ он или вовсе не состоится, или будет никому, кромѣ самих монархистов, ненужной, монархической демонстраціей, или мы явимся зрителями грандіознаго диспута с заранѣе извѣстным концом.

Идеологія не терпит уступок по существу. Ни при каких условіях демократы не убѣдят монархистов в преиму-

ществах республиканской формы правления, и никогда монархисты не смогут внушить республиканцам преданность монархии.

Мы увидим всѣх „премьеров“, выслушаем множество блестящих рѣчей, а затѣм та или иная сторона, оставшись в меньшинствѣ, демонстративно покинет зал засѣданія.

И кто бы там тогда ни остался—монархисты или демократы—все останется по прежнему, как будто никакого с'ѣзда и не бывало.

Только развѣ, что газетная полемика, за послѣднее время поутихшая за отсутствіем тем, надолго оживится, получив свѣжій матеріал для взаимных обвиненій.

6.

Но, увы, я прекрасно знаю, что, взывая с созданію „центра дѣйствія“, изображаю глас вопіющаго в пустынѣ!

Эмигрантская масса, та, которая в кровавой гражданской войнѣ доказала свою способность к дѣйствию, распылена и безгласна. У нея нѣтъ ни средств, ни физической возможности создать свою организацію, помимо „руководящих верхушек“.

А „руководящія верхушки“... да, вѣдь, это тѣ же самые люди, которые своей неспособностью к дѣйствию и своим идеологическим сектантством сами и создали то трагическое положеніе, в котором мы находимся.

Переродиться они не могли, а сорок лѣтъ странствованія по пустынѣ еще не прошли!

ЛИЧНОСТЬ И ПРИНЦИП.*)

1.

В отвѣтъ на мою статью о законности чувства мести по отношенію к большевикам, в „Послѣднихъ Новостяхъ” появилась статья г-жи Кусковой „Религія мести”, в которой почтенная публицистка изо всѣхъ сил старается меня уничтожить.

Я употребляю это выраженіе не ради зубоскальства, а потому что оно точно выражает смысл и цѣль статьи г-жи Кусковой, проникнутой желаніем не мысль мою опровергнуть, а нанести удар мнѣ самому, подорвав, так сказать, мою моральную репутацию.

Я охотно вѣрю, что, будучи иныхъ взглядовъ на жизнь, чѣмъ я, г-жа Кускова искренно возмущена моею „проповѣдью”. Но все-таки, во всей ея статьѣ нѣтъ ни единого возраженія по существу вопроса, кромѣ голаго утвержденія, что проповѣдь моя „отвратительна с моральной стороны и опасна с практической”.

Зато цѣлые столбцы посвящены ядовитымъ нападкамъ на меня лично, и в ярости своей г-жа Кускова рѣшительно ни передъ чѣмъ не останавливается.

2.

Уже не разъ говорилось о томъ, что наши полемисты часто позволяютъ себѣ прибѣгать къ приемамъ, недопустимымъ с точки зрѣнія не только литературной этики.

В числѣ такихъ приемовъ особенной ходкостью пользуется слѣдующій: доводятъ мысль своего противника до абсурда, а затѣмъ, конечно, опровергаютъ ее с большой легкостью.

Это самый ужасный приемъ! Припишутъ тебѣ то, чего у тебя никогда и в мысляхъ не было, а потомъ, поди, доказывай, что „ты не верблюд”.

Вѣдь очнюю ставку двухъ статей не устроишь!

*) „За Свободу!” № 320 от 25 августа 1925 г.

Здѣсь весь расчет на то, что подлинныя ваши слова не всѣми прочитаны, а кѣм и прочитаны — забыты.

А потому — вали, как на мертваго.

Впрочем, иногда это происходит и потому, что ваш оппонент или понял вас по своему, в мѣру своего разумѣнія, или просто ничего не понял.

Что именно случилось в данном случаѣ, я не знаю. Но вот, с чего начинается свою филиппику г-жа Кускова:

— „Что было самым отвратительным в большевизмѣ, это — культ мести. Маленьких дѣтей считали преступниками за то, что они смѣли родиться от помѣщика, чиновника, дворянина. Что они — люди бѣлой кости. С другой стороны, людям черной кости внушали: вот твой классовый враг... Бей”!

Разумѣется, что, прочитав такое вступленіе, но не читав или забыв мою статью, читатель вправѣ заключить, будто я и в самом дѣлѣ проповѣдую бессмысленную классовую месть „до седьмого колѣна”.

А, между тѣм, в статьѣ моей не было даже и намек на призыв к мести „какому то неизвѣстному виновнику, какому то неизвѣстному коллективу”, как то утверждает г-жа Кускова.

Я говорил о мести, как о персональном возмездіи дѣйствительным виновникам дѣйствительных звѣрств. Черным по бѣлому писал я:

— Страшныя преступленія требуют и страшнаго возмездія!

И уж, конечно, никогда и нигдѣ я не взывал о классовой мести, а тѣм паче — об истребленіи дѣтей, которыя имѣли несчастіе родиться от большевиков.

Приписывать мнѣ такую гнусность — просто глупо!

Я очень желал бы избѣжать рѣзких слов и сохранить спокойствіе, но всему же есть предѣл. Нелѣпая попытка превратить меня в кровожаднаго звѣря, в какого то новаго Ирода, жаждущаго крови ни в чем неповинных младенцев, снимает с меня обязанность быть сдержанным.

3.

Тѣм болѣе, что на этом г-жа Кускова не останавливается.

Внезапно от моей статьи она перескакивает к какой то анонимной брошюрѣ, написанной на тему „бей жидов”.

Я не хочу думать, что это было сдѣлано умышленно, но та непосредственная близость, в которую г-жа Кускова поставила мою статью с пакостной брошюркой, может произвести такое впечатлѣніе, как будто и в самом дѣлѣ между мною и погромной агитаціей есть нѣчто общее.

А при той болѣзненной мнительности, какою отличаются евреи, такого сопоставленія совершенно достаточно, чтобы в их представленіи Арцыбашев так и остался погромщиком антисемитом.

Возможно, что такого эффекта г-жа Кускова не добивалась, просто пользуясь извѣстным приѣмом „доведенія до абсурда“ с цѣлью доказать „практическую опасность“ моей статьи о мести.

Ибо далѣе она говорит:

— „Человѣку, стоящему на точкѣ зрѣнія Арцыбашевской святой мести, нельзя запретить искать виновных там, гдѣ он их видит, сообразно своему пониманію“.

Увы, „доведеніе до абсурда“ иногда и в самом дѣлѣ доводит до самаго настоящаго абсурда!

Ибо, если слѣдовать положенію г-жи Кусковой и всегда имѣть в виду, что ваша идея может быть „сообразно своему пониманію“, использована каким нибудь сумасшедшим или негодяем, то придется отказаться вообще от всяких идей.

Тогда нельзя говорить, напримѣр, о правосудіи, о правѣ людей судить и наказывать. Может найтись такой сумасшедшій, который, на основаніи этого права, начнет казнить всякаго, кто ему кажется достойным казни.

Нельзя говорить и о свободѣ совѣсти и слова, ибо какой нибудь мерзавец, во имя этих принципов, потребует свободы безсовѣстности и клеветы.

И я думаю, что г-жа Кускова прекрасно это понимает.

Вѣдь она говорит о себѣ, что она — „непослѣдовательная социалистка“.

Непослѣдовательная или послѣдовательная — это дѣло иное, но отнынѣ она должна отказаться от идеи социализма, ибо мы же видим, что из этой идеи, „сообразно своему пониманію“, сдѣлали большевики!

4.

Но именно та настойчивость, с какою г-жа Кускова все, сказанное мною, доводит до абсурда, свидѣтельствует о том, что цѣль ея — не спор со мною, а нападеніе лично на меня.

Это тѣм болѣе ясно, что весь центр ея статьи занят рядом злостных нападок на меня, как на человѣка.

Суть этих обвиненій заключается в слѣдующем:

— Арцыбашев нѣсколько лѣтъ прожил в Россіи в самый страшный період большевицкаго террора, и тогда он ни сам не ввязывался в борьбу, ни других не звал к святой мести. Тогда не было слышно его голоса, а „теперь, сидя здѣсь в относительной безопасности, он учит малых дѣтей святой мести“.

И г-жа Кускова так этим возмущена, что даже заканчивает весьма прозрачным многоточіем: — „поздно и...“
То есть, читай: — „поздно и подло“!

Любопытно отмѣтить одно обстоятельство: уже давно я являюсь постоянным объектом полемических упражненій г-жи Кусковой и каждый раз она повторяет это обвиненіе.

Не знаю, что значит это утомительное однообразіе. Манія или скудость полемических способностей?

Зачѣм так наглядно демонстрировать, что больше нечего сказать?

Это тѣм болѣе неприятно, что, благодаря этому, и мнѣ приходится повторяться.

До послѣдняго дня существованія в Россіи независимой печати я вел в московской газетѣ „Свобода“ тѣ же „Записки писателя“, которыя веду и теперь. И хотя там не было ни „относительной“, ни вообще безопасности, статьи мои так же были направлены против большевиков и были так же рѣзки. Если бы я мог здѣсь процитировать их, читатели подумали бы, что я цитирую свои варшавскія статьи. Мнѣ доподлинно извѣстно, что номера „Свободы“ с моими статьями, отмѣченными красным карандашом, препровождались на разсмотрѣніе „куда слѣдует“. Об этом меня предупреждали, совѣтуя уѣхать, но я от отвѣтственности не уклонялся и оставался в Москвѣ, ничуть не скрывая своего отношенія к совѣтской власти.

Конечно, когда печать была уничтожена, я замолк. Но нужно быть очень озлобленным, чтобы обвинять меня в том, что голоса моего не стало слышно тогда. Очевидно, что его и не могло быть слышно!

Не может ли г-жа Кускова указать, каким способом я мог бы тогда возвысить свой голос? Вѣдь я же не пророк Исаія, чтобы выйти на площадь и завопить благим матом.

Я писатель и голос мой — голос писателя. Когда писателю негдѣ писать, он молчит.

Ну, а молчал ли я, как человек, в своей частной жизни, этого г-жа Кускова знать не может. Мы вращались в разных кругах. За все время моего пребыванія в Москвѣ, мы встрѣчались всего два раза, да и то при таких условіях, когда г-жа Кускова физически не могла слышать моего голоса: я проходил по улицам, а она проѣзжала мимо, в большевицком автомобилѣ.

Там же, гдѣ я бывал и гдѣ не бывала г-жа Кускова, я не молчал и много, много людей в Москвѣ могут засвидѣтельствовать это.

Дважды обращались большевики ко мнѣ, предлагая работать с ними и обѣщая за то великія и богатыя милости, и дважды я отвѣчал им, что Арцыбашев не продается.

А когда, с таким же предложением, я получил официальную бумагу Госиздата, я на той же бумаге ответил:— „пока в России нет свободы печати, я вам не писатель!”

В то время я очень бѣдствовал.., Может быть, это от голода я так спал с голоса, что г-жа Кускова меня не слышала! Я, вѣдь, академических пайков не получал.

Но пусть я молчал.., Гдѣ же звучал голос самой г-жи Кусковой?

Я слышал его только в „Прокукишѣ” да в „Красной Газетѣ”, гдѣ г-жа Кускова призывала русскую общественность к совместной работѣ с совѣтской властью по ликвидации страшнаго голода 22 года.

Да, там моего голоса не было слышно!

Впрочем, нѣкоторые из членов „Прокукиша”, всетаки, его слышали: еще до открытія этого симпатичнаго учрежденія, я говорил им, что ни под каким видом они не должны идти на зов большевиков, ибо, спекульнув на „русской общественности”, большевики их все равно разгонят, как идиотов.

Так оно и случилось. „Прокукиш” разогнали, а большевики, всетаки, успѣли кое-что получить, дѣтишкам из ГПУ на молочишко.

5.

Г-жа Кускова так исполнена желаніем, во что бы то ни стало подорвать мою моральную репутацію, что вытащила из гроба даже несчастнаго Савинкова.

— „Запомнилась мнѣ также статья Арцыбашева об отѣздѣ покойнаго Бориса Викторовича Савинкова. Он, говорит, ѣхал для совершенія акта... Отчасти и потому, что я, Арцыбашев, писал ему об этом. Помню, с каким отвращеніем прочла я тогда это мѣсто. Я, Арцыбашев, пишу ему, Савинкову, чтобы он, Савинков, совершил акт мести или борьбы, все равно...”

Кстати очень любопытны эти незамѣтныя оговорки.

Г-жа Кускова знает, что говорит неправду, и старается смягчить это: говоря о моей теперешней безопасности, она прибавляет „относительной”; утверждая, будто я призывал Савинкова к мести, оговаривается— „или борьбы, все равно”.

В том то и дѣло, что не все равно!.. Г-жа Кускова отлично знает, что пиша то, что я пишу здѣсь, очень трудно рассчитывать на полную безопасность. И еще лучше знает, что я никогда не писал Савинкову, чтобы он ѣхал в Россію.

Я звал Савинкова, впавшаго в апатію, к возврату на путь борьбы. Звал, как талантливаго организатора, котораго я, при всем своем желаніи, замѣнить бы не мог. При этом

я отдавал себя в его распоряженіе. Во что бы это вылилось—неизвѣстно. Гибель Савинкова все оборвала.

Но уже самое присоединеніе мое именно к Савинкову говорит о многом. Я не проѣхал, подобно многим, в мирную, сытую Прагу, куда звали меня чехи, а предпочел присоединиться к боевой организаціи и остался в голодной, для русских, Варшавѣ, при нищей газетѣ.

Все это должно было бы указать г-жѣ Кусковой, что я не искал безопасности и не прятался за спину других.

Но, вѣдь, это лишило бы ее всѣх аргументов против меня, а потому она предпочла об этом умолчать.

Однако, довольно. Всего этого совершенно достаточно, чтобы понять, к каким средствам прибѣгает г-жа Кускова, чтобы добиться своей цѣли.

Вѣроятно тѣ комсомольцы, которые таскали по Москвѣ плакаты „Дальше от Арцыбашева!“ будут очень благодарны г-жѣ Кусковой, если ей удастся лишить меня и того маленькаго вліянія, которое мнѣ удалось приобрести среди извѣстной части эмиграціи.

Пусть я, для большевиков, не страшный враг. Но все-таки одним врагом меньше—и то слава Богу!

Кстати, будут благодарны г-жѣ Кусковой и маяковскіе футуристы, которые ненавидят Пушкина не меньше, чѣм г-жа Кускова меня.

Вѣдь тѣ слова „святая месть“, которыя г-жа Кускова называет безсмысленными („другіе повторяют безсмысленныя слова святая месть!“), принадлежат не мнѣ, а Пушкину.

Впрочем, это не важно, и я отмѣчаю это только для курьеза.

6.

Дѣло не в курьезах. Дѣло в том, что вся позиція г-жи Кусковой безсмысленна.

В концѣ концов, не во мнѣ же суть?

Вопрос не в том, убью ли я „из собственнаго пистолета“ какого нибудь Чичерина, а в том — мстить или не мстить большевикам за их преступленія, за миллионы умученных ими людей, за распятую Россію?

От рѣшенія этого вопроса зависит все направленіе политической дѣятельности „зарубежной Россіи“.

Таких направленій существует два:

Одни считают, что ни при каких условіях не может быть примиренія с большевиками, а слѣдовательно, борьба должна вестись на полное уничтоженіе совѣтской власти.

Другіе полагают, что при условіи нѣкоторых уступок со стороны большевиков можно войти с ними в соглашеніе.

Признание права „святой мести“ есть ничто иное, как твердое начертание именно первого пути.

Г-жа Кускова мечь отрицает.

Прекрасно. „Религія всепрощенія“ имѣет право имѣть своих апологетов так же, как и „религія мести“.

Но тогда г-жа Кускова и всѣ с нею солидарные должны довести свою мысль до логическаго конца:—не мстить, это значит—простить!

Иного выхода нѣтъ. Или мечь, или прощеніе.

А положив в основу прощеніе, надо стать на путь примиренія.

Вот тот логическій вывод, на котором мы и столкнулись с г-жей Кусковой.

7.

В этом и все объясненіе ея страстности, в этом и объясненіе, почему она не спорит со мною, а нападает лично на меня.

Ибо, споря со мною, поневолѣ договоришься до необходимости примиренія с большевиками, а это по многим причинам неудобно.

Нападая же лично на меня (в случаѣ, конечно, успѣха нападенія!), устраняешь человѣка, который своей непримиримостью и своей рѣзкостью портит всю игру.

Игра же эта основана вот на чем: сторонники соглашенія с большевиками ставят свою ставку на, так называемых, правых большевиков в стилѣ Красина, которые, якобы, могут пойти на уступки и свергнуть большевиков лѣвых.

Правда, до сих пор весьма мало реальных признаков возможности такого переворота, но сторонники соглашенія не теряют надежды. Изо дня в день, в тысячах статей, а быть может и в закулисных переговорах, они стараются натолкнуть правых большевиков на эту мысль.

Возможно, что правые большевики от такой комбинаціи и не прочь, но для того, чтобы рѣшиться, им необходима увѣренность в том, что они то сами не пострадают от такого переворота, что им будут гарантированы личная безопасность, сохранность награбленнаго имущества и участіе в новой правительственной комбинаціи.

Только тогда, когда прощеніе им будет обеспечено, они могут рѣшиться на предательство своих, болѣе непримиримых, товарищей.

И вот тут то статьи, подобныя статьям Арцыбашева, статьи, в которых неустанно и непреклонно повторяется о том, что прощенія нѣтъ, играют роль, чрезвычайно неприятную для сторонников соглашенія. Онѣ разрушают их игру,

онѣ поддерживают в Красиных страх перед возмездіем, онѣ удерживают правых большевиков в лагерѣ лѣвых.

Сказать это прямо нельзя. Это значило бы — выдать всѣ свои планы и скомпрометтировать своих союзников в большевицком станѣ.

И вот, отсюда, это болѣзненное раздраженіе, эта личная ненависть к „непримиримым“ — в частности — ко мнѣ.

Их надо дискредитировать, их надо лишити вліянія на эмигрантскую массу, заставить их замолчать.

В этом вся задача.

И я отлично понимаю, что, дѣйствительно, болѣе или менѣе, порчу чью то игру. Но я ее порчу и буду портить совершенно сознательно.

Ибо я предпочитаю умереть в изгнаниі, предпочитаю, чтобы Россія мучилась еще нѣсколько лѣтъ, предпочту даже, чтобы она окончательно погибла, но примиренія с палачами для меня не может быть.

Я твердо вѣрю, что они погибнут, и всѣ свои слабыя силы приложу к тому, чтобы гибель эта была окончательной и безповоротной.

Г-жа Кускова упрекает нас, что, в свое время, мы „не дали отпора“ большевикам, а теперь, мол, уже поздно.

Это — дамская болтовня! Да, мы не дали, не сумѣли дать отпора тогда, но это не значит, что теперь мы должны смириться. Нѣтъ, потерпѣвъ поражение сто раз, мы можем побѣдить в сто первый. И мы побѣдим, если только не встанем на подлый путь примиренія, если теперь не откажемся от отпора.

В том, чтобы поддержать этот дух отпора, чтобы не дать загасить его елейнымъ служителямъ „религіи всепрощенія“, в том, чтобы вызвать в массѣ волю к сопротивленію и дѣйствию — и заключается цѣль всѣх моих писаній.

И я думаю, что, служа этой цѣли, как писатель, я принесу больше пользы, чѣм если бы я пошел и „сам убил“, как совѣтует мнѣ г-жа Кускова.

С ЧОРТОМ ИЛИ БЕЗ ОНАГО.*)

1.

Нетрудно было оказаться пророком, предсказывая, что, благодаря предрѣшенности итогов сѣзда „зарубежной Рос- сии“, многія группы политической эмиграціи откажутся от участія в этом сѣздѣ.

Между прочим, уже опубликован отказ трех эмигрант- ских организацій: „республиканско-демократической группы партіи Народной Свободы“, редакціи „Послѣдних Новостей“ и „Союза писателей и журналистов в Парижѣ“.

Отказ трех организацій и притом столь видных и влія- тельных — это уже большой урон для дѣла эмигрантска- го единенія.

Но должен откровенно сказать, что впечатлѣніе, все- таки, немного ослаблено... Никак не слѣдовало печатать эти три заявленія в одном номерѣ газеты, да еще подряд.

Дѣло в том, что начинаются они так:

— От республ.-демократич. группы партіи Народной Свободы...

— От редакціи „Послѣдних Новостей“...

— От союза писателей и журналистов...

А кончаются:

— Предсѣдатель группы П. Милюков.

— Редактор П. Милюков. — Предсѣдатель союза П.

Милюков.

От великаго до смѣшнаго — один шаг!

Конечно, я не вижу ничего смѣшнаго в том, что один уважаемый общественный дѣятель возглавляет цѣлых три организаціи.

Но когда под тремя заявленіями, старательно состав- ленными в разных выраженіях, но написанных одним и тѣм же языком, красуется одна и та же подпись, то это очень эффектно, в своем родѣ, но зато уж слишком напоминает извѣстный анекдот:

— Нас трое!

*) „За Свободу!“ № 236 от 12 сентября 1925 г.

Получается такое впечатлѣніе, словно все дѣло тут в одном П. Милюковѣ, а группа, союз и редакция совершенно исчезают в лучах его славы.

Впрочем, я отмѣтил это только ради курьеза, подчиняясь своей непобѣдимой способности видѣть смѣшное даже и сквозь трагичное.

2.

Интересует же меня, в данный момент, не то.

Во всѣх трех послѣдовательных пунктах заявленія, которым р.-д. группа партіи Народной Свободы мотивирует свой отказ от участія в с'ѣздѣ, сказано, что группа отказывается по слѣдующим причинам:

„...устная пропаганда с'ѣзда открыто обѣщает скорѣйшее возвращеніе на родину, путем участія в вооруженной иностранной интервенціи... по убѣжденію группы, подобный образ дѣйствія... в случаѣ, если бы намѣреніе инициаторов возымѣло практическія послѣдствія, и даже, вопреки вѣроятности, получило бы начальный успѣх, повел бы к возобновленію гражданской войны в Россіи и к напрасному пролитію русской крови, а, в концѣ концов, имѣл бы слѣдствием не сверженіе, а укрѣпленіе власти большевиков... Вмѣшательство же иностранцев принципиально недопустимо, ибо повело бы к новым попыткам превратить Россію в „матеріал для расплаты“ и глубоко задѣло бы національное чувство русскаго народа“.

Я не имѣл удовольствія слышать „устную пропаганду“ с'ѣзда, а потому совершенно не хочу касаться вопроса, имѣются ли у кого нибудь надежды на иностранную интервенцію и в какой мѣрѣ сіи надежды можно считать реальными в данный момент.

Но здѣсь поднят иной вопрос — о принципиальной недопустимости вмѣшательства иностранцев в борьбу с большевиками силою оружія.

Я считаю полезным высказаться по этому вопросу, ибо рано или поздно нам всѣм придется столкнуться с ним.

Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что Европа в концѣ концов, должна понять общую опасность существованія очага большевицкой заразы и прибѣгнуть к радикальным мѣрам для отсѣченія головы гидры всемірной соціальной революціи.

И именно потому, что завоеваніе Россіи силами одних иностранцев совершенно невозможно, Европа будет вынуждена сдѣлать это под флагом освобожденія русскаго народа от большевицкой тираніи и с участіем русской эмиграціи.

Возможно ли это, а если возможно, то когда? — это вопрос иной.

Но политическая опытность П. Н. Милюкова, очевидно, что то подсказывает ему, диктуя эти тревожные, пока что, может быть, и преждевременные протесты против интервенции.

Ибо, если бы возможность интервенции была исключена навсегда, не было бы и этого тревожного тона.

И вот, я должен сказать, за себя лично, конечно, что этой тревоги я не раздѣляю, не ощущаю и не понимаю.

3.

В том же заявлении П. Н. Милюкова говорится, что задача, преслѣдуемая его группой, есть „освобождение Россіи“.

В настоящій трагическій момент жонглировать понятіями нельзя, а потому мы имѣем право понять это „освобождение“, как освобождение от большевиков.

Вряд ли можно сомнѣваться, что, в предѣлах моих слабых сил, такая же задача стоит и передо мною.

Очевидно, что разногласіе заключается лишь в методах достиженія этой цѣли.

И вот, прежде всего, П. Н. Милюков говорит, что „метод бѣлаго движенія“ он считает „неудавшимся и окончательно устарѣвшим“.

Это, конечно, его право! Но в таком случаѣ он должен был бы указать какой либо иной метод...

Однако, ни в этом заявлении и ни в одной из своих многочисленных статей П. Н. Милюков никакого метода не указывает, ограничиваясь осужденіем бѣлаго движенія и призывами к „реальной политикѣ“.

В чем заключается эта „реальная политика“ — это остается секретом изобрѣтателя, ибо та „идейная борьба“, которую не только г. Милюков, но и всѣ мы, эмигрантскіе журналисты, ведем на столбцах газет, менѣе всего заслуживает названія „реальной политики“.

Что же касается характеристики бѣлаго движенія, то конечно, признать его неудавшимся, послѣ того, как оно не удалось, равносильно новому открытію Америки.

Почему же оно „окончательно устарѣло“ — это, опять таки, секрет П. Н. Милюкова.

То обстоятельство, что бѣлое движеніе окончилось неудачей, ровно ничего в этом смыслѣ не доказывает. Неудача бѣлаго движенія имѣет тысячи причин, которых никак нельзя включить в единый метод, и среди этих причин главное мѣсто занимает несвоевременность попытки слабыми вооруженными силами подавить разбушевавшуюся народ-

ную стихію, движимую угарною проповѣдью грабежа и насилія.

Но с тѣх пор много... не воды, а крови человѣческой утекло.

Измѣнилось самое настроеніе народных масс. Можно быть разнаго мнѣнія об этих настроеніях, но нельзя не признать одного — что „русскій бунт, бессмысленный и беспощадный“ утих, что демагогія большевиков уже не имѣет успѣха, что их власть ненавидит огромное большинство народа и что этот народ жаждет покоя, законности и порядка.

При этих условіях, то, что было невозможно раньше, становится возможным теперь.

Тѣм болѣе, что печальный опыт „бѣлаго движенія“ должен дать участникам новаго похода на Москву много указаній, благодаря которым ошибки прошлаго могут и не повториться.

А, вѣдь, если исключить разложеніе и политическую разрозненность бѣлых, в значительной мѣрѣ тоже охваченных угаром грабежа и насилія, то „метод бѣлаго движенія“ заключается, собственно, только в сверженіи большевиков вооруженной силой.

И если однажды такая попытка окончилась неудачей, то это вовсе не доказывает, что и всякая послѣдующая, болѣе обдуманно, разумно и честно поставленная, обречена на ту же неудачу.

Развѣ несвоевременно начатая, ошибочно веденная и недостаточно подготовленная война обусловливает неудачу и всѣх послѣдующих войн?

Конечно, нѣтъ!

А слѣдовательно, категорическое заявленіе, что новый поход должен закончиться не сверженіем, а укрѣпленіем совѣтской власти, совершенно ни на чем не основано.

Но, если бы и так... Какой иной метод может быть предложен тѣми, кто мыслит освобожденіе Россіи, конечно, не в формѣ компромиссных соглашеній с большевиками?

Или сверженіе вооруженной рукой или примиреніе!

Иной формы не может быть, ибо не дѣти же мы, чтобы ожидать, будто большевики сами откажутся от власти и уступят мѣсто П. Н. Милюкову.

Я не хочу думать, да и не имѣю основаній для этого, чтобы г. Милюков уже сдѣлал выбор между двумя методами — в пользу примиренія с Троцкими и Дзержинскими.

Если бы это было так, то и мнѣ не о чем было бы с ним разговаривать, да и эмиграція всей массой повернулась бы к нему спиной, предоставив ему пріятное общество товарищей смѣновѣховцев.

Так что же? Быть может, П. Н. Милюков надѣется на вооруженное возстаніе в самой Россіи?

4.

Пусть так... Эта надежда никогда не покинет меня.

Да, конечно, это было бы самое лучшее, чего мы могли бы желать, ибо эмигрантскій поход на Москву невозможен без помощи иностранцевъ, а их участіе не может быть пріятно для нас.

Не может быть и по соображеніям „расплаты“, и по чувству національной гордости.

Самоосвобожденіе Россіи есть наша общая завѣтная мечта.

Но думает ли П. Н. Милюков, что вооруженное возстаніе внутри Россіи исключает „новую гражданскую войну и напрасное пролитіе русской крови?“

Совершенно очевидно, что нѣтъ.

Напротив, именно внутреннее вооруженное возстаніе гарантирует и ожесточенную гражданскую войну, и особенно обильное пролитіе крови.

Даже, вполне возможно, что и напрасное, — принимая во вниманіе организованность большевиков и неорганизованность народа.

Правда, это возстаніе может принять и тѣ формы, в которыя отлилась первая, хотя и вовсе не „безкровная“, революція. Но для этого нужно, чтобы большевицкая власть окончательно сгнила и чтобы извнѣ был дан ей послѣдній толчек.

Таким толчком, во всѣх трех русских революціях — 1905 года, февральской и октябрьской — послужила война.

И притом — война неудачная, тяжкая для національнаго самолюбія.

Такая война уже сама по себѣ является нѣкоей интервенціей иностранцев и ведет к контрибуціонной „расплатѣ“.

Что же касается окончательнаго сгниванія большевицкой власти, то хотя признаки его уже и имѣются налицо, но конца, всетаки, быть может, пришлось бы ожидать долго, очень долго.

А может ли ждать русскій народ, растлѣваемый и вымирающій?

Может ли ждать Европа, стоящая перед угрозой всемирной соціальной рѣзни?

Вѣдь каждый лишній год пребыванія большевиков у власти наносит русскому народу ужасающій матеріальный и моральный вред, а всему міру грозит гибелью культуры.

И если мы, по безсилію своему, окажемся вынужденными ждать, то захочет и сможет ли ждать Европа?

Это большой вопрос, и тут мы прямо подходим к интервенціи.

5.

Прежде всего, я категорически утверждаю, что ни о каком задѣваніи національнаго чувства русскаго народа, в том смыслѣ, в каком говорит П. Н. Милюков, не может быть и рѣчи.

Национальная гордость страдает от признанія, что мы не могли собственными силами освободить свою родину, но что касается самаго факта появленія иностранных войск на территоріи Россіи, то я, шесть лѣтъ прожившій в совѣтской Россіи, во всѣх слоях русскаго общества слышал только один и тот же непрестанный вопль:

— Хоть бы чорт, хоть бы дьявол пришел!

Я опредѣленно утверждаю, что даже во время наступленія поляков, которым никто и не приписывал безкорыстнаго желанія освободить Россію, у подавляющаго большинства русскаго народа было одно чувство, покрывающее всѣ остальные: — страх, что поляки до Москвы не дойдут!

Никакого оказательства задѣтаго національнаго чувства не было.

Ибо нельзя же считать таковым оказательством пресловутое воззваніе 9-ти генералов, находившихся на службѣ у большевиков и, несомнѣнно, подписавшихся под воззваніем, составленным Троцким, „страха ради іудейска“.

Ах, эти девять генералов!...

Недаром же, глядя на геройскій пыл Троцкаго, восклицавшаго в воинственном азартѣ — „Красные орлы вперед! Герои на Варшаву“, — московскіе остряки пѣли:

„Мальбруг в поход собрался!...“

И, клянусь Богом, зрѣлище, когда эти девять заслуженных русских генералов „штаны его трясли“, послѣ бѣгства из под Варшавы, гораздо больнѣе ранило наше національное чувство, чѣм пораженіе арміи „товарища“ Буденнаго.

Впрочем, к этим несчастным генералам присоединились нѣкоторые из тѣх, кто впоследствии или просто перешел к большевикам или нынѣ занимается за границей пропагандой признаній и соглашеній.

Народ же, в массѣ своей, искренно и пламенно желал пораженія красной арміи, совершенно не задаваясь вопросом, поскольку сія армія может считаться русской.

Что и было совершенно правильно, ибо из кого бы эта армія ни состояла, но если она повиновалась врагам

Россіи, то она не могла считаться русской и быть близкой русскому сердцу.

Всякая армія заслуживает участи того, кому она повинуется.

6.

Сомое же главное, почему русскій народ столь, по мнѣнію „реальных политиков“, непатріотично относился и будет относиться к помощи иностранцев, заключается в том, чего господа „реальные политики“, очевидно, не понимают...

В том, что перед русским народом вовсе нѣтъ, в данном случаѣ, выбора между иностранцами и русской властью, а есть только выбор между иностранцами и III интернаціоналом!

У него нѣтъ увѣренности в том, что вмѣшательство иностранцев непременно и только приведет к превращенію Россіи в „матеріал для расплаты“, но зато есть даже не увѣренность, а просто очевидность, что власть большевиков уже превратила Россію в матеріал для расплаты за социальныя бредни сумасшедшаго Ленина и за политическое мошенничество Троцких со Зиновьевыми.

И если уж так печальна участь русскаго народа, что ему предстоит выбор только между иностранцами и интернаціоналистической властью палачей и грабителей, то он, конечно, предпочтет власть иностранцев.

Тут весь фокус в том, что для огромнаго большинства русскаго народа вообще, и для 99 сотых русской эмиграціи в частности, Троцкіе и Зиновьевы — не русскіе, а большевицкая власть — не русское правительство.

Для господ „реальных политиков“, это, очевидно, находится под сомнѣніем!

По крайней мѣрѣ, всего только нѣсколько дней тому назад, в органѣ „реальной политики“ — в „Послѣдних Новостях“ П. Н. Милюкова — было напечатано письмо ген. Шатилова, который, между прочим, заявил, что он совершенно согласен с „Послѣдними Новостями“, будто „большевики не всегда, но в нѣкоторых случаях представляют русскій народ“.

П. Н. Милюков напечатал это заявленіе без всяких комментариев.

Для меня же, для почти всей русской эмиграціи и для огромнаго большинства русскаго народа — большевики никогда и ни при каких условіях не могут быть отождествляемы с русским народом, который они грабят, наси-

луют, развращают, позорят, убивают, и с Россіей, самое имя которой они стерли с карты міра!

7.

А главное — вот что.

Русскій народ, в массѣ своей, именно постольку, поскольку в нем еще не угасло столь тщательно вытравливаемое большевиками національное чувство, не допускает и мысли о том, чтобы иностранцы могли дѣйствительно завоевать Россію и превратить русскій народ в своего раба.

Впрочем, слишком трудно говорить от имени всего народа... Я буду говорить только о себѣ, и пусть каждый русскій прислушается к своему сердцу: с кѣм в униссон, со мною или с г. Милюковым, это сердце бьется?

Я горячо люблю свою родину. Так люблю, что без нея жизнь моя — не жизнь, а жалкое прозябаніе. Люблю так, как дай Бог любить г. Милюкову.

Мое національное чувство глубоко и мучительно страдает от тѣх униженій, которыя выпали на долю моему народу.

Но я спокойно и твердо смотрю на возможность интервенціи и ни на одну минуту не задумаюсь принять ее, какова бы она ни была, лишь бы она была обусловлена сверженіем большевицкой тираніи.

Я прекрасно знаю, что для прекрасных русских глаз Европа не ударит пальцем о палец. Я понимаю, что она охвачена нечистой алчностью и пожелает тяжелой расплаты.

Но я этого не боюсь, не пугаясь даже временнаго господства иностранцев над ослабѣвшей Россіей.

Ибо я твердо вѣрю, во первых, что слабость наша вызвана не распадом русскаго народнаго духа, а его острой и заразной болѣзью; во вторых — что нам в тысячу раз будет легче освободиться от внѣшней силы, чѣм от большевиков, пустивших корни сквозь всю толщу народную; в третьих — что попытка иностранцев, послѣ сверженія большевиков, плотно усѣсться нам на шею вызовет как раз тот взрыв національнаго чувства, котораго мы еще не видѣли до сих пор; в четвертых — что никакое вмѣшательство иностранцев не может принести русскому народу столько страданій и вреда, как власть международных проходимцев.

Я не вижу, что еще может быть так мучительно для чувства народной гордости, как владычество, и матеріальное и моральное, со стороны международной сволочи — иностранных и инородных мошенников в большинствѣ.

И еще одно... Я, как гражданин культурнаго міра, не могу забыть, что на мнѣ лежит долг: помнить о том, что большевицкое гнѣздо в Россіи не только губит мою собственную родину, но угрожает гибелью и всей міровой культурѣ.

В этом сознаниі своего долга перед общечеловѣческой культурой есть то, что соединит меня с иностранцами, идущими для уничтоженія очага страшной заразы.

Возможно, что сами иностранцы этого не будут понимать, увлекаемые только корыстными расчетами, но я это буду сознавать, а для меня довольно моего собственного сознания.

А потому, со спокойной совѣстью, в трезвом умѣ и твердой памяти, учитывая всѣ послѣдствія, не допуская на себѣ даже и тѣни національной измѣны, я говорю:

— Хоть с чортом, но только против большевиков!

ЖГУЧИЙ ВОПРОС. *)

1.

Каждую весну настроение подымается и растут самые фантастические слухи. Каждую осень настроение падает и начинается общее нытье:

— Стоит ли надѣяться и ждать, не лучше ли махнуть на все рукой и возвращаться на родину?

А так как „довлѣет дневи злоба его“, то всѣ газеты немедленно начинают по этому поводу оживленную дискуссию.

Нынѣшняя осень — потому ли, что она уже восьмая по счету, или потому, что она связана с явным крушением нѣкоей грандіозной затѣи, на которую многіе возлагали большія надежды, — особенно обильна разсужденіями на тему: — приемлемо ли, с принципиальной точки зрѣнія, возвращеніе в совѣтскую Россію или неприемлемо?

Случайность это или нѣтъ, но особое вниманіе этой темѣ удѣляют газеты именно того лагеря, который не слишком благополучен по части непримиримости.

В „Волѣ Россіи“, руководимой В. Черновым, недавно появилась преогромная статья г. Пѣшехонова, того самаго, который когда то писал, что он „очень гордится своим совѣтским паспортом“.

Пѣшехонова немедленно подхватили многіе из тѣх, кого я окрестил „ультрафіолетовыми“, а эсеровскіе „Дни“ присосались к этой темѣ так жадно, что вот уже, кажется, третья недѣлю не могут от нея оторваться.

А в заключеніе выступил М. Осоргин, который заявил о своем полнѣйшем „созвучіи“ с г. Пѣшехоновым и, со свойственным ему ерничеством, ехидно смѣется и над непримиримостью, и над ссылками на Герцена, и над „пафосом“ желающих вернуться в Совдепію.

2.

Я долго молчал, наблюдая всю эту суету.

„За Свободу!“ № 259 от 9 октября 1925 г.

Молчал, потому что для меня лично вопроса о возвращении в советскую Россию просто не существует.

Молчал бы и дальше, если бы, как то и следовало ожидать, всё эти толки не вызвали в измученной, изстрадавшейся эмигрантской массе известнаго движения и ко мне не посыпались письма читателей, все с тем же „жгучим вопросом“:

— Можно ли еще чего-нибудь ждать и не является ли дальнейшее упорство бессмысленным?

А так как я давно сказал, что пишу не для руководящих верхушек, а именно для читательской массы, то на ее вопросы я должен ответить.

Но прежде считаю не лишним сказать несколько слов о том источнике, из котораго и пошла струя „возвращенческаго движения“.

И со свойственной мне откровенностью, скажу прямо, что источник этот кажется мне довольно мутным.

И статья Пъшехонова, и двусмысленная позиция „Дней“, и ерничество Осоргина — все это одним муром мазано.

Я не хочу сказать, будто всё эти господа работают заодно с пресловутым „Парижским Вестником“, как известно, издаваемым большевиками специально на предмет „ловли воблы в белом море“.

Нѣтъ, этим господам просто нужна острая тема, а им легче говорить о возвращении в предѣлы ГПУ, чѣм нам, для которых такое возвращение совершенно равносильно савинковскому прыжку из пятого этажа.

Поэтому они праздно болтают на тему, которая интересна именно благодаря ее исключительной болѣзненности.

Но объективно, — сознательно или бессознательно, по душевной подлости или по глупости, — они продолжают ту же работу, которую уже давно дѣлают большевики вообще, и „Парижскій Вестник“ в частности.

3.

На первом мѣстѣ, конечно, надо поставить г. Пъшехонова.

Этот человек действительно не лишен таланта и умѣет задѣвать самыя больныя струны.

Центральным мѣстом его статьи, настроеніе которой „Дни“ правильно формулировали так — „хочу на родину при всѣх условіях“ — является весьма поэтическая легенда.

Один половецкій князь попал в плѣн к русским, ожил у них, женился, занял важный пост и забыл о родных степях. Неизвестно почему, но половецкій хан рѣшил этого ренегата вернуть на родину и послал к нему гонца, которому дал такой приказ:

— Если не подѣйствуют уговоры, спой ему наши пѣсни; если и пѣсни не подѣйствуют, — дай ему понюхать вот эту былинку!

Конец виден по началу: — выслушав посла, князь задумался, прослушав пѣсню — прослезился, а понюхав былинку — бросил „все свое богатство“, как говорится в сказках, и вернулся на родину.

У Пѣшехонова эта легенда рассказана много поэтичнѣе, чѣм у меня, но это произошло потому, что с разным чувством мы ее рассказывали.

Пѣшехонову нужно было кольнуть в кровоточащую ранку тоски по родинѣ и он, конечно, вложил в легенду весь свой пафос.

Мнѣ же этого совѣм не нужно, а потому трогательная легенда, совершенно не к мѣсту приведенная Пѣшехоновым, не растрогала, а только раздражила меня.

Нѣтъ ничего ужаснѣе, как использование святого чувства в непотребном мѣстѣ.

И я прямо обвиняю г. Пѣшехонова в том, что он сознательно спекулирует на чувствѣ тоски по родинѣ для того, чтобы достигнуть цѣли, ничего общаго с родиной не имѣющей.

4.

Да, я прекрасно понимаю, что сухіе уговоры не должны были подѣйствовать на ренегата, что родная пѣсня должна была заставить его плакать, а запах родимых полей перевернул всю его жизнь.

Но, прежде всего, вѣдь мы же не ренегаты?

Развѣ мы забыли о родинѣ, развѣ мы, и без пѣсен и без запахов, не плачем о ней кровавыми слезами?

Гдѣ наше „богатство“, какими благами окружены мы на чужбинѣ?

При чем же тут половецкій князь?

Вѣдь половецкій князь жил на чужбинѣ, а на родинѣ у этого половецкаго князя все оставалось попрежнему: — звучали тѣ же пѣсни, так же пахла горькая полынь.

А г. Пѣшехонов прекрасно знает, что наши русскія степи заросли красным чертополохом.

Вмѣсто русских пѣсен гремит там похабщина „политграмоты“, русскій язык заглушается там жаргоном международной сволочи, проповѣдующей безбожіе и классовую ненависть, а поднеси нам к носу иную былинку оттуда, так от нея, чего добраго, пахнет таким ароматом, что [стошнит и только.

В том то и дѣло, что мы тоскуем по Россіи, а не по СССР, по русским степям, а не по большевицкой чека, по

русским пѣсням, а не по „интернационалу“, как выговаривают нѣкоторые малограмотные „товарищи“.

А потому и всѣ эти поэтическія легенды г. Пѣшехова есть ни что иное, как ксшунство.

Игра на тѣх чувствах, которыми играть нельзя.

5.

Что все это одна пустая болтовня, ясно уже из того, что самое основное положеніе г. Пѣшехова — „хочу на родину при всяких условіях“ — его, повидимому, ни к чему не обязывает.

Хочу, хочу!... За нами погоня, бѣжим, спѣшим!... — а на самом дѣлѣ ни с мѣста.

Вѣдь г. Пѣшехов увѣряет, что он вернется на родину „при первой возможности“ и что если его там „закуют в кандалы, то он будет рвать эти кандалы“.

Все это звучит гордо и... все это ложь!

Если г. Пѣшехов дѣйствительно готов вернуться при всяких условіях, то почему же он не возвращается при тѣх условіях, которыя существуют нынѣ?

Если ему так тяжело „со свободой фланировать по улицам Европы“, то пусть себѣ и возвращается в Совдепію без свободы.

Ибо „всякая“ возможность существует всегда. Такова неотъемлемая особенность „всякой“ возможности.

Ах, в том то и дѣло, что „сіе надо понимать духовно“, а на самом дѣлѣ всякая-то всякая, да не всякая!

И вернуться с риском попасть не в аллегорическія, а в самые настоящіе кандалы, а то и в подвал, к стѣнкѣ, — это г. Пѣшехову совсѣм не улыбается.

Как и всѣм нам, грѣшным, хочется ему попасть на родину лишь при извѣстных условіях и вовсе ему не желательно „разбивать кандалы“ с риском, что первый попавшійся чекист разобьет ему за это голову.

Я охотно вѣрю, что г. Пѣшехов „рвется на родину“... Почему бы не вѣрить, когда всѣ мы рвемся.

Но для меня совершенно очевидно, что г. Пѣшехов рвется с весьма большой осторожностью.

А ежели так, то незачѣм нам и былинки в нос соваты!

Я говорю грубо, но это нарочитая грубость.

Ибо, вѣдь, и в самом же дѣлѣ, возмутительно!

Кто вас держит, скажите пожалуйста? Кто тянет вас

за язык говорить о том, чего для себя вы вовсе не хотите?

Какое право вы имѣете, сидя в безопасном далека, будить

измученных душъ такое мучительное чувство и толкать

людей туда, куда вы сами, весьма, впрочем, благоразумно, не торопитесь?

Зачѣм эта вопіющая фальшь?

6.

В сравненіи с г. Пѣшехоновым, г. Осоргин — мелкая штучка.

Нѣтъ у него своих слов, нѣтъ ни поэзіи, ни пѣсен, ни былинки.

Осталось одно „созвучіе“, да и то звучит весьма фальшиво.

Как и Пѣшехонов, г. Осоргин „тихо рвется“ на родину, но несет при этом уже совершеннѣйшую чепуху.

Издѣваясь над г. Вишняком, который выступил против „пѣшехоновских настроеній“, Осоргин говорит:

„Выходит по Вишняку, что Пѣшехонов отрицает все прошлое русской интеллигенціи, свидѣтелем чего Вишняк выставляет Герцена... Герцен вообще очень часто стал выступать свидѣтелем на судѣ зарубежных мнѣній, но не напрасно ли беспокоят великую тѣнь?.. Герцен был огромной силы, постольку неповторимой, поскольку неповторим его энтузіазм и его исключительный литературный талант. Но гдѣ нынѣшній Герцен? Кто и что его замѣняет?“

Таким образом, по мнѣнію г. Осоргина, с одной стороны, все прошлое русской интеллигенціи исчерпывается одним Герценом, а с другой — за отсутствіем Герцена — мы теряем всѣ права, кромѣ одного — быть духовным ничтожеством, без всякаго „пафоса и энтузіазма“.

Я думаю, что вся русская эмиграція охотно откажется от такого права в пользу г. Осоргина, тѣм болѣе, что о себѣ самом он сам говорит слѣдующее:

„Нѣтъ во мнѣ, нѣтъ во мнѣ пафоса!.. Легче мнѣ среди человѣков с буквы маленькой!.. И вот я привѣтливо улыбаюсь... сукину сыну, моему темному, в глупости и остывающей злобѣ погрязшему собрату по родинѣ, столь наскандалившему на весь мір при моем ближайшем революціонном участіи... Там мы с ним друг друга легко поймем, а здѣсь, на засѣданіи Лиги прав человѣка и гражданина, как то не увѣрен я, что не придется нам что то скрывать...“

Весьма возможно!.. Ряд признаній — весьма цѣнных. Предоставим же г. Осоргину улыбаться „сукину сыну“ и будем надѣяться, что и „сукин сын“ ему столь же привѣтливо улыбнется.

Они „легко поймут друг друга“? Да?..

Ну, что-ж, не будем им мѣшать. Пусть понимают. Пусть улыбаются, пусть цѣлуются, — наше дѣло сторона.

Гораздо интереснѣе позиція „Дней“.

Почтенный орган керенщины по традиціи садится между двух стульев „постольку-поскольку“.

Что-ж, с этим ничего не подѣлаешь: привычка — вторая натура!

С одной стороны, „Дни“ опредѣленно заявляют, что лѣшихоновская формула возвращенія без всяких условий для них неприемлема. С другой—усиленно призывают „снять с возвращенцев тяжесть моральнаго осужденія“.

С одной стороны, нельзя не признаться, с другой—нельзя не сознаться!

Но, во всяком случаѣ, снятіе тяжести моральнаго осужденія, конечно, значительно облегчит вопрос о возвращеніи в Совдепію.

Такая комбинація в просторѣчи выражается так:

— На тебѣ, небоже, что нам негоже!

И, собственно говоря, против этого ничего возразить нельзя. Никто не обязан быть „сторожем брату своему“, и ежели среди эмигрантов имѣются такіе „бараны“ (выраженіе „Дней“), которые готовы лѣзть в большевицкую пасть, то туда им и дорога.

„Дни“ находят, что это даже очень хорошо, „уже по одному тому, чтобы выпрямить политическую линію противобольшевицкой, борющейся за свободу в Россіи, російской демократіи“.

Вы понимаете, конечно, что демократія тут выскочила только, так сказать, „по долгу службы“, ибо болѣе демократичным, чѣм сама демократія, „Дням“ невмѣстно вспоминать о монархистах.

Кстати сказать, таких „баранов“ среди монархистов должно быть меньше уже по одному тому, что возвращеніе на большевицкую бойню для монархических баранов, всетаки, опаснѣе, чѣм для баранов демократических.

Но это, впрочем, так, к слову...

Суть же в том, что лѣшихоновское утвержденіе „каждый должен рѣшать этот вопрос за себя самого“, утвержденіе, удивительно охотно подхваченное „Днями“ и сто раз ими повторенное, мнѣ кажется весьма сомнительным.

Не по существу, конечно.

По существу, это совершенно правильно:—не для того мы бѣжали от насилія большевиков, чтобы и здѣсь кто нибудь насилывал нашу волю.

Хочешь возвращаться, ну и возвращайся.

Но как утвержденіе, исчерпывающее вопрос, это звучит фальшиво.

Ибо, если каждый должен рѣшать этот вопрос сам за себя, то зачѣм же столько писать и говорить об этом?

Так ставить вопрос, это значит отказываться от всякаго руководства эмигрантскими настроеніями, а вѣдь уже давно сказано:

„Не пишут так пространно
Рѣшительный отказ!“

„Каждый за себя, Бог за всѣх!..“ Зачѣм тратить столько слов для доказательства этой старой истины?

Правда, „Дни“ объясняют, что „давно пора сорвать с возвращенцев мантию какого то революціоннаго подвига, мантию, в которую их кутают чекистскіе агенты, пользуясь безтактным отношеніем к ним бѣлой эмиграціи“.

Но и такое объясненіе болѣе патетично, чѣм убѣдительно.

Во-первых, никто возвращенцев ни в какую революціонную мантию не кутает.

До сих пор к ним всѣ относились с презрительной жадостью и только.

Может быть и такое отношеніе „Дням“ кажется безтактным?

Но тогда я рѣшительно отказываюсь понять, какого же им еще рожна нужно?

Чемоданчик ли за возвращенцем мы должны нести или, сладких ватрушек ему на дорогу напечь?

Почему вдруг такая забота припала „Дням“—эмигрантской газетѣ—именно по отношенію к тѣм, кто, возвращаясь в Совдепію, тѣм самым выходит из состава эмиграціи?

Почему? А Бог их вѣдает!

8.

Нѣтъ, дѣло в том, что все это—только один выверт, да и выверт то нехорошій.

„Дни“ прекрасно знают, что всякій, кто берется за перо, уже в силу самой природы печатнаго слова, не может говорить только за себя.

Как ни оговаривайся, какой субъективностью ни прикрывайся, но все, что написано и напечатано, становится дѣйственным фактором в движеніях человѣческой массы.

Когда писатель оговаривается—„я лично думаю“—он только подчеркивает независимость своего мнѣнія от мнѣнія окружающих, но все же говорит не за себя и не для себя, а для того, чтобы так или иначе повліять на настроеніе читательской массы.

Да и как же может быть иначе? Вѣдь если бы не было этого желанія вліять, то незачѣм было бы и время тра-

тить на кропотливую, тяжелую литературную обработку своих мыслей.

За себя и для себя можно рѣшить всѣ вопросы, лежа на кровати и не портя бумаги.

И „Дни“, и всѣ г.г. Пѣшехоновы, конечно, не так навивны, чтобы не знать этого. В том то и дѣло, что они опредѣленно пытаются вызвать в массах извѣстное настроеніе и их оговорки—одно сплошное лицемеріе.

При этом — лицемеріе совершенно бесполезное, ибо оно слишком очевидно.

9.

Переходя к собственному отвѣту на поставленный вопрос, я говорю прямо, что хочу и стараюсь повліять в опредѣленном направленіи.

Не на „баранов“, конечно, а на тѣх „козлов“, которые могут временно поколебаться в своем упорствѣ, под давленіем тяжести эмигрантскаго существованія, тоски по родинѣ и проповѣди г.г. Пѣшехоновых.

Несмотря на массу жалких слов о безрадостной, тяжелой и бессмысленной жизни эмигранта, заступники „возвращенцев“, всетаки, сами чувствуют, что в возвращеніи под совѣтскій сапог нѣтъ ничего достойнаго преклоненія и уваженія.

Потому то они так и беспокоятся о „снятіи тяжести моральнаго осужденія“.

Бессмысленна ли жизнь эмигранта, как такового, об этом я поговорю в другой раз.

Но что она тяжела, об этом не может быть двух мнѣній.

Человѣкъ не может жить полной и легкой жизнью без родины.

Без того угла, гдѣ он свой всѣм, гдѣ говорят на его родном, до конца понятном языкѣ, гдѣ под ногами у него твердая почва.

Как бы мы ни приспособлялись, как бы ни устраивались на чужой землѣ, мы всегда будем висѣть в воздухѣ, всегда будем чувствовать себя чужими и лишними.

Здѣсь мы всегда будем имѣть худшее мѣсто за столом, труд наш всегда будет случаен, а благополучіе непрочное.

Это может измѣниться только в одном случаѣ: если мы перестанем быть русскими и совершенно сольемся с тѣм народом, среди котораго мы живем.

Но тогда мы перестанем быть и эмигрантами, а слѣдовательно, отпадет и самый вопрос об эмигрантской жизни.

Оставаясь русскими, мы обречены вѣчно чувствовать себя оторванными, заброшенными, одинокими.

Ничуть не лучше собаки, в ночь, дождь и холод выгнанной на улицу.

Но как бы ни была тяжела эта собачья жизнь, возвращеніе под гнет той самой власти, которая и превратила нас в бездомных псов, не означает ничего иного, кромѣ полного паденія духа, измѣны тѣм идеалам, во имя которых создалась эмиграція, и забвенія своего человѣческаго достоинства.

Что бы там ни было, но если человѣкъ падает так низко, то значит он слаб и ничтожен.

Какое-же отношеніе к слабости может быть кромѣ того, котораго она заслуживает?

В лучшем случаѣ — жалость!

Вот все, чего могут ожидать от нас возвращенцы, как бы ни была ужасна та жизнь, которая вынудила их к возвращенію.

Чѣм она ужаснѣе, тѣм острѣе жалость. Только и всего.

10.

Да, совершенно вѣрно: каждый должен рѣшать сам за себя, но отношеніе к этому рѣшенію у каждого тоже должно быть свое.

Мое отношеніе совершенно опредѣленно.

Я покинул Россію не для того, чтобы сдѣлать этим кому то одолженіе, а потому никто и не обязан ни заботиться о моем существованіи, ни плакать над моими несчастіями.

Если позаботится, если поплачет, я буду очень благодарен, конечно, но требовать этого не имѣю ни малѣйшаго права.

Об этом я должен был думать раньше, до эмиграціи.

Я покинул родину не из страха перед террором, не потому, что боялся голодной смерти, не потому, что у меня украли мое имущество, и не потому, что я надѣялся здѣсь, за границей, приобрѣсти другое.

Нѣтъ, я покинул родину потому, что она находится во власти изувѣров или мошенников, все равно, но во всяком случаѣ — во власти людей, которых я презираю и ненавижу.

Я покинул родину потому, что она перестала быть той Россіей, которую я любил, и превратилась в страну III-го интернаціонала, по духу чуждаго и ненавистнаго мнѣ.

Я покинул родину потому, что в ней воцарилось голое насиліе, задавившее всякую свободу мысли и слова, превратившее весь русскій народ в безсловесных рабов.

Покидая родину, я, конечно, надѣялся поработать для ея освобожденія и рѣшил посвятить этому всѣ свои силы, даже отказавшись от самаго дорогого для меня в жизни — от искусства.

Но всетаки, строго говоря, я покинул родину не для того только, чтобы бороться за нее, чтобы освободить русскій народ от рабства, но прежде всего — для того, чтобы самому не быть рабом.

А потому я и не могу вернуться туда до тѣх пор, пока не буду имѣть возможности вернуться свободным и свободу несущим человѣком.

При рѣшеніи этого вопроса для меня не играет никакой роли, ухудшается ли мое положеніе здѣсь и улучшается ли положеніе там.

Никакое „увеличеніе посѣвной площади“, никакіе „миліоны комсомольцев“, никакіе нэпы, никакое возстановленіе городов, промышленности, транспорта и сельскаго хозяйства меня не прельщают.

Ибо без свободы все это для меня не имѣет никакой цѣны.

И когда ко мнѣ приходят люди, с жадным огоньком в глазах говорящіе о том, что „там стало совсѣм хорошо и все есть“, я к этим господам не чувствую ничего, кромѣ гадливости.

Ибо я знаю, что кромѣ „всего“ там еще имѣется и тираническая, подлая, кровавая власть палачей, гасителей живого духа.

И когда ко мнѣ приходят люди, со страдальческим огоньком в глазах оправдывающіе свое рѣшеніе вернуться в совѣтскую Россію тѣми невыносимыми условіями жизни, в которых они находятся здѣсь, я ничего не чувствую к ним, кромѣ жалости.

11.

Я никогда не питал презрѣнія к слабым. Я их жалѣл.

Я не могу осудить человѣка, павшаго под невыносимым для него бременем жизни, как не могу осудить человѣка, не выдержавшаго физической пытки.

Для того, чтобы имѣть право осудить таких, нужно самому все это выдержать без стона.

Но отношеніе мое к таким людям, все же, очень жестоко.

Кто лишениям эмигрантскаго существованія предпочитает лишеніе свободы, тот пусть возвращается в совѣтскую Россію, но о себѣ вѣдает, что он слаб и ничтожен духом.

Это не осужденіе. Это простое констатированіе факта.

Что же касается меня, то, не будучи Герценом, я все-таки останусь здѣсь.

И даже не испытывая штамповой тоски по родинѣ.

Ибо для меня понятіе „родина“ не исчерпывается географическим пространством и этнографическими особенностями.

Для меня Родина — это нѣчто, стоящее над землею и над народом, с ними связанное, но способное отлетѣть от них, как душа отлетает от мертваго тѣла.

Да это и есть душа — дух народа.

Не того случайнаго собранія живых людей, которые в данный момент живут на данной землѣ, а Народа, как собирательнаго цѣлаго, о котором сказано:

„Минувшее проходит предо мною
Волнуясь, как море-окіян“.

Моя родина — это русскій народ, со всей его исторіей, с его величавым прошлым, с его культурой, с его языком, с его поэзіей, с его своеобразной красотой.

С тѣм, что загажено нынѣ до неузнаваемости.

Чужой дух воцарился над моей страной, и она стала мнѣ, временно, как бы чужой.

Быть может, чужой останется и навсегда...

Ибо я тоскую по ней, но тоскую я о Россіи, а не об СССР.

„БЕЗГРАМОТНАЯ ЕРУНДА“*)

1.

В каждой редакціи имѣется „редакціонная корзина“ — мѣсто упокоенія дамских грез и гражданскаго негодованія гимназистов.

Начинающіе авторы до кровомщенія ненавидят это скромное издѣліе кустарнаго промысла.

Ничего не подѣлаешь! Литература имѣет свои законы: все, что попадает на страницы журналов и газет, должно быть если не талантливо, то, по крайней мѣрѣ, грамотно.

И какое бы искреннее чувство ни вложил автор в свое произведеніе, но если оно этим требованіям не удовлетворяет, редактор, по долгу присяги своей, обязан бросить его в корзину.

В этом ничего ужаснаго еще нѣтъ. Случаи неизлѣчимой графоманіи сравнительно рѣдки. Большинство непризнанных поэтов и писательниц, горько посѣтовавъ на несправедливость безжалостной редакціи, весьма скоро успокаиваются и возвращаются к занятіям, болѣе свойственным им по природѣ.

Но горе в том, что в той же корзинѣ, рядом с „первыми опытами“ перезрѣлых дам и недозрѣлых юношей, очень часто можно найти и листки, написанные настоящей кровью, пропитанные настоящими слезами.

Увы, листки эти покрыты безбожными каракулями и слово „корова“ в них написано через два ять. Исправить их нельзя, напечатать невозможно.

— Безграмотная ерунда! — говорит редактор и, со спокойной совѣстью, бросает их в корзину.

И он прав, конечно!.. Прав с точки зрѣнія присяжнаго журналиста, обязаннаго блюсти орфографическую и литературную чистоту своего изданія.

Никто его и не осудит. Нельзя же, в самом дѣлѣ, печатать безграмотную ерунду.

*) „За Свободу!“ № 266 от 17 октября 1925 г.

А между тѣм, эти безграмотныя каракули иногда являются драгоцѣннѣйшими человѣческими документами, свидѣтельствующими о том, что переживает и о чем думает подлинный народ.

Но иначе, как каракулями и суконным языком, он не умѣет выражать свои мысли, а потому голос его почти никогда не доходит до нашего слуха, не преломившись сквозь призму пониманія какого нибудь профессиональнаго журналиста.

Благодаря этому, даже в тѣ эпохи, когда народныя массы становятся вершителями судеб, и взоры интеллигенціи с тоской обращены к народу, никто не знает навѣрное, что говорит и думает этот народ.

Каждый журналист об этом докладывает так, как выгоднѣе ему самому, как выгоднѣе для его партіи или, по крайней мѣрѣ, в мѣру своего пониманія.

В особенности это рѣзко сказывается в наше время.

2.

Большевики только то и дѣлают, что „опираются на массы“.

Эмигранты всѣ свои упованія возлагают на крестьянство

И тѣ и другіе, каждый по своему, но несомнѣнно признали народ истинным хозяином земли русской.

Но этот бѣдный хозяин никак не может сказать своего слова. За него, от его имени говорят другіе.

Большевики врут на него, как на мертваго, выдавая за глас народа свои собственныя, под дулом револьвера „единогласно“ проголосованныя резолюціи.

Эмигранты револьверов, к сожалѣнію, лишеныя, „прислушиваются“ и в невнятном ропотѣ народнаго моря слышат, конечно, именно то, что им хочется слышать.

Подлинный голос народа проникает в печать только развѣ в видѣ пресловутых „частушек“.

Спору нѣтъ, эти частушки иногда очень характерны и болѣе или менѣе отражают настроенія народных масс.

Но, всетаки, это только отраженіе.

Прямого мнѣнія народнаго, по данному, конкретному, поводу в печати не найдешь.

Не потому, чтобы народ был так равнодушен к печатному слову. Нѣтъ, мужики, солдаты, рабочіе очень часто „пишут в газету“, но эти писанія, по их полной безграмотности, „к сожалѣнію, не могут быть напечатаны“.

— Народ — сфинкс! — восклицаем мы и мучительно стараемся разгадать загадку этого сфинкса.

Но когда сфинкс раскрывает рот, зажимаем уши, чтобы не оскорбить свой интеллигентский слух безграмотной ерундой.

3.

В моих руках двѣ „статейки“, которым, может быть, тоже мѣсто в редакціонной корзинѣ, но которыя я хочу контрабандой, под прикрытіем своих „Записок писателя“, протащить в печать.

Помѣщаю их во всей их безграмотной трелести.

Одна из них начинается письмом в редакцію:

„От красноармейца... в редакцію. Дорогіе братцы, я буду просить вас и вы не откажите моя просьбе. Я посылаю в вашу редакцію статейку из газеты большевиков под названіем Звезда 11-187, гдѣ описывают про маневры Белорускаво гарнизона и выставляют наглаю фальшь. Но как сам я красноармеец, то нимагу перенести той наглай лжи“.

Интересное письмо.

Вы слышите это мучительное раздраженіе темнаго, безграмотнаго человѣка, котораго вот уже восьмой год кормят только наглою, красной ложью и которому, наконец, стало уже не в моготу?

Вѣдь в таком положеніи находится весь русскій народ.

Он пережил величайшія событія, он видит, что вся жизнь перевернулась. Ему мучительно хочется знать правду о том, куда же, в самом дѣлѣ, его вели и привели. Правы ли тѣ, которые говорят ему, что в своем бессмысленном и безпощадном бунтѣ он разрушил свою родину, или правы тѣ, которые льстиво увѣряют его, будто он строит какую то новую, прекрасную, справедливую жизнь?

Вывод-то он, пожалуй, сдѣлает и сам, но ему нужны факты.

А ему изо дня в день преподносят одну и ту же „наглаю ложь“ — безшабашную, лживую до откровенности, ни перед чѣм, даже перед явным абсурдом не останавливающую партійную пропаганду.

Всѣ пріѣзжіе „оттуда“ в один голос говорят, что одно из самых мучительных условій совѣтской жизни — это именно необходимость изо дня в день читать только совѣтскую прессу и не имѣть возможности крикнуть:

— Да перестаньте же врать, наконец!..

Я сам прожил в этих условіях шесть лѣтъ и знаю, какая это мука!

4.

А потом, интересно это обращеніе — „братцы!“
Казалось бы, пустое дѣло — обращеніе! Но госпо-

дам, мечтающим, разсудку вопреки, наперекор стихіям, вернуть всѣ свои права и привилегіи в будущей свободной Россіи, не мѣшало бы вдуматься в это „братцы“.

Есть здѣсь, в Варшавѣ, в одном русском благотворительном учрежденіи, старичек разсылный — живой осколок прошлаго.

Этот разсылный ко всякому из нас обращается со словами „ваше превосходительство“.

Точь в точь, как у Некрасова:

Удивилась вся гвардія наша,
Да и было чему, не шутя,
Что ко всякому с словом „папаша“
Обращалось наивно дитя!

Как ни старались отучить старичка, как ни доказывали ему, что никаких превосходительств уже нѣтъ, ничего с ним не подѣлаешь. Не понимает!

Сколько же столѣтій нужно было держать народ в рабском подчиненіи, чтобы так вѣлось в душу это „превосходительство“, чтобы стал возможен такой тип.

Но, увы, наш старичек разсылный — едва ли не послѣдній оплот „старого режима“.

Для красноармейца из „Беларускаво гарнизона“ превосходительств больше нѣтъ.

Большевиком с их „наглаю фальшью“ он перенести не может, но зато и прежніе господа стали для него просто братцами.

Не товарищами, нѣтъ, а именно братцами.

Великій сдвиг сказывается в этом.

Сдвиг сразу по двум направлениям: с одной стороны, нѣтъ больше превосходительных бар, а с другой — послѣ восьми лѣтъ звѣрскаго науськиванія на интеллигенцію, красноармеец, наконец, почувствовал в своем мнимом „классовом врагѣ“ братца, от котораго он может ждать настоящей, а не „пролетарской“ правды.

5.

И вот он пишет нам „статейку“.

Это ничего, что она будто бы взята „из газеты большевиков“. Бѣдняга просто не знает выраженія „по поводу“.

Впрочем, если разсуждать по существу, то статейка и в самом дѣлѣ взята из газеты большевиков: вѣдь, именно из чтенія этой наглой большевицкой лжи и получился тот мучительный взрыв безсильнаго негодованія, которое вылилось в этой статейкѣ.

„Прочитал я большевицкую газету 11 — 187, раз'ясню я ложь и фальшь в лицо вам братцы всѣм. Я красноармеец

той же армии и ту позорную фальшу я не скрою никогда. Проходили мы маневры сейчас, и вспомню я маневры. Настоящий полный ад. Ругаются в Бога и в Христа, а идем мы куда, никто не знает. Командира не разыщешь на пари. Кто в городе, кто где, таков партийный взгляд. А солдаты на полях всюду шарят горох. Все кверху ногами поставили. Каждый вор по садам да по огородам. А командиры коммунисты кричат на народ: ты кулак, с тобой бы еще не так нужно! Все надо разрушить и коммуно насадить. А мужичьки совсем в потьмах, боятся, торопятся и не знают, где деваться Совистно, товарищи, такого фальшу в газету писать! Мужичьки после наших маневров, как очумелые ходют. Тяжело Русскому народу, по какой деревне мы пройдем. Вот каковы маневры на Руси есть. А царская армия тоже из крестьян была, а такой глупости не тварили. Ат русских маневров глазки завязал бы да из России убежал бы".

Н-да... Вот, тут и спорь с г. Пъшехоновым, нужно или не нужно эмигрировать!

Во всяком случаѣ, я еще не встрѣчал болѣе красочнаго описанія „мощной, всѣм необходимым снабженной и прекрасно дисциплинированной красной армии"... питающейся краденым горохом с крестьянских полей, переворачивающей вверх дном всякую деревню. по которой она пройдет, возглавляемой командирами, которых не найдешь на пари, потому что они, согласно партийным традициям, пьянствуют по городам, и в результате внушающей такой страх „мужичкам", что они ходят, как очумелые.

Впрочем, не одним темным „мужичкам", а еще и высококультурной, просвѣщенной Европѣ, которая ежеминутно впадает в транс при видѣ этого краснаго гороховаго чучела.

6.

Это было о красной армии. А вот „статейка" о пресловутой „смычкѣ города с деревней".

Называется она „Збор налога в Россіи" и написана стихами.

Очевидно, крестьянское благополучіе под эгидой рабоче-крестьянской власти достигло таких высот, что „поворот лицом к деревнѣ" презрѣнной прозой уже и описать невозможно.

„Был еврей, заметал полы в синагоге, а сичас комиссаром в продналоге. Выбирает комсомольцев в армию труда, а собрать пять тысяч это не беда. Таковые нашлись, как этот комиссар, и всех в папку он живо записал... Будьте работники свободной страны и налог с крестьян полностью сдери.

Разослали армию по всем деревням, дают налог с бедных крестьян. Мужичок в окно внимательно глядит. Наверно маневры, говорит. А жена у окошка заплаканная сидит и ничего мужу про то не говорит. Отошли от окошка, сели на скамье, а сердце забилося часто в груди. Нет, это не маневры, старуха говорит, это комсомолы пришли нас громить.

Только супруги со скамьи поднялись, вот и комсомолы в хату ворвались.

Старушка побледнела, затряслась в ногах, на пол повалилась, закричала ах! Книги и газеты сыплются на стол, а старик горюет только об одном: пришли дьяволы хлебушек забрать, а нам с голоду придется помирать. Боже милостивый, мир ты сотворил, а нечисту силу на народ пустил.

Сложил старик руки на груди и слезы катятся по его щекам.

Увидел комсомолец бедного старика, уцепил за бороду, ну, поди сюда!

Старик перекрестился, стал тихо подходить. Задрал нос комсомолец, на него глядит.

Что ты крестишься, старый болван? И позорно икону здесь же обругал.

Не терзайте душу, старик им сказал, что от меня хотите, все я вам отдам. Боже милостивый, тяжело мне жить, некуда на старости голову склонить.

Адин комсомолец, на старика тоску, взмахнул рукою, вдарил по плечу.

Эй слушай старина, по какому делу мы пришли сюда. Пришли рассказать про рабочую коммуны, а не будешь слушать в зубы тебе суну. Теперь свободная наша страна, и этого не забудь, седая борода. У нас на Руси чекистов надо содержать, а вы крестьяне должны налог подать. А если налог полностью не отдаешь, то на скамью подсудимых скоро попадешь.

Куда хотите давайте меня. Весь налог внести это не в силах я.

Загорелись зверски у комсомольца глаза и схватил он со злостью за шиворот старика. Не успел старик прокричать ой-ой, как очутился в камере сырой.

Через неделю приехал комиссар и в ту же минуту сесию позвал. Сидит старик на скамье подсудимых, тяжело вздыхает, на лице унылой. Поднялся товарищ председатель суда и кричит со злостей, гляди сюда!

(Читает приговор) Именем союза советских социалистических республик, выездная сесия разобрала уголовное дело гражданина Макарова за неуплату налога, под председательством Хайна и очередных заседателей (Цейся и Рынкися). Приговорили конфискации имущества, а вместе при

нудительной работе. Приговор к оглашению не принадлежит. Распишись, бандит.

И затрясая дряхлая рука и в безчувствии в камору втащили старика.

Опомнился он в каморе сырой и закричал: Боже, что такой? Боже милостивый, ты кроток, терпелив, зачем злых правителей в Россию нам пустил. Жили при царе, не знали ничаво и позорно не запирали в камору никаво. А сичас у Руси совет, и наверное то же испытали все старых лет“.

7.

Может быть, кто нибудь и посмѣется этому дѣтскому лепету. Может быть, кто нибудь пожмет плечами и в недоумѣнннн скажет:

— Что за охота г. Арцыбашеву возиться с такой ерундой.

А мнѣ не смѣшно. Я, ей Богу, чуть не заплакал, когда читал эту ерунду.

Вѣдь это же новый русскій эпос.

Развѣ не слышится в этой ерундѣ что то старое, знакомое, за сердце хватающее.

Вот она, дикая, необ'ятная, бездорожная Русь... Непаканы поля, заросли ковылем и бурьяном. Разрушены, сожжены города и села. Поругана вѣра православная. Князья и бояре выѣхали на поклон в ханскую ставку, бородами пыль метут перед ханом. А народ частью разбѣжался по лѣсам, частью притаился и молчит. Страх и тоска сковали необозримые просторы. И только слышно, как словно сама земля стонет:

„Набѣжали злые татарове...“

Но время прошло. „Затрубил трубы в Новгород-Сѣверскѣ, кони ржут за Сулою, поднялись стяги в Путивлѣ“, встала Москва и папа сила татарская.

Как будто посвѣтлѣло на Руси. Как будто вздохнула она, отстроилась, взялась за соху и борону, пошла в ширь и в даль.

А земля опять стонет:

„Налетѣли злые опричники,
Молодую жену со двора свели,
Старика отца забили до смерти...“

Все это было и, мнилось нам, былѣем поросло“.

Чего вы хотите? Россія стала великой европейской державой, трехсотлѣтней имперіей, голос которой властно звучит на европейских конгрессах и конференціях.

И притом — двадцатое столѣтіе! Казалось бы, какіе уж тут „злые татарове“, да безшабашные опричники?

А вот, дождались!..

И опять поет, стонет земля:

„Вот и комсомолы в хату ворвались...“

Вмѣсто злых татаровей и злых опричников налетѣли набѣжали „злые правители“.

Ах, эта безграмотная ерунда — совсѣм не ерунда!

Все горе только в том, что к народному творчеству относятся с уваженіем и начинают его почтительно изучать только тогда, когда на нем ляжет пыль вѣков.

8.

А благодаря этому получается очень печальное явление, чреватое трагическими послѣдствіями.

Литература, призванная быть учительницей и руководительницей именно масс народных, совершенно оторвалась от них и живет сама по себѣ, своей собственной жизнью, варясь в собственном соку.

Вся печать находится в руках, так называемой, средней интеллигенции, правой или лѣвой — это безразлично, утратившей непосредственную связь с народом и витающей в сферах своих красных вымыслов и партійных идеологій.

Она сильна своей массой, своими техническими знаніями и, несмотря на кажущуюся непримиримую рознь, своей сплоченностью.

Она ревниво и самоувѣренно ограждает свое право говорить от лица народа и пренебрежительно отталкивает каждого одиночку, пытающагося подать свой голос снизу или сверху.

К первым она относится презрительно, как к безграмотным и несмышленишам, ко вторым со снисходительной усмѣшкой, как к наивным младенцам, неспособным постичь тайны политической мудрости.

А между тѣм, только два сорта людей могут сказать подлинную правду о жизни.

Или вот эти безграмотные писатели из народа, которые, хотя и поднялись выше стихійных стадных инстинктов темной деревни, но еще живут и мыслят в непосредственной связи с народной массой.

Или тѣ, кто сумѣет подняться на такую высоту, откуда видно все теченіе жизни от истоков до устья.

Увы, и тѣх, и других одинаково заглушает золотая середина — суетливая, болтливая, шумливая, самоувѣренная, как всякая золотая середина.

Она монополизировала общественную дѣятельность и печать. Она кричит, ссорится, что то рѣшает, дѣлает ка-

кие то выводы, что то провозглашает и вѣрит, что дѣлает
главное дѣло.

И непременно просчитывается во всѣх своих расчетах.

А когда разразится катастрофа, растерянно выпучивает
глаза и в ужасѣ разбѣгается во всѣ стороны.

Впрочѣм, только на пять минут.

Как только непосредственная боль от удара проходит,
она с новым шумом и прежней самоувѣренностью принима-
ется за свою вѣчную болтовню.

А народ молчит, и тщетно пророчествуют Достоевскіе
о скором пришествіи „бѣсов“.

„Безграмотную ерунду“ бросают в редакціонную кор-
зину, а Достоевских записывают в черносотенцы.

Так было, так будет!

LXXXI. *)

1.

На англійском языкѣ вышла в свѣтъ книга, под заглавіем: „Письма из русских тюрем”.

Книга эта опубликована Нью-Йоркским „Международным комитетом защиты политических заключенных” и представляет собою сборник ряда документов, в совокупности своей дающих картину того кромѣшнаго ада, который называется совѣтской тюрьмой.

Предисловіе к этой книгѣ написано председателем комитета—Р. Болдуином, и к нему присовокуплено 22 вступительных письма, подписанных выдающимися американскими и европейскими писателями и общественными дѣятелями. В том числѣ—Уэллсом, Синклером, Эйнштейном, Гауптманом, Келлерманом, Шницлером, Брандесом, Гамсуном, Сельмой Лагерлеф, Карин Михаэлис, Роменом Ролланом, Матерлинком и др.

Общій тон этих писем—это крик возмущенія, при выраженіи увѣренности, что появленіе этой книги облегчит участь жертв большевицкаго террора.

Именно по этому поводу я и хочу сказать кое-что.

2.

Прежде всего нужно отмѣтить, что в основном содержаніи этой книги нѣтъ ничего такого, что не было бы давно и хорошо извѣстно нам, русским.

Ужас и мерзость большевицкаго режима, являющагося свирѣпѣйшей тираніей, подобной которой давно уже не было на страницах міровой исторіи, описаны уже много раз и притом—гораздо полнѣе и ярче, чѣм в данной книгѣ.

Достаточно вспомнить хотя бы „Красный террор” С. Мельгунова, „Рѣчь Обера” или тѣ документы, которые непрерывно, из года в год, публикуются в „Архивѣ русской революціи”.

*) „За Свободу!” № 48 от 28 февраля 1926 г.

Больше того, данная книга, в сравнении с другими, сильно теряет уже по одному тому, что составители ее поставили себя слишком узкую цель:—обратить внимание мира на участь только тех революционных интеллигентов и рабочих, которые арестованы „за политическую деятельность, выразившуюся в организации собраний, произнесении речей, печатании и распространении партийной литературы и сношении с партийными товарищами за границей.“

То есть, другими словами, повинных лишь в мирной борьбе с большевицкой властью.

Составители книги намеренно не включили в нее тех документов, которые относятся к монархистам, белым офицерам и даже к тем революционерам, которые пытались бороться с оружием в руках.

Исключено из этой книги и все то, что касается участи совершенно уже ни в чем неповинных „буржуев“ и крестьян, которые миллионами гибли и гибнут только потому, что являются наиболее удобным объектом для грабежа и насилия большевицких воров и палачей.

Благодаря этому, книга приобрела тот неприятный привкус партийного эгоизма, которым отличаются протесты „против преследования социалистов в России“. Протесты пламенные, но за которыми всегаки чувствуется готовность к примирению с палачами, под условием, чтобы эти палачи перестали преследовать „товарищей социалистов.“

Одним словом, в ряду других синодиков кровавого произвола большевиков, книга эта далеко не занимает особо выдающегося места.

Конечно, прочитавший эту книгу иностранец, если у него есть голова на плечах (что, к сожалению, не общее правило!) может уже и сам представить себя, каким же издательствам подвергаются все другие, если такие муки выпадают на долю социалистов, с которыми „товарищи большевики“ все же обходятся значительно осторожнее.

Притом, не всякий иностранец даже и замечит тенденциозный подбор материала, не обратив внимания на революционное звание мучеников и видя в них только людей.

И поэтому относительную пользу появления этой книги нельзя отрицать.

Но для меня лично, в этой книге, вернее—в том успехе, который она имеет, есть нечто... отвратительное.

3.

Обилие предисловий, подписанных знаменитыми людьми, говорит о том, что составители сборника „человеческих

документов“ не рассчитывали на их прямое дѣйствіе на свою европейскую и американскую публику.

Чтобы обратить вниманіе европейцев на то, мимо чего, по нашему русскому представленію, нельзя пройти, не вскрикнув от ужаса и гнѣва, составители книги сочли себя вынужденными прибѣгнуть... к рекламѣ!

Знаменитые писатели и общественные дѣятели Европы и Америки, в данном случаѣ, должны своим авторитетом прошибить чугунные лбы и каменные сердца.

Будем надѣяться, что это им, наконец, удастся... Хотѣлось бы надѣяться!

Но, увы, я почти увѣрен в противном.

Возможно, конечно, что привлеченная блеском цѣлой плеяды знаменитых „предисловщиков“ европейская публика будет покупать и читать эту книгу нарасхват и, может быть, нервно разстроится на дѣлхъ два часа.

Возможно даже, что в процессѣ пробужденія міровой совѣсти (которое наступит же когда нибудь?) и эта книга сыграет свою роль.

Но чтобы она имѣла непосредственное дѣйствіе, чтобы под ея влияніем культурные европейцы перенесли вопрос об отношеніи к большевикам из области коммерческих соображеній в область человѣческих чувств,—на это никакой надежды нѣтъ.

Ибо не могу же я быть настолько наивным, чтобы на девятом году существованія большевицкой тираніи, — при наличности милліонов русских эмигрантов во всѣх странах свѣта и послѣ массоваго паломничества в сов. Россію всевозможных официальных и неофициальных иностранных делегаций и посольств, — матерьялы, опубликованные в этой книгѣ, явились для европейцев и американцев каким-то неожиданным откровеніем!

Нѣтъ, конечно. Все, что творится в Россіи, Европѣ и Америкѣ давно хорошо и болѣе или менѣе подробно извѣстно.

Во всяком случаѣ, им извѣстно несравненно больше того, что может дать одна книга, как бы она ни была составлена и какими бы предисловіями она ни была снабжена.

И если до сих пор европейцы, вмѣсто того, чтобы об- явить большевиков внѣ всѣх человѣческих законов, признают их законным правительством и законным претендентом на мѣсто в Лицѣ Націй, то вывод совершенно ясен.

Европейцы поступают так не потому, чтобы они чего то не знали и чего то не понимали, а потому что им так выгоднѣе.

Мір переживаєт глyбoчaйшee мoрaльнoe пaдeнiє и нe oднoй кнoгoй излѣчитъ этy стрaшнyю нрaвствeннyю чyмy ХХ-гo стoлѣтiя.

Чyмy, кoтoрoй мiр зaрaзилcя нa гнiющиx миллиoнaми трупaх нa пoлях чyдoвищнoй вoйны.

4.

И в тoм, чтo кнiгѣ этoй предпoслaнo стoлькo испoлнeннoх нeгoдoвaнiя предислoвiй, нaписaннoх „мoзгaми нaшiй“, я нe вижy ничeгo утѣшитeльнoгo.

Я нe гoвoрy ужe o тoм, чтo и срeди этиx лyчшix предстaвитeлeй eврoпeйскoй кyльтyры мнoгиe oкaзaлись бoлѣe или мeнѣe сдeржaны и yклoнчивы в oсyждeнiи бoльшeвикoв.

Для нaс, рyсскиx, дaжe и предстaвить сeбѣ нeвoзмoжнo, чтoбы Тoлстoй или Дoстoeвскiй, Мeчникoв или Пирoгoв, Пyшкин или Лeрмoнтoв сдeржaннo и yклoнчивo oтнeслиcя к звѣрскoмy истрeблeнiю миллиoнoв чeлoвѣчeскиx сyщeств и к oбeзьяннoмy издѣвaтeльствaм нaд дyxoм чeлoвѣчeским, гдѣ бы этo ни прoиcхoдилo—хoтa бы дaжe в дeбрях цeнтрaльнoй Aфрикки.

Срeди писaтeлeй и oбщeствeннoх дѣятeлeй, тo eсть, — лyчшix лyдeй Eврoпы и Aмeрикки (a глaвнoм oбрaзoм — Aнглии), всeтaки нaшлись тaкиe, кoтoрыe пoбoялись слишкoм рѣзкo oсyдить крoвaвyю тирaнiю!

Чтo ими рyкoвoдилo — бoязнь ли испoртитъ звязывaющiяся „дрyжeския oтнoшeнiя“ с... нaгрaблeннoм бoльшeвикaми зoлoтoм, или дyрaцкoe прeклoнeнiє пeрeд рeвoлюцiей, кaкoвa бы oнa ни былa, — я нe знaю.

Нo в пeрвoм слyчae oстaeтcя удивлятьcя тoлькo пoдлoсти, вo втoрoм — глyпoсти!

И я скaжy бoльшe: дaжe тѣ из них, кoтoрыe, пo прoчтeнiи этoй кнoги, нeсдeржaннo излили свoe нeгoдoвaнiє, вызывaют y мeня тoлькo рaздрaжeнiє.

Пyсть этo искрeнниe слeзы, нo этo — зaпoздaлaя спeзы!

И я coврeшeннo рaсxoжyсь со всѣми рyсскими эмигрaнтскими гaзeтaми, кoтoрыя пришли в yмилeнiє, нaпримѣр, oт письмa знaмeнитoй дaтскoй писaтeльницы — Кaрин Микaэлис.

Я нарoчнo привoжy этo письмo пoлнoстью:

„С тѣх пoр, кaк я прoчлa эти письмa oт мyжчин и жeнщин, пoгибaющих в рyсскиx бoльшeвицкиx тюрьмaх, мoи дни и нoчи oтрaвлeны ужaснoм чyствoм coзнaнiя свoей вины. Дa, я винoвaтa, рaз ничeгo нe дѣлaю, чтoбы прoтeстoвaть, чтoбы дoбивaтcя свoбoды для этиx мyчeникoв.

Я получила книгу в полдень, когда небо было залито солнечным свѣтом. Стоя у своего рояля я открыла конверт, намѣреваясь только взглянуть на книгу: неотложная работа мѣшала мнѣ прочесть ее. Но глаза мои остановились на нѣкоторых словах, и я принуждена была прочесть цѣлую страницу. Я читала стоя. Я все еще читала, когда садилось солнце. Я читала пока темнота не скрыла букв... Комната моя сдѣлалась мрачной, как могила. Глаза мои горѣли, мое сердце стучало, как молоток, горло мое жгли невыплаканныя слезы. И когда пришла ночь, я не могла спать. И когда настал опять день, я не видѣла и не чувствовала солнца.

Я много раз жалѣла — к своему стыду — что прочла эту книгу. А теперь, теперь я страстно хочу, чтобы всѣ люди с душой и сердцем прочли ее, и не один, а много раз! Пусть они, подобно мнѣ, не знают ни радости, ни покоя, пока не внесут свою лепту в дѣло помощи своим страждущим братьям и сестрам.

Не говорите, что это невозможно. Не говорите, что это будет вмѣшательством во внутреннія дѣла другой страны. Вы можете, вы должны возвысить свой протестующій голос."

Само по себѣ, это письмо... очаровательно.

В нем есть все, что должно трогать сердца тѣх русских, которые... забыли, что они пережили и переживают вот уже девятый год!

Нас так забили, так загнали, что почти уже внушили нам психологію негра-раба, который умиляется, когда какая нибудь добродѣтельная и поэтическая мисс — дочь рабовладельца роняет слезинку на его исхлестанную бичами спину.

5.

Чорт их возьми, этих добродѣтельных мисс!

Г.г. культурные европейцы могут дѣлать со мной все, что им угодно, но кромѣ презрѣнія я к ним ничего питать не могу, пока они „торгуют с каннибалами", а потом вытирают слезинки жалости к „несчастному русскому народу" тѣми самыми платочками, которыми вытирают свои пальцы послѣ рукопожатія с большевицкими палачами.

Вѣдь эти платочки подносятся к глазам руками, на пальцах которых, вмѣсто рубинов, горят капли крови.

И мнѣ хочется сказать уважаемой Карин Михаэлис:

— Простите, уважаемая писательница, но ваше письмо напомнило мнѣ тѣх сантиментальных дам, которыя падают в обморок, читая описаніе бойни, но с аппетитом кушают телячьи котлетки под красным соусом.

Впрочем, вы не кушали котлеток из русского мяса... я знаю! Вы не европейский дипломат и не американский банкир. Вы только хорошая писательница.

И я даже вѣрю, что когда вы прочли эту „ужасную“ книгу, то ваше горло дѣйствительно жгли невыплаканныя слезы, а потом вы цѣлую ночь не могли уснуть.

Но вы спокойно спали всѣ ночи, всѣ ночи на протяжении девяти долгих лѣт, пока мучили, грабили, насильовали, истребляли мой народ!

Вы не могли не знать о его страданіях, но это не мешало вам знать „и радость и покой“.

А потому я никак не могу повѣрить, что по прочтеніи этой книги вы так уж навсегда лишились радости и покоя.

О, я с восторгом прочел ваши огненные слова боли, скорби и гнѣва. Но повѣрю я, что это не только слова, когда слова эти претворите вы в дѣло!

Впрочем... вы поймете, конечно, что эти строки относятся не к вам лично, не к вам одной...

Февральская революція или „нѣтъ в мѣрѣ виноватых!“ *)

1.

Исполнилось девять лѣтъ со дня февральскаго переворота. Во всѣхъ эмигрантскихъ газетахъ — отвѣтственныя статьи, пытающіяся еще разъ установить правильную точку зрѣнія на смысл, причины и значеніе фѣвральской революціи.

Такихъ попытокъ было уже безчисленное множество и, не говоря уже о томъ, что никто никого не убѣдил, сами убѣждающіе с такой настойчивостью возвращаются к этому вопросу, что со стороны совершенно ясно, насколько сами они не тверды в своихъ убѣжденіяхъ.

Обречены на неудачу, конечно, и теперешнія попытки, хотя, невѣдомо почему, г. Милюков и находит, что „наступает момент“ для окончательнаго разрѣшенія спора“.

Достаточно взглянуть на такіе руководящія газеты, какъ „Послѣднія Новости“, „Дни“ и „Возрожденіе“ — эти три кита, на которыхъ зиждется эмигрантская политическая мысль, чтобы сразу убѣдиться, какъ далекъ этотъ вождельный моментъ — установленія одной общей точки зрѣнія среди различныхъ круговъ эмиграціи.

Для такого торжественнаго случая, какъ годовщина ниспроверженія самодержавія, выступили „сами“ Милюков, Керенскій и Струве.

2.

Керенскій, с именемъ котораго, подъ ходячей кличкой „керенщины“, наиболѣе связанъ февральскій періодъ русской революціи, говоритъ не от своего имени.

Онъ предпочитаетъ высказываться чужими словами — двухъ покойниковъ, кн. Львова и Шингарева.

*) „За Свободу!“ № 67 отъ 23 марта 1926 г.

Это очень характерно. Очевидно, несмотря на свою обычную самоуверенность, Керенский чувствует, что его собственное мнение было бы слишком неубедительно.

Ибо Керенского больше других обвиняют, а обвиняемому судьей выступить трудно.

И потому он начинает свою статью устами кн. Львова:

Среди хаоса первых недель революции непоколебимо взрывший в историческую неизбежность и закономерность всего совершившагося кн. Г. Е. Львов говорил:

„Заря нашей жизни, первые дни политической общественной деятельности моего поколения были освещены жаркими лучами русского освободительного движения... Мы можем гордиться среди народов мира тем, что русской душой владеет не гордость, а любовь. Да не смущаются робкие сердца перед русской свободой“.

Для полного оправдания февральской революции Керенский подкрепляет эту цитату ссылкой на Шингарева — одного из первых мучеников революции — слова которого освящены его кровью.

Уже сидя в Петропавловской крепости, за несколько дней до своей мученической кончины, „враг народа“, отдавший ему на служение всю свою жизнь и все свои силы, А. И. Шингарев в своем дневнике поставил себя искушающий вопрос: что бы ты сделал теперь, послѣ всего видѣннаго и пережитого, если бы можно было все начать сначала?

Шингарев отвѣтил: „я бы снова сделал то же самое и принял бы революцію“.

Это звучит очень знаменательно, но послѣднія слова — о принятии революции — являются некоей „свободной инструментальной“, как говорят музыканты.

И это очень любопытно, что для оправдания февральской революции, которое так естественно для ее „верховнаго“ вождя, Керенскому пришлось продѣлать некую манипуляцию.

Мы не знаем, что сказал бы Шингарев действительно послѣ всего пережитого. Он погиб в самом началѣ октябрьскаго переворота, когда даже гениальному, каким Шингарев, конечно, не обладал, еще не представлялась вся та бездна, в которую стремилась Россія, сдвинувшись со своего, плохого или хорошаго, но трехсотлѣтняго устоя. †

Не забудьте, что в то время на большевиков смотрѣли, как на эпизод, не связывая его с общим течением революции и не допуская возможности, чтобы совѣтская власть удержалась дольше не нескольких недель, много — мѣсяцев.

Сами большевики так думали тогда!

Поэтому Шингарев имѣл внутреннее право „не смущаться сердцем“ и вѣрить, что за октябрем послѣдует веселый мѣсяц май, а там наступит и жатва плодов революціи, для которой всѣ эти „экцессы“ — не болѣе, как временная непогода.

При таких условіях, конечно, мужественное сердце не смутится.

„Даром ничто не дается, судьба
Жертв искупительных просит!“

Шингарев это знал и понимал.

Но, всетаки, насколько мнѣ помнится, в дневникѣ Шингарева нѣтъ тѣх слов, которые Керенскій приводит курсивом, как цитату. О „пріятіи революціи“ Шингарев не говорил.

Он оправдывал сверженіе самодержавія, да, но от сверженія самодержавія до обобщающаго понятія о пріятіи революціи — дистанція огромнаго размѣра.

Революцію нельзя пріять или непріять так, как в старину школьники учили уроки — „от сих до сих“. Или революція пріемлется вся цѣликом, со всѣми послѣдствіями, или она вовсе не пріемлется.

Нѣтъ, Шингарев мирился с революціей, как с чѣм то ужасным само по себѣ, но являющимся необходимым средством для выхода из того тупика, куда завело Россію упорствующее самодержавіе.

Ошибался он или нѣтъ, но для Шингарева февральскій переворот был ужасной, но необходимой операціей. А раз необходимой, то он мог твердо сказать (еще не вѣдая всѣх послѣдствій), что „начал бы то же самое“.

Но если бы это было „пріятіе“, а не „примиреніе“ с необходимостью, то, конечно, Шингареву и в голову не могло бы придти никакого „искушающаго вопроса“.

Ибо в чем же было бы искушеніе? В звѣрствах черни, в большевицком возстаніи, в пролитой крови?

Для человѣка, пріемлющаго революцію, нѣтъ искушенія в ея жертвах. Революція есть борьба, а борьба без жертв невозможна.

Но для человѣка, только рѣшившагося на необходимую операцію, пролитая при этом кровь всегда будет болѣшим искушеніем, ибо перед ним вѣчно будет стоять вопрос: — Не напрасно ли пролита эта кровь?

3.

Что касается кн. Львова, умершаго только недавно и, значит, дѣйствительно пережившаго все, то Керенскому пришлось, так сказать, умертвить его задним числом.

Игнорируя всю послѣдующую жизнь Львова, Керенскій цитирует его слова, сказанныя дѣйствительно „в хаосѣ первых дней революціи“, когда Львов, разумѣется, еще не предвидѣлъ, к чему все это приведет.

Да, мы слишком хорошо знаем, что не только то поколѣніе, к которому принадлежал кн. Львов, но и цѣлый ряд поколѣній русской интеллигенціи был „освѣщен лучами освободительнаго движенія“.

Но, увы, именно благодаря этому бенгальскому освѣщенію, русская интеллигенція не видѣла темных сторон революціи и не замѣчала той пропасти, над краем которой она „шла вперед и выше“.

Революція представлялась нам каким то оперным апофеозом, на котором даже гильотина разубрана цвѣтами.

Никто даже и во снѣ не предвидѣлъ всѣх ужасов большевизма, мы помним, сколько вздора было наговорено и написано о „великой безкровной“ и о том, что мы „научили Европу, как дѣлать революціи!“

Вѣдь это же подлинныя и ходячія фразы того времени и... как стыдно, как стыдно теперь за них!

Очень немногіе (из них же первый есмь аз!) рѣшались в тѣ дни посмотрѣть правдѣ в глаза и возвысить свой предостерегающій голос.

— Революція еще только началась,—писал я в апрѣлѣ 17 года (московская „Свобода“) — и еще будет много крови, много страданій, много разочарованій!

Но, без всякаго преувеличенія, я был тогда первым и единственным. Не в похвалу, а с глубокой горечью говорю об этом!

Ибо если бы были другіе, то, быть может, многое можно бы было предупредить. Но вездѣ гремѣли тогда „яркія, красивыя, захватывающія слова“ о свободѣ, которым так и суждено было остаться словами!

И выкрикивали на страницах всѣх газет, на собраніях государственнаго значенія и на уличных митингах, среди толпы лускающих сѣмячки солдат.

Выкрикивали, не смущаясь даже их, подчас очевидной, бессмысленностью.

Поэтому по покойному Львову простительна эта возвышенная чепуха о власти „не гордости, а любви“. Вряд ли бы он повторил эту фразу теперь, послѣ того русскаго безпощаднаго бунта, в котором не сказалось любви ни к родинѣ, ни к человѣку.

И, уж конечно, видя, в какую бездну нищеты и униженія сваливалась Россія, Львов бы не заявил, что „мы можем гордиться“!

Чѣм гордиться?

Тѣм ли, что развалилась Великая Имперія? Тѣм ли, что русскій народ захлебнулся в собственной крови? Тѣм ли, что правят им хамы и воры? Тѣм ли, что отовсюду терпит он издѣвательства и заушенія?

Одним словом, не тѣм ли, что, по слову того же Керенскаго, „создававшееся столѣтіями в три дня было разрушено“!

Правда, Керенскій справедливо упрекает монархистов в том, что они, „забывая и отрекаясь от исторіи, ведут начало нашего лихолѣтія от февраля“.

Слишком очевидно, что сам февраль был подготовлен войной и „распутиновщиной“ правящих классов. Монархисты теперь забывают, или только хотят забыть, что они сами присоединились к февральскому „дѣйству“, во имя доведенія войны до побѣднаго конца и под вліяніем той „измѣны или глупости“, которая правила от ступеней трона.

Этого, вѣдь, не вычеркнешь из исторіи!

Но, с другой стороны, если так, то и сам Керенскій совершенно произвольно выхватывает февральскій період из общаго хода революціи.

Поскольку в гибели Россіи повинно самодержавіе, постольку в ней повинны и тѣ, кто в бурю вырвал руль государственнаго корабля из рук самодержавія, но удержать его не сумѣл и отдал корабль во власть стихій.

И если самодержавіе привело к необходимости февральскаго переворота, то февральская революція прямо привела к октябрьскому возстанію.

Всякія попытки представить ход исторіи иначе совершенно тщетны.

4.

Г. Милуков, вождь эмигрантскаго центра (впрочем— лѣваго), как и полагается всякой золотой серединѣ, занимает неопредѣленную позицію.

Гдѣ-то, между неполным пріятіем и неокончательным утвержденіем.

Сущность его взгляда на февральскую революцію заключается в том, что идеи были хороши, исполненіе никуда не годится.

Мысль, с которой можно было бы согласиться почти безпрекословно, если бы она была выражена ясно и опредѣленно, в формах, не допускающих толкованій.

Но на такую опредѣленность Милуков никогда не был способен.

Прежде всего, он повторяет сказку Керенскаго о „великой безкровной“.

Не даром рѣшительно всѣ политическія партіи и теченія сразу признали эту революцію и тѣм обезпечили ей немедленный и безкровный успѣх.

О безкровности говорить нечего. Крови было совершенно достаточно с самых первых дней, и остается только удивляться, как упорно стараются это отрицать люди, которые стояли у власти и, слѣдовательно, были хорошо освѣдомлены обо всем.

Что же касается „успѣха“, то тут есть маленькая поправка.

Успѣшно была совершена не февральская революція, а лишь сверженіе с престола Николая II-го.

Да, это было сдѣлано и поразительно легко, и сравнительно малым количеством крови, хотя, всетаки, Марсово Поле пришлось таки передѣлать в „кладбище жертв революціи“.

Но самая революція закончилась октябрьским переворотом, и, послѣ всего того, что случилось потом, нужно имѣть немало смѣлости, чтобы говорить об успѣхѣ!

Успѣх — побѣда, а еще одна такая побѣда — и некому будет терпѣть пораженія!

Г. Милюков прав, когда говорит, что, свергая самодержавіе,

всѣ понимали и связь революціи с обстоятельствами затянувшейся войны, которая при существовавшем тогда правительствѣ не могла, по общему сознанию, закончиться успѣшно, и роль революціи в сверженіи устарѣлаго, давно уже задерживавшаго развитіе Россіи, режима.

Но тот же Милюков, двадцатью строками ниже, пишет знаменательныя слова:

Мало-по-малу должно было обнаружиться безсиліе обѣих крайностей создать что-либо творческое на покрытой руинами почвѣ.

Таким образом, мы имѣем авторитетное свидѣтельство о том, что послѣ сверженія монархіи русская почва оказалась покрытой руинами, безсиліе справиться с которыми должно было обнаружиться.

Слова соблазнительныя, ибо они как бы подтверждают знаменитую фразу Трепова:

— Не стало царя и в ту же минуту исчезла Россія!

Конечно, это не совсѣм так, но эти „руины“, слишком не к мѣсту упомянутыя, дают совершенно нежелательное оправданіе тѣм, кто своим распутством довел Россію до революціи, а теперь старается всю вину переложить на плечи февральских неудачников.

Милюков старается доказать, что февральская революция стояла на правильном пути, между реакцией справа и реакцией слѣва, на пути к истинной свободѣ.

Это доказывается самым фактом существованія такого настроенія в первые дни февральской революціи.

Опять эти несчастные первые дни! Люди никак не хотят понять, что первые дни даже супружеской жизни проходят безоблачно и что когда человекъ хватят обухом по лбу, то небо кажется ему усѣянным звѣздами.

И во всяком случаѣ, настроеніе и есть только настроеніе!

Оно может быть всяким, в зависимости от темперамента и умственных способностей. „Дурак красному рад“, но это вовсе не значит, что радость обманувшагося дурака нужно принимать в серьезный расчет.

А самое нахожденіе февральской революціи между самодержавіем и октябрем знаменует только то, что она явилась прямой линіей, кратчайшим разстояніем между двумя точками.

И единственно, что совершенно логично у Милюкова, — это то, что

девятая годовщина февральской революціи напоминает нам о необходимости создать совсѣм другой единый фронт.

Это золотыя слова!

Необходимость созданія единого фронта на каких-то других основах сознается всѣми, но совсѣм другой — это не значит, что нужно вернуться на тот самый фронт, на котором мы понесли такое страшное пораженіе.

А, между тѣм, Милюков скорбит о том, что из старозавѣтной русской политической схемы — эсеры, кадеты, монархисты — выпало среднее звено, и панацею от всѣх зол видит именно и только в том, чтобы это недостающее звено было возстановлено.

Тогда все будет по старому, но почему то Милюков называет это „совсѣм другим фронтом“.

Ничего не забыли, ничему не научились!

5.

Г. Струве, как вождь не середины, а одного из флангов, не может сидѣть между двух стульев. Его мнѣніе о февральской революціи рѣшительно и безповоротно.

Для него февральская революція, которую он сближает с царубійством 81 года, является просто одним из двух

„Великих несчастій!“

И не вдаваясь в глубокомысленный анализ исторических явлений, г. Струве заявляет:

И в том и в другом случаѣ дѣйствовало величайшее ослѣпленіе, которое приглушило здоровое чутье и здравый смысл и убило всякую способность прозирать в будущее. Разя монархов, ранили и поражали Россію!

Увы, пѣрвое положеніе нисколько не уясняет дѣла. Как и у г. Милюкова нельзя понять, какой же чорт, в концѣ концов, столкнул Россію с совершенно правильнаго пути, якобы взятаго ею в февралѣ, так и у г. Струве никак не поймешь, какой же бѣс напустил нам туману в очи?

Второе же утвержденіе просто невѣрно. Монархов в Россіи разили уже не раз и прежде, но Россія оказывалась тогда не только не сраженной, но даже и не раненной.

Напротив, и „великій вѣк, Екатерины вѣк“ и „дней Александровых прекрасное начало“ наступили послѣ убійств Павла и Петра, и это привело только к вящему расцвѣту и величію Россійской Имперіи.

Конечно, потому, что в обоих указанных случаях переворот был произведен во время, а власть перешла в руки людей, которые оказались способными ее удержать.

Ни того, ни другого не оказалось в эпоху февральской революціи.

Переворот разразился в момент тяжелой, потрясающей войны, а люди... ничтожество им было имя!

6.

А вся сущность этого спора, поднятаго в девятый раз и угрожающаго подняться еще и в десятый, заключается в том, что люди, виновные в неудачѣ февральской революціи, не хотят признать ни собственную вину, ни неудачу.

Относительно виновности, нужно раз и навсегда признать, что там, гдѣ дѣло идет о дѣлах человѣческих, никакая „стихія“ не оправдывает того, кто взялся вести корабль и посадил его на мель.

Иначе придется раз и навсегда отказаться от всякаго понятія об отвѣтственности вообще.

И уж, конечно, тогда не может быть ни монархов, „отвѣтственных перед Богом“, ни „отвѣтственных министерств.“

То есть, не может быть никакой власти, и человѣчество должно, закрыв глаза, отдаться на волю анархическаго безвластія народной стихіи.

Смѣшно было бы обвинять одного Керенскаго. Нѣтъ, его несчастіе только в том, что он является наиболѣе ярким представителем тѣх слабоволія, безсилія, неумѣнія, раздво-

енности и робости, которыя были так характерны для чеховскаго поколѣнія „лишнихъ людей“, волею судебъ оказавшихся в передовой линіи, в минуту всенароднаго бѣдствія.

Что же касается успѣха или неудачи февральской революціи, то настойчивыя попытки оправдать ее тѣсно связаны с нежеланіем нести отвѣтственность. Ибо если февральская революція шла по совершенно правильному пути и была успѣшна, то очевидно, что и виноватых не может быть!

„Хоть оправданье в том — весьма плохого сорта,
Но легче, всетаки, свалить нам все на чорта!“

Тогда всѣ оправданы и можно мечтать о заслуженном признаніи.

Как любопытно, однако, что всѣ эти господа очень охотно говорят о неудачѣ и провалѣ большевицкой революціи, длящейся уже восемь лѣтъ, и ни за что не желают признать провал революціи февральской, которая в муках скончалась через восемь мѣсяцев послѣ своего рожденія.

Вѣдь это, чего добраго, кончится тѣм, что когданибудь спасшіеся от возмездія большевики, разбѣжавшись по границам, в свою очередь, превратятся в эмигрантов и будут писать об успѣхѣ и оправданіи октябрьской революціи!

Ах, невольнo вспоминается знаменитое „Мерси“ Достоевскаго:

— Нѣтъ в мірѣ виноватых!—воскликнула она.

— Да, отвѣтил я,—но если нѣтъ виноватых, то нѣтъ и праведников!

Мы обнялись и оба заплакали.

7.

Ошибка всѣх нынѣшнихъ адвокатов и прокуроров февральской революціи заключается в том, что они не отдѣляютъ идей от воплощенія.

Идеи, которыми была воодушевлена февральская революція, были не только совершенно правильными, сами по себѣ, но даже, можно сказать, святыми.

Ибо это было именно то, что составляет завѣтную мечту всего человѣчества, в теченіи многихъ тысячелѣтій:

— Свобода, равенство и братство!

В плоскости чисто русской, основными требованіями февральской революціи были доведеніе войны до побѣднаго конца и соціально-политическое переустройство Россіи.

И та, и другая задача, без всякаго сомнѣнія, были чрезвычайно хороши, но горе в том, что онѣ противорѣчили одна другой.

Ошибка дѣятелей февральской революціи в том и заключалась, что они не сумѣли отдѣлать задачу текущую

момента от задачи общаго характера. Они смѣшали в одну кучу внѣшнюю войну и внутреннія преобразованія.

Слишком долго мечтая о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, они забыли, что для войны нужно совсѣм другое.

Для войны нужна желѣзная дисциплина, единоличная диктатура, рѣшимость все забыть и все принести в жертву единой цѣли.

Самый свободный в мірѣ народ—англійскій—понял это, в момент военной грозы отмѣнив всѣ свободы и превратив свою вольную страну в военный лагерь.

Русскіе мечтатели, свергнув царя во имя побѣды, немедленно, „волнуясь и спѣша“, приступили к осуществленію всѣх своих завѣтных стремленій, совершенно очевидно не имѣющих никакого отношенія к задачѣ момента.

Таким образом, они с самаго начала предопредѣлили страшную катастрофу.

Кто бы и во имя чего бы ни начал войну, но сражающійся народ приносит ей в жертву всѣ свои насущные интересы. Кто бы и когда бы ни начал социальную революцію, совершая её, народ будет руководиться самыми грубыми, неизменными и эгоистическими стремленіями.

А так как совершенно очевидно, что человѣчество еще слишком несовершенно, чтобы идеи высшаго порядка торжествовали над идеями эгоистическими, то было ясно, что послѣднія восторжествуют над первыми.

Так и случилось.

Национальное немедленно потонуло в социальном, и прекраснодушные мечтатели, тщившіеся соединить несоединимое, потерпѣли полное крушеніе, были выброшены за борт.

Таким образом они сами предопредѣлили октябрь. Февраль явился прямым истоком октября, потому что февральскіе вожди с самаго начала хотѣли направить революцію по двум противоположным руслам и она естественно должна была направиться по болѣе глубокому и широкому.

Быть может, в концѣ концов, это русло вынесет Россию на желанный берег, но в момент раздѣленія должен был получиться и получился страшный водоворот.

То, что этого не предвидѣли, то, что этого не поняли вожди февральской революціи, составляет их незабываемое и неискупляемое историческое преступленіе.

С этим надо примириться и, оставив в сторонѣ всѣ праздныя попытки оправданія, искать дѣйствительно новых дорог, одинаково далеких от путей февральской и октябрьской революцій.

LXXXV.

СОБЛАЗН. *)

1.

Какую бы мерзость ни сотворили большевики, это меня поразить не может. Люди, которые открыто объявили, что всякую мораль признают предразсудком и присваивают себѣ право пользоваться ложью, предательством, обманом и лицемѣрием, тѣм самым приобрѣтают тоже своего рода „моральное право“ на любую гнусность.

Я могу считать их вредными животными, которых надо уничтожать, но судить их с точки зрѣнія нравственного закона не могу, так же, как не могу судить тигра и змѣю.

Поэтому, когда я узнал, что совнарком назначил пожизненную пенсію оставшимся в живых участникам царскаго убійства 1-го марта, это меня нисколько не возмутило. Я отмѣтил это только крошечной замѣткой в хроникѣ советской жизни и лишь одним заглавіем — „Цѣна крови“ — подчеркнул свое отношеніе к факту.

Но вот, в номерѣ от 23 марта газеты „Дни“ появилась передовая статья под тѣм же заглавіем „Цѣна крови“ и статья эта заставляет меня вернуться к обойденной темѣ.

2.

Как извѣстно, агентство Гаваса опубликовало сообщеніе о том, что, основываясь на пожалованіи пенсіи участникам 1-го марта, Юровский и его товарищи, перебившіе в подвалѣ Ипатьевского дома беззащитную царскую семью, потребовали себѣ той же награды.

Так вот, по этому поводу „Дни“ серьезнѣйшим и глубокомысленнѣйшим образом начали раз'яснять, что между террористическим актом 1-го марта и екатеринбургской бойней лежит глубокая пропасть, хотя в обоих случаях одинаково пали жертвой „кровавые коронованные тираны“.

*) „За Свободу!“ № 74 от 31 марта 1926 г.

„Убийство — смертный грѣх. Но бывают минуты, когда чистѣйшіе и свѣтлѣйшіе люди, отдавая душу свою за други своя, берут на себя эту вину неискупимую.

В актѣ террора — всегда самопожертвованіе, всегда осужденіе самого себя на смерть.

Только в этом оправданіе террора.

Только преодолевая в себѣ волю к жизни, человек получает в каком то невѣдомом нам, обычным людям, своем внутреннем религіозном порядкѣ право становиться судьей жизни другого, себѣ равнаго.

Шарлотта Кордэ, поразившая кинжалом Марата и казненная знаменитым палачом, мастером гильотины Сансоном, была воспѣта Андрэ Шенье и ушла в исторію одним из прекраснѣйших образов человеклоубія. Тургенев о Софіи Перовской написал одно из своих лучших стихотвореній в прозѣ.

Но ни одному из самых падших блудодѣев слова никогда не приходило в голову написать оду в честь, по своему тоже безсмертнаго, Сансона или нацарапать некролог палачу, вздернувшему на висѣлицу вдохновительницу террористическаго акта над Александром II*.

На первый взгляд все это кажется неотразимо убѣдительным.

„Дни“ еще усугубляют такое впечатлѣніе, напоминая о том, что и в наше время могут найтись такіе же чистѣйшіе и свѣтлѣйшіе люди, которые подымут свою карающую руку над головами теперешних властителей Россіи.

Но так кажется только на первый взгляд!

Если же вдуматься, то выступленіе „Дней“ приобретает весьма соблазнительный характер, дающій повод к самым тяжелым обобщеніям.

3.

Я уже не стану подымать вопроса о том, могут ли „Дни“, положиа руку на сердце, а не на партійную программу, сказать, что данная ими аналогія умѣстна и что Александр II и Николай II перед судом человѣческой совѣсти должны быть поставлены на одну доску с Лениным и Дзержинским?

Для „Дней“ это, пожалуй, так и есть. Недаром же они, говоря о самых гнусных преступленіях большевизма, часто оговариваются, что это „напоминает (только н а п о м и н а е т!) худшія времена царизма!“

Но сейчас меня интересует другой вопрос: — к кому, собственно, обращают „Дни“ свои пламенные рѣчи о разницѣ между террористами и палачами?

К большевикам, к Юровскому, или ко всѣм нам?

Это вопрос совсѣм не такой праздный, каким может показаться сгоряча.

Дѣло в том, что если увѣщанія и раз'ясненія „Дней“ направлены по адресу большевиков вообще и Юровскаго в частности, то мы имѣем право серьезно обезпокоиться состояніем здоровья редактора „Дней“ и автора статьи.

Ибо, вѣдь, совершенно очевидно, что Юровскій, если бы даже и прочел эту статью, то ничего бы в ней не понял, а для большевиков она просто смѣшна.

Для них, сугубых и грубѣйших матеріалистов, всѣ духовныя цѣнности об'явивших буржуазными предрассудками и на знамени своем начертавших — „в борьбѣ всѣ средства хороши“, всѣ эти разсужденія о каком то „религіозном порядкѣ внутренняго оправданія“—все равно, что мертвому клизма.

Для них и в первом мартѣ и в семнадцатом іюля важно только то, что были „казнены тираны народа“, а каким манером это было сдѣлано, — то для большевиков в высшей степени безразлично.

И если хотите, то они логически правы.

Убійцы Александра II дѣйствовали по приказу центрального комитета партіи Народной Воли, признавашаго смерть Александра необходимой для блага народа.

Николай Второй и его семья были уничтожены по приказу Ленина и Свердлова — центральный комитета партіи коммунистической.

Конечно, в первом случаѣ был убит „могущественный тиран“, а во втором — перебита беззащитная семья, но, вѣдь, вопрос о необходимости—всегда вопрос сложный и спорный.

Народной Волѣ казалось необходимым убійство Александра, вступившаго на путь реакціи.

Коммунистам казалось необходимым с корнем уничтожить царскую семью, самое существованіе которой являлось опасностью для завоеваній революціи.

Кто из них был прав, кто ошибался — это вопрос иной, но если одним угодно считать рѣшенія Народной Воли непогрѣшимыми, то кто же может отнять у других право считать такими же непогрѣшимыми „завѣты Ильича“?

Это дѣло вкуса, совѣсти и пониманія историческаго момента.

Но во всяком случаѣ, Юровскій имѣл такое же право идти за Лениным, как Гриневицкій за Софьей Перовской.

Правда, Гриневицкій и Перовская самым очевидным образом рисковали жизнью, а Свердлов и Юровскій, как будто, ничѣм не рисковали.

Но так ли это?

Вѣдь и Перовская могла быть не арестована и так же дожить до глубокой старости, так дожили и теперешніе пен-

сионеры совѣтской власти. Въдѣ послѣ убійства она не явилась в полицію и не отдала себя в руки палачей, чтобы добровольно искупить „вину неискупимую“. Напротив, она пыталась скрыться и была арестована только через нѣсколько дней, совершенно против воли.

Гриневицкій погиб, но и Свердлов погиб. Перовская была повѣшена, но и Ленин получил пулю в шею.

Из товарищей Юровскаго двое попали в руки бѣлых мстителей, а сам Юровскій, еще даст Бог, тоже попадется.

Так что говорить о какой то страшной пропасти между фактическим положеніем героев перваго марта и семнадцатаго іюля, по крайней мѣрѣ, неосторожно.

Тѣм болѣе, что даже и очень многим „падшим блудодѣям слова“ приходит и приходило в голову писать оды в честь большевицких палачей!

4.

Я, конечно, вовсе не хочу сказать, будто Перовская и Юровскій явленія одного порядка.

О, нѣтъ, я не большевик, а потому для меня внутреннія побужденія гораздо важнѣе, чѣм фактическіе результаты.

Я очень хорошо знаю, что Шарлотта Кордэ была героиней, а мосье Сансон — только палачем, Софья Перовская — террористкой, а Юровскій — наемным убійцей.

Но все вышесказанное я говорил только для того, чтобы показать, как скользка та почва, на которую встали „Дни“.

Они сами дают в руки большевиков аргументы для самооправданія и набрасывают тѣнь на участников дѣла 1-го марта, неосторожно сближая несближаемыя имена.

Вся постановка вопроса, которую допустили „Дни“, глубоко неудачна и весьма соблазнительна.

Вышло так, будто все дѣло именно в том и заключается, что Юровскій, — как не террорист, оправданный „в каком то непонятном своем внутреннем религіозном порядкѣ“, а просто палач, — не имѣет права на пенсію.

А тѣм самым косвенно доказывается, будто участники царубійства 1-го марта таковое право имѣют и „цѣну крови“ вполне заслужили!

К чести „Дней“ нужно, всетаки, сказать, что такого вывода они сдѣлать не рискнули.

Но вывод этот логически вытекает из такой нелѣпой постановки вопроса, при которой центр его тяжести оказался перенесен на право на вознагражденіе.

Этого не случилось бы, если бы „Дням“ не пришла в голову совершенно идіотская мысль сравнить Юровскаго с Софьей Перовской.

Да развѣ тут может быть сравненіе? Да развѣ может быть вопрос о правѣ на цѣну крови?

5.

Совѣсть человѣческая — тоже продукт какого то непонятнаго религіознаго порядка — говорит нам, что не только ни палач, ни террорист не имѣют права на плату за пролитую кровь, но даже больше того: палач имѣет, а террорист нѣтъ!

Ибо палач есть наемный убійца, а каждый наемник имѣет право требовать, чтобы ему честно заплатили за труд или за подлость — все равно.

Но человѣкъ, в порядкѣ внутренняго религіознаго сознанія присвоившій себѣ право быть судіей жизни и смерти других людей, — это не наемник и платы ждаты не имѣет права.

Осуждая себя на смерть за жизнь другого, он сам себѣ судія, сам устанавливает свою кару „за вину неискупимую“, а награду черпает в сознаніи исполненнаго высшаго долга.

И думаю я, что Шарлотта Кордэ, Софья Перовская, Каляев, Сазонов не взяли бы денег за пролитую кровь.

Я не могу представить себѣ, чтобы эти люди каждое двадцатое число мирно шествовали в казначейство, с замасленной пенсіонной книжкой в руках!

А если это можно представить, то что же останется от их героически-страдальческаго ореола?

6.

В том то и дѣло, что оставшіеся в живых участники 1-го марта оказались, ох, как далеки от тѣх чистѣйших и свѣтлѣйших образов, которые были воспѣты Шенье и Тургеневым!

Они, таки, будут ходить в казначейство, будут старчески брюзжать на задержку в выдачѣ пенсіи, а в трудную минуту заложат свою „цѣну крови“ у ростовщика.

Непріемлемое они приняли и до сих пор что-то не слышно об отказах от этой милости начальства.

Вот что отвратительно, вот что ужасно, а вовсе не то, что Юровскій, глядя на этих „героев революціи“, наивно возмечтал: — „ах, если бы мнѣ то же!“.

Напротив, это даже очень естественно, ибо палач и есть палач — послѣдній гад среди людей.

И трагедія „Дней“ в том и заключается, что своим несвоевременным выступленіем Юровскій подчеркнул ту мерзость, в которую полѣзли бывшіе герои революціи, занесенные в революціонные святцы „Дней“.

Именно поэтому „Дни” и выскочили, чтобы поскорѣе провести „грань между палачем и террористами” и, доказывая, что Юровскій права на пенсію не имѣет, тѣм самым — косвенно, осторожно, издалека, незамѣтно они пытаются доказать нам, что такое право участниками царевбійства 1-го марта вполне заслужено, а значит — никакой мерзости они и не совершили.

Но, увы, мерзость всегда остается мерзостью, кто бы ее ни совершил — герой ли революціи, палач ли — это все равно.

И легкомысленно сблизив несближаемые имена, „Дни” только подали повод к самым соблазнительным мыслям.

Впрочем, давно уже сказано, что чрезмѣрно услужливые люди иногда бывают опаснѣе врага.

„ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ“ *)

1.

Наблюдая то, что происходит среди русской эмиграции, — с ее непримиримой партийной враждой, с ее бессмысленным желанием и здѣсь, на чужбинѣ, продолжать ту же борьбу, которая уже однажды привела Россію на край гибели, а нас всѣх сдѣлала бездомными скитальцами, — часто и горько приходится повторять:

— Ничего не забыли, ничему не научились!

Но это не совсѣм так.

Забывать... правда, забыли мы немного. Но забывать вообще трудно. Забвенье есть только в могилѣ.

Зато мы кое что вспомнили, кое чему научились.

И прежде всего вспомнили, что мы — русскіе. Научились любить свою родину.

Хотя и поздно, но в нас, наконец, проснулась національная гордость.

2.

Русскій народ — великій народ. Он создал громадное государство — „окнами на пять земных морей“, создал вѣру, тихим свѣтом осіянную, создал великую литературу, изумительную музыку, неподражаемый театр, создал богатый и гибкій язык, создал свой стиль и свою культуру.

Но наряду с неисчерпаемыми творческими силами была у нас и какая то духовная слабость, какой то внутренній недостаток.

Не любили мы и не уважали свою родину!

Русскій мужик, перед лицом смертельной опасности, угрожавшей всей Россіи, равнодушно отмахивался:

— Мы — калуцкіе, до нас нѣмец не дойдет!

Русскій рабочій питался идеями Интернационала.

А россійскій интеллигент считал любовь к родинѣ чуть ли не признаком дурного тона, с гордостью называл себя

*) „За Свободу!“ № 128 от 8 июня 1926 г.

„западником“, и нельзя было сдѣлать ему лучшаго комплимента, как назвав его „настоящим европейцем“.

Слово „патріот“ произносилось у нас не иначе, как с презрительно-насмѣшливой улыбкой, и мы считали очень остроумным на всѣх перекрестках выставлять язвы своей родины, презирая ея прошлое и ненавидя настоящее.

— Ах, Франція или Англія, нѣтъ в мірѣ лучше края! — твердили русскіе умники и, очутившись за границей, больше всего боялись, как бы их не признали за русских.

Они избѣгали говорить на своем родном языкѣ и предпочитали немилосердно коверкать язык чужой, к великому удивленію заграничных портъе и лакеев,

Конечно, они мотивировали этот свой страх тѣм, что в Европѣ русских считают дикарями. Но кто же, как не они сами о том позаботились, по всѣм заграничным кабакам изображая Россію лишь темным царством азіатскаго деспотизма и увѣряя, будто единственныя достиженія русскаго самобытнаго творчества — это лапти, ѡнут и самовар!

Как ни печально в этом сознаться, но несомнѣнно, что все это свидѣтельствовало об изрядном душевном хамствѣ и о самой непростительной глупости.

А уж каким образом мы ухитрялись эти лакейскія добродѣтели соединять с безмѣрной широтой мысли и творческаго генія, про то один Бог вѣдает.

3.

Впрочем, были для этого и свои вѣскія причины.

Двухсотлѣтнее татарское иго и трехсотлѣтнее крѣпостное право не могли не наложить своего отпечатка на русскую душу.

А кромѣ того молодости вообще свойственно ничего не цѣнить, ничѣм не дорожить. Ну, а мы — народ молодой, находившійся еще в стадіи ученичества, и учителями нашими были как раз тѣ самые нѣмцы, которые смотрят на славянство, как на навоз, предназначенный для удобренія почвы под германскую культуру.

Уваженія к себѣ такіе учителя, разумѣется, не могли нам внушить.

Вѣдь таланта и ума в человѣкѣ не убьешь, а чувство собственнаго достоинства даже и очень убить можно.

Сыграла, конечно, свою роль и разноплеменность Россіи, мѣшавшая нам почувствовать и осознать свое національное единство.

Одним словом, причин было много, но развѣ в причинах дѣло?

Причины важны для безпристрастного историка, которому любопытно установить, каким образом сложилось то или иное историческое явление.

А для нас, живых людей, на своей шкурѣ перенесших всѣ тѣ бѣдствія, которыя обрушились на Россію, важен только один факт:

— Так было!

— Было так, что когда пробил роковой час испытанія, мы всѣ с легким сердцем и непостижимою легкостью в мыслях, думали о чем угодно — о демократических платформах, о классовой борьбѣ, о правах трудящихся — но только не о той самодовлѣющей цѣнности, которая превышаете всего и которая называлась Россіей.

4.

Ну, и вот... оправдалась мудрая русская поговорка:

— Что имѣем—не храним, потерявши плачем!

Кто теперь не оплакивает Россію? Кто не росписывается в своей любви к родинѣ?

Правда, между нами будь сказано, я все еще не особенно вѣрю в настоящее пробужденіе національнаго сознанія, в искренность этой всеобщей, внезапно восплававшей любви к родинѣ.

Уж очень замѣтно, что одни тоскуют по Россіи потому, что у себя дома жилось лучше, чѣм у сосѣда в оwinѣ; другіе переплетают любовь к родинѣ с душевным прискорбіем о погибших помѣстьях; третьи и до сих пор никак не могут отдѣлать Россію от своего политическаго идеала.

Но хорошо уже и то, что всѣ, без исключенія, уразумѣли, наконец, что без Россіи они ничто, людская пыль.

А уразумѣв, осознали себя русскими.

Теперь уже никому не приходит в голову корчить из себя европейца. Всѣ гордятся своим происхожденіем от великаго русскаго племени и славят свою русскую культуру.

При этом всѣ поняли, что эту культуру не прохожій цыган потерял, что она органически выросла на русской землѣ, и стали цѣнить прошлое Россіи, даже и со всѣми его грѣхами и прорѣхами.

Научились цѣнить то, что дороже самаго идеальнаго государственнаго строя, что выше классоваго сознанія, цѣнятъ всѣх прав.

Научились цѣнить Россію, как нѣкое великое духовное цѣлое.

И вот, теперь, в разсѣяніи, на чужой сторонѣ, празднуем „День Русской Культуры“.

Празднуем с тѣм рѣдким единомушіем, котораго нам как раз и не хватало тогда, когда нужно было спастъ эту культуру!

5.

День этот называют также и „Праздником Русской Культуры“.

Но у многих явилось тревожное сомнѣніе:

— Не правильнѣ ли было бы говорить не о праздникѣ, а о панихидѣ?

Ибо многіе пали духом и готовы повѣрить, что Россіи больше не будет, а на мѣстѣ святѣ уже навсегда воцарилось „чудище обло, стозѣвно и лаяй“ — безликое ничто, СССР.

И что же, со стороны глядя, можно, пожалуй, подумать, что эти тревожныя опасенія имѣют достаточно основаній.

Ибо девятый год правит Россіей шайка международных политических авантюристов, а конца этой власти все еще не видать.

Между тѣм, нынѣшніе владыки русскаго народа дѣлают все, чтобы убить в нем всякое національное сознаніе, раздробить на тысячи малых и безсильных племен, уничтожить все, что напоминает о великом прошлом, привить обязательное міровоззрѣніе матеріализма и атеизма.

Для того, чтобы достигнуть своей цѣли, они планомерно изводят остатки русской интеллигенціи, разрушают церковь, развращают русскую молодежь, сознательно понижают уровень духовной культуры.

Их цѣль—с корнем вырвать самое воспоминаніе о Россіи и превратить русскій народ в безликій, штампованный авангард интернаціональнаго пролетаріата.

И нѣкоторым уже кажется, будто это удастся, будто русская культура погибла, будто на ея могилѣ большевики, и в самом дѣлѣ, строят какую-то свою новую, пролетарскую, культуру!

6.

Эти малодушныя, потерявшіе голову, даже и того уже не видят, что сами строители новой культуры никак не могут опредѣлить, в чем, собственно, она заключается?

Оно и понятно. Вѣдь по декрету совнаркома и по хлестаковской формулѣ „пусть называется!“ никакой культуры не создашь.

Никакой пролетарской культуры нѣтъ и быть не может.

Ибо всякая культура—это духовное богатство, накапливаемое всѣм народом в его цѣлом, и являющееся результатом тѣх внутренних процессов, которые совершаются в теченіи многих вѣков.

Не может имѣть свою собственную культуру один класс, живущій в общенародной массѣ и подчиненный ея могучему влиянію.

А с другой стороны, не может быть и интернаціональной культуры вообще, потому что невозможно совмѣстное духовное творчество разных рас, стран и языков.

Культура всегда національна, и в этом ея цѣнность, ея красота.

Это драгоценный камень, который должен быть самоцвѣтным.

И если, в концѣ концов, всѣ культуры сливаются в нѣчто общечеловѣческое, то лишь постольку, поскольку различные драгоценные камни вплетаются в одну корону.

Они сливаются в общем блескѣ, но каждый из них горит своим собственным огнем.

А потому, если будет существовать сама Россія, то и культура, которая будет процвѣтать на ея землѣ, неизмѣнно останется русской.

Или там не будет никакой культуры.

Культура — это своего рода культ предков, и народ, который захотѣл бы отказаться от него, оказался бы в духовной пустотѣ, без роду, без племени, и сам вычеркнул бы себя из всякой культуры.

Для того, чтобы на русской землѣ зародилась какая нибудь новая культура, не имѣющая никакой связи с прошлым, нужно, чтобы эта земля запустѣла, чтобы она снова превратилась в совершенно дѣвственную почву.

Может ли это быть?

7.

Конечно, ничто не вѣчно под солнцем. И культуры подчинены тому же желѣзному закону, по которому все растет, цвѣтет, дряхлѣет и умирает.

Но для этого нужны огромные сроки.

Нужно время и только время, ибо это единственная сила, которая может без слѣда уничтожить всѣ созданія человѣческаго генія.

Уже нашествіе варваров этого сдѣлать не в состояніи.

Варвары могут разрушить матеріальныя цѣнности, но дух народа, его культуру они убить не могут.

Напротив, именно потому, что они — варвары, а слѣдовательно бѣдны духовной культурой, они всегда и неиз-

мѣнно подпадают под вліяніе культуры той страны, того народа, который они покоряют не духовной мощью, а только грубой силой.

И вот, если мы внимательно присмотримся к тому, что нынѣ происходит в Россіи, мы ясно увидим этот же неизбѣжный процесс.

Большевики — эти варвары двадцатаго столѣтія— шаг за шагом отступают от своей цѣли, мало по малу отказываясь от безмысленной попытки передѣлать душу народную и приобщаясь к той самой культурѣ, которую они так яростно разрушали.

Пресловутая пролетарская культура все болѣе превращается в никчемную и безпутную содержанку власти, не сумѣв установить никакой связи с идущей своими путями народной жизнью.

И, наконец, даже самую власть, поддерживающую это мертворожденное свое дѣтище исключительно по политическим соображеніям, начинает тошнить от его безобразія.

Все чаще на страницах совѣтской печати раздаются отчаянные вопли:

— Назад, к Пушкину — кричит Вронскій.

— Назад, к Островскому! — вторит ему и сам гороховый шут Луначарскій.

Рыков и Томскій скорбят о бездарности своей печати и протестуют против „излишней совѣтизації“.

А офиціозный журнал „Журнал Искусств“ открыто заявляет:

— „Смутное время переживает совѣтское искусство. Какой мертвый штиль, какое застойное болото!... Всѣ признаки несомнѣнной спекуляціи лозунгами революціи—налицо, и нѣтъ сейчас болѣе безсодержательнаго и болѣе дискредитированнаго термина, как захватанное словечко „революціонный“.

И пустуют „театры революціи“, и приходится „госиздату“ цѣлыми вагонами отправлять пролетарскую литературу на бумажныя фабрики, а комсомольцы жадно роются в разграбленных „буржуазных“ бібліотеках, выискивая уцѣлѣвшіе томики Толстого и Достоевскаго.

Маяковскіе и Демьяны Бѣдные опредѣленно занимают лакейскія мѣста при кремлевских палатах, исполняя юбилейные заказы.

А лучшіе из молодых русских писателей, поэтов, артистов и художников, переболѣвъ большевицким тифом, с обращеніем отрекаются о этого безумнаго бреда, возвращаясь к истокам единаго великаго русскаго искусства.

„Насмѣшкой горькою обманутаго сына“ издѣваются они над своими интернаціональными учителями, а нѣкоторые из

них, наиболѣе чуткіе, как Есенин, и кровью своею расплачиваются за грѣх отступничества от Россіи.

Пройдет еще немного времени, и от всей этой пролетарской шелухи, покрывшей Россію, как оспенная чешуя, не останется ничего, кромѣ разрыхленной революціей почвы, из которой русская культура жадно будет впитывать новые соки.

И, как рѣка, преодолевшая пороги, на которых вся она, казалось, обратилась в грязную пѣну, русская культура выйдет снова на простор и покатит могучія воды свои дальше, к необъятым горизонтам, открытым русскому генію.

8.

Мало того, что я свято вѣрю в это!

Я вѣрю в большее: вѣрю в то, что именно русской культурѣ предназначено влить новыя силы в дряхлѣющій Запад.

В это твердо вѣрили величайшіе русскіе писатели и мыслители, вѣрят и многіе лучшіе люди Европы, предрекающіе, что „Свѣт возсіяет с Востока“.

Долго вѣрила этому и вся русская интеллигенція. Безсознательно вѣрил этому и весь русскій народ, с легким, жалостливым презрѣніем относившійся ко всякому „нѣмцу“.

Потом настало время, когда многіе усумнились в великом предназначеніи Россіи и даже стали глумиться над этими пророчествами.

— Нам-ли думать о мессіанизмѣ, — говорили они, — когда любой англійскій кучер образованнѣе нашего народнаго учителя, когда мы невѣжественны, грубы, нечистоплотны, дики, когда мы даже не научились еще хоть сколько нибудь прилично обрабатывать свою землю, чтобы періодически не вымидали с голоду населенія самых хлѣбородных областей?!

Ну, а теперь, когда вдобавок ко всему обнаружилось, что мы не сумѣли пережить революціонную грозу и превратили свою страну в грудю окровавленных обломков, инomu и в самом дѣлѣ покажется странным мечтать о каком-то мессіанизмѣ.

Высокомудрым европейцам это представляется рѣшительно ни на чем не основанной претензіей!

А я продолжаю вѣрить в то, что свѣт возсіяет с Востока.

9.

На чем же основана моя вѣра?

На совершенно особенной внутренней красотѣ все⁰¹

созданнаго русским гением и столь непохожаго на внѣшне блестящія достиженія культуры европейской.

Ну, да, мы невѣжественны, мы дики, мы не умѣем владѣть собою, мы бунтари по духу, по природѣ, наши домашнія животныя—это зеленый змій и красный пѣтух.

Но, будучи невѣжественны и бѣдны, мы создали такія духовныя цѣнности, что наше поколѣніе присутствует при совершенно необычном зрѣлищѣ.

В то самое время, как русскій народ находится в состояніи глубокаго паденія, в то время, как на нас с жалостью и презрѣніем смотрят культурные народы Европы, достиженія нашей культуры приѣмлются міром, как величайшія откровенія!

Русская культура, русская литература, русскій театр—это сейчас центр мірового вниманія и изученія.

Библиотеки всѣх стран переполнены переводами наших писателей, поэтов и мыслителей. На них учатся, им подражают талантливѣйшіе представители европейской мысли. Русская музыка гремит по всѣм концертным залам Стараго и Новаго Свѣта. Наши пѣвцы и актеры царят на сценах Европы и Америки, и артисты других стран вынуждены прибѣгать к покровительству своих правительств, чтобы избѣжать этой губительной, непосильной конкуренціи.

Міровое значеніе русскаго творчества признано той же самой Европой, которая еще вчера считала нас дикарями.

10.

И это об'ясняется отнюдь не случайностью, не модой, а тѣм, что в русском творествѣ есть нѣчто такое, что давно утрачено и позабыто Западом, а без чего вся жизнь человѣческая превращается в бездушную спекуляцію, в механической процесс.

Это нѣчто есть духовность.

Русская философская и религиозная мысль, русская музыка, русская литература, театр, живопись, — всѣ они проникнуты внутренним горѣніем живой человѣческой души.

Мы можем здѣсь вспомнить то, что говорили наши величайшіе писатели о Пушкинѣ.

Ибо Пушкин есть самое яркое выраженіе русскаго національнаго гения и то, что сказано о нем, можно сказать и о всей русской культурѣ.

— Самая сущность, всѣ свойства поэзіи Пушкина, — говорит Тургенев, — совпадают со свойствами и сущностью всего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ, ясности его творчества, эта прямодушная правда, полное отсутствіе лжи и фразы, эта простота и задушевная от-

кровенность, в глубокой честности ощущений,—всѣ эти черты лучших русских людей поражают в твореніях Пушкина не только нас, его соотечественников, но и тѣх иностранцев, которым его сочиненія стали доступными“.

— Пушкин, как величайшій русский художник, как совершеннѣйшій выразитель русскаго народнаго духа, — сказал Достоевскій, — поражает именно его способностью ко всемірной отзывчивости, способности вмѣстить идею всечеловѣческаго единенія, прощающаго все враждебное, снимающаго всѣ противорѣчія“.

Да, Пушкин—это отраженіе русской души, той самой загадочной для европейца русской души, вся загадка которой в том и заключается, что только она всѣм существом своим почувствовала, что не хлѣбом единым жив будет человек.

Это та всечеловѣческая душа, которая не удовлетворяется одними великолѣпными городами, образцовыми желѣзными дорогами, удивительными радио-телефонами и даже самым великолѣпным порядком и самым восхитительным крахмальным бѣльем.

Душа, которая взыскует града невидимаго, царства Божія на землѣ, той высшей правды и справедливости, о которой другой величайшій русский художник сказал:

— Единственный герой мой, котораго люблю всей душой, который был, есть и будет всегда прекрасен — это правда!

Та внутренняя духовная правда, без которой окончательно бессмысленным становится существованіе человека.

11.

На всем русском творествѣ лежит ясная печать предпочтенія духовнаго внѣшнему, устремленія к внутренней красотѣ, исканіе конечнаго смысла бытія.

О, конечно, не мы это выдумали. Но мы этого не знали, когда об этом прочно позабыл старый Запад, гдѣ все механизировано, гдѣ все подчинено закону спроса и предложенія, гдѣ человек начинает мучительно ощущать, что его личность лишена всякой цѣнности.

Если бы мір продолжал идти по этому пути, то жизнь, идеально налаженная в самых образцовых внѣшних формах, опустѣла бы внутренно и, в концѣ концов, неизбежно разрушилась бы самым жалким образом, за полным безсмыслием дальнѣйшаго существованія.

Разорвалась бы всякая связь между людьми, и человек человеку стал бы даже не волком, а только сосѣдним винтиком в одном огромном, бездушном механизмѣ.

Но каждый раз, когда исторія челоѣчества подходит к этому роковому моменту, из самаго, казалось бы, дикаго, самаго некультурнаго народа начинает бить могучій фонтан новой жизни.

И мнѣ кажется, что в этот раз именно русскому гению предназначено оживить мір, влить в него струю живую, заставить его снова осознать великую цѣнность челоѣческой души.

И я вѣрю, что в спорѣ народов, в концѣ концов, побѣдит не оружіе, не грубая сила, не блеск внѣшней культуры. Пройдет время—и мѣсто той или иной націи в семьѣ народов будет опредѣляться силой ея духовной культуры.

В этом весь смысл культуры, ибо иначе культура вовсе не нужна челоѣчеству.

И тогда русскій народ, русскій творческій гений будет почтен всѣми народами земли.

СЛОВО О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ *)

В смыслѣ нѣкотораго предисловія, я должен предупредить, что отнюдь не намѣреваюсь дать исчерпывающій доклад о русской литературѣ.

Это невозможно для меня и невозможно вообще.

Для меня, потому что плохой или хорошей, большой или малый, но я не историк литературы, а писатель, и сфера моя — не историко-критическія изслѣдованія, а художественное творчество.

А вообще невозможно, потому что русская литература так огромна и многоцвѣтна, что всякая попытка в одном докладѣ, хотя бы приблизительно, хотя бы по самым выдающимся произведеніям прослѣдить все ея могучее теченіе, была бы заранѣе обречена на неудачу.

Вѣдь уже много лѣтъ десятки тонких знатоков литературы заняты изученіем творчества одного только Пушкина, и, однако, никак нельзя сказать, чтобы эта задача была близка к своему разрѣшенію, чтобы творчество Пушкина могло быть, наконец, опредѣлено одной точной и ясной формулой.

А вѣдь за Пушкиным стоят такіе гиганты, как Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевскій и множество других — больших художников, тонких психологов и глубоких мыслителей, из которых каждый мог бы составить славу цѣлаго народа.

Ограничиться перечисленіем имен и заглавій, в сопровожденіи, так называемых, „кратких характеристик“, изобрѣтенных учителями словесности для гимназистов пятаго класса, было бы просто кошунственно.

А поэтому, не возлагая на себя никаких обязательств я хочу лишь хоть отчасти выразить тѣ мысли и чувства, которыя возникают во мнѣ при самом звукѣ заветных для меня слов **Великая Русская Литература.**

*) „За Свободу!“ № 149 от 9 іюня 1925 г.

1.

Понятіе національной культуры обнимаєт всѣ достиженія творческаго генія даннаго народа. Но среди этих достижений самое показательное мѣсто занимает именно литература, ибо она есть выявленіе самаго духа народнаго.

Только духовно великій народ может создать великую литературу, а слѣдовательно самый фактъ существованія такой литературы уже неопровержимо свидѣтельствует о духовной мощи народа.

Бывает так, что в силу тѣх или иных причин народ не в состояніи выявить весь свой творческій геній. И внѣшнія, и внутреннія условія его бытія могут поставить его в такое положеніе, что и самый одаренный народ окажется бѣдным, отсталым, даже просто невѣжественным.

Но если это духовно великій народ, то, будучи отсталым, внѣшне некультурным, он все же создаст свою великую литературу.

Ибо мысль человѣческая свободна и „Дух ходит, гдѣ хочет“!—как сказано в Писаніи.

Лишенный возможности облечь свое творчество в культурныя формы, народ выявит силу и глубину своего генія в былинах, сказках и пѣснях.

Все это оправдалось на судьбѣ русскаго народа.

2.

Находясь на рубежѣ Европы и Азіи, Россія, в теченіи многих вѣков, служила ареной для борьбы двух міров, двух могучих культур.

По великой русской равнинѣ, с востока на запад и с запада на восток, непрерывно передвигались то дикія орды азіатских кочевников, то закованныя в сталь дружины европейцев. На русской землѣ онѣ сталкивались в смертельной схваткѣ, заливая ее кровью и покрывая развалинами.

Кстати, не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь очень поэтическую легенду, которую я слышал только один раз в жизни, и которая, насколько мнѣ извѣстно, никогда и никѣм не была записана.

Вот что гласит эта легенда:

— Нѣкогда Европа и Азія были двумя великими, могучими царствами, неустанно боровшимися между собою за первенство. Безконечныя, раззорительныя войны не прекращались между ними, но ни та, ни другая сторона не могли одолѣть. И, наконец, собрав дотолѣ не виданныя силы, онѣ рѣшили вступить в послѣдній бой, чтобы или пасть или

побѣдить. Семь лѣтъ бились несмѣтные дружины, не уступая друг другу ни пяди земли, сражаясь на трупах павших бойцов. Все выше и выше росла гряда кровавых тѣл, все меньше и меньше оставалось бойцов, и только тогда кончился страшный бой, когда погиб послѣдній воин. Не выдержали безумнаго напряженія и разрушились оба царства, а на мѣстѣ страшнаго побоища осталась гряда мертвых тѣл. Время высушило их, превратило в прах, и стал на мѣстѣ том высокій горный хребт. Кости павших бойцов превратились в скалы, из мечей и щитов образовалась желѣзная и мѣдная руда, от украшеній их панцырей и шоломов пошли золото, серебро и платина. А пролитыя на том мѣстѣ слезы, пот и кровь превратились в драгоценные камни: из капель крови—красные рубины, из капель пота—зеленые изумруды, из капель слез—прозрачные алмазы... Так образовался Уральскій горный хребт, навсегда отдѣлившій Европу от Азіи.

Такова легенда. Она не имѣет прямого отношенія к моей темѣ, но самое возникновеніе такой легенды говорит о том, какая страшная борьба, с незапамятных времен, шла между востоком и западом.

Чтобы не быть раздавленным этими громадами, русскій народ был обречен на вѣковую, беспощадную борьбу. Не раз вражескія силы подступали к самому сердцу его, не раз униженный и поработанный он лежал под копытами коней побѣдителя. И хотя, в концѣ концов, не только отстоялъ свою независимость, не только далеко отбросил и запад, и восток, перейдя в наступленіе и покорив себѣ многие царства и народы, но все же это страшное напряженіе не могло не отразиться тяжко на его судьбѣ.

Не было у него времени для мирнаго культурнаго строительства, и к началу новой русской исторіи, зачатой гением Петра, русскій народ оказался на двѣсти лѣтъ позади всѣх других европейских народов.

Но еще вся Россія была одной бездорожной пустыней, еще в древней Москвѣ сидѣлъ восточный деспот в тяжкой Мономаховой шапкѣ, еще рыскали повсюду волчьи стаи и разбойничьи шайки, а уже вся русская земля, как одна великая струна, звучала чарующими мелодіями русской пѣсни и громовым сказом народных былин.

В этих пѣснях нашли выраженіе безконечная удаль и безкрайная тоска по лучшей долѣ, в этих сказаніях отразился богатырскій дух народа, который все преодолѣет, всему противостоит.

3.

Ненавидящіе Россію часто ставят нам в укор, что русское государство создано насиліем, грабежом и захватом.

Это правда, и мы не будем отрицать этого, нисколько не стыдясь, ибо в тѣ желѣзные времена и не было иного пути для образованія государства.

Но, покоряя страны и народы, подчиняя их своей волѣ, русскій народ не только захватывал их земли и грабил их богатства.

Нѣтъ, он жадно пил от источников их творчества, впитывая в свою душу всю поэзію запада и востока, юга и сѣвера, претворяя их силою своего генія и вплетая, как самоцвѣтные камни, в свою, всѣми цвѣтами радуги играющую, корону.

В границах великаго государства, расширившагося от Бѣлаго до Чернаго морей и от дальняго востока до срединной Европы, звучали сотни языков и нарѣчій.

Чутким ухом прислушивался к ним русскій народ, безыонечно обогащая, развивая и углубляя свой великій русскій язык.

Есть на свѣтѣ языки болѣе красивые, болѣе мелодичные, но нѣтъ ни одного, столь богатаго оттѣнками, столь гибкаго в передачѣ мысли и чувства, как русскій язык.

Именно этим богатством нашего языка об'ясняется то, что, с одной стороны, многіе перлы русской поэзіи почти безнадежно недоступны пониманію иностранцев, а с другой— во всей міровой литературѣ нѣтъ ни одного художественнаго произведенія, которое не могло бы быть перевоплощено в русское слово.

Это дает нам завидную возможность свободно пить из всѣх источников мірового творчества, безгранично расширяя свой кругозор, освобождаясь от косной національной замкнутости.

4.

Принято, и не без основанія, конечно, думать, что цензурный гнет, под которым задыхалась русская литература во времена самодержавія, задерживал ея естественное развитіе.

Как сказать.. Жизнь так устроена, что слабые погибают даже от слишком большаго благополучія, а сильные все, даже несчастіе, претворяют, в концѣ концов, себѣ на пользу.

...Как тяжкій млат,

Дробя стекло, кует булат!

Европейская литература давно освободилась от тѣх оков, которыя литература русская влачила до самаго послѣдняго времени.

Но зато европейская литература также давно утратила пафос борьбы, превратилась в художественную роскошь, в предмет умственной забавы.

Сдѣлавшись самоцѣлью, она перенесла всю тяжесть своей задачи с содержанія на форму и оттого очень скоро стала просто художественным ремеслом.

Тяжелыя же условія русской жизни вообще, а литературной в особенности, наложили на нашу литературу суровый подвижническій отпечаток.

Русскій писатель не мог позволить себѣ роскошь беззаботнаго, чисто художественнаго творчества. На нем крѣпко лежал священный обѣтъ — быть выразителем гнѣва и скорби народных. К нему пред'являлось требованіе быть не только мастером слова, но и пѣвцом народных стремленій, учителем и пророком.

Казалось бы, при таких требованіях, русская литература, как художественное творчество, должна была замереть, превратившись в сухую проповѣдь.

Но этого не случилось. Напротив, суровость требованій, та нравственная высота, на которую в представленіи народном была вознесена литература, как учительство и пророчество, заставили русских писателей относиться к своему искусству, как к подвигу, ища таких форм и выраженій, которыя бы соотвѣтствовали всей святости их служенія.

Там, гдѣ художники заботятся только о формѣ, там очень скоро является нарочитость в исканіях. Там новыя формы выискиваются не потому, что старыя уже не могут вмѣстить новаго, расширеннаго и углубленнаго содержанія, а потому, что рынок художественной роскоши требует новаго товара.

Так писатели становятся лишь ювелирами слова, а их исканія превращаются в бессмысленную погоню за модой и новизной.

Ибо новизна есть единственное оправданіе для искусства, превратившагося в забаву.

Но там, гдѣ форма служит лишь орудіем для достиженія иных, высших, цѣлей, там она измѣняется и рождается естественно и свято, в молитвенном экстазѣ, становясь глупою, могучей, мудрой и прекрасной, как слово правды.

5.

Если бы понадобилось найти эпитафию ко всей русской литературѣ, то ничего лучшаго нельзя было бы придумать, как слова самаго русскаго из русских писателей — Льва Толстого:

— Единственный герой мой, котораго люблю всей душой, который был, есть и всегда будет прекрасен — правда!

Ибо русскую литературу создал русский народ, а для русскаго народа исканіе правды составляет основную и характернѣйшую черту.

Народы, замкнувшіеся в узкія національныя границы, всё свои страданія, всё неустройства своей жизни склонны объяснять несовершенством своих законов, недостатками своего права.

Но на необъятном просторѣ своей земли русскій народ имѣлъ возможность наблюдать всё формы, всё законы, всё уклады жизни, и он видѣлъ, что всё они одинаково полны страданій и неправды.

Оттого родилась в нем страстная жажда какой то высшей, настоящей, все примиряющей правды. Эту правду — правду Божию на землѣ — он поставил выше всёхъ человѣческихъ законов, выше п р а в а и не случайно первый русскій свод законов назывался именно так:

— Русская Правда.

Исканіемъ этой правды полна вся жизнь русскаго народа, и этим же исканіемъ проникнута вся его литература.

Исканіемъ правды, какъ закона высшей справедливости, и исканіемъ правды, какъ настоящей, неприкрашенной, неумолимой правды о самой жизни.

Правды о человѣкѣ, о его сложной и темной душѣ, похожей на таинственный сказочный сад, гдѣ вмѣстѣ растут и прекрасные нѣжные цвѣты, и страшные грибы, напоенные ядом.

Правда о мужчинѣ и женщинѣ, о злѣ и добрѣ, о ненависти и любви, о радостяхъ бытія и мукахъ смерти.

Всякую ложь, всякую фальшь в изображеніи жизни русская литература осуждаетъ безъ снисхожденія, и нѣтъ в мірѣ болѣе правдивой литературы, чѣмъ русская.

Она не только правдива, но она и безстрашно правдива!

Она не останавливается передъ самой ужасной, самой безобразной истиной, она не боится никакихъ бездн и проваловъ человѣческой души, она опускается на самое дно человѣческой жизни. Она не знаетъ благочестиваго обмана и ее не прельщаетъ ложь о вѣчно торжествующей добродѣтели и вѣчно наказанномъ порокѣ.

А громадность и могущество Россіи приучило насъ не бояться никого и ничего, а потому мы не боимся и самой страшной правды — правды о самихъ себѣ.

С такимъ же гнѣвомъ и с такой же скорбью русская литература бичуетъ недостатки и пороки своего собственнаго народа, какъ и всякую ложь.

Для нея дѣйствительно нѣтъ ни эллина, ни іудея, нѣтъ ни русскаго, ни чужестранца. Есть только правда и ложь, есть красота и безобразіе.

И русская литература является воистину мировой литературой в полном смыслѣ этого слова, ибо она живет общечеловѣческими идеалами, единой, всеоб'емлющей, всечеловѣческой любовью.

6.

С тѣх пор, как гений Пушкина закрѣпил переход русской литературы к общекультурным формам, она стала расти со сказочной быстротой и втеченіи второй половины 19-го столѣтія безспорно занимала первое мѣсто в ряду мировых литератур.

Знаю, что если эти мои слова дойдут до ушей европейцев, гордых своей внѣшней культурностью и с презрительной жалостью смотрящих на кошмар русской современности, то они будут весьма шокированы.

Тѣм болѣе, что невѣжество этих самых „культурных“ европейцев, по отношенію к Россіи и всему русскому, поистинѣ, поразительно.

Но это так и есть. Величавыя тѣни Шекспиров, Скоттов и Дантов, которыми гордится Европа, давно уже отошли в невозвратное прошлое, а на мировом горизонтѣ поднялись колоссальные силуэты Толстого и Достоевскаго.

Нѣтъ им равных в современной мировой литературѣ. Эти два гиганта все подавили вокруг себя и вліяніе их на общечеловѣческую душу неизмѣримо огромно. Их узнали и признали весь мір, как явленіе исключительнаго значенія.

Но вѣдь Толстой и Достоевскій не были одинокими пирамидами, возвышающимися в пустынь. Это лишь высшія достиженія, высочайшія вершины в том великом, едином горном массивѣ, который называется русской литературой.

Их гений есть русскій гений и отголоски этого гения звучат в каждой русской душѣ.

7.

Но вот, с тѣх пор, как Россія, одержимая падучей большевизма, стала угрозой всему міру, в Европѣ самое существованіе русской культуры поставлено под знаком отрицанія.

С извѣстной точки зрѣнія это вполне естественно. Если Россія могла пасть до большевизма, то очевидно, что или она не имѣла никакой культуры, или в самой ея культурѣ были зачатки большевицкаго варварства.

А так как литература является показателем всякой культуры, то отрицаніе русской культуры связано в предствленіи европейцев и с отрицаніем русской литературы.

Ее обвиняют нынѣ в том, что она то и была колыбелью большевицких идей, что она сама подготовила пришествіе Ленина.

Но в этом сказывается лишь глубокое непониманіе не только духа русской литературы, но и истинной природы большевизма.

Мнѣ придется остановиться на этом вопросѣ нѣсколько подольше.

В сущности говоря, до сих пор еще не существует точнаго опредѣленія, что такое большевизм.

Для одних — это просто шайка международных разбойников, захвативших власть и творящих разбойничье дѣло террора и грабежа. Для других — это бунт дикаго народа, специфически русское явленіе, невозможное ни в какой другой странѣ, кромѣ варварской Россіи.

Послѣднее, быть может, и вѣрно! В том смыслѣ вѣрно, что только при невѣжествѣ русских народных масс большевизм мог принять тѣ дикія формы, которыя он принял в Россіи.

Но это нисколько не опредѣляет того, что есть большевизм по своему духовному существу.

А для того, чтобы имѣть право поставить большевизм в причинную связь с русской литературой, необходимо прежде всего опредѣлить его духовную сущность и доказать, что эта идея родилась именно в русской литературѣ.

Доказать же это невозможно, ибо это не так.

Оставив в сторонѣ и кучку политических авантюристов, захвативших власть в Россіи, и тѣ безобразныя формы, которыя приняла русская революція, возьмем лишь остов этого явленія, тот идейный стержень, вокруг котораго вертятся и люди, и событія. Этот стержень — социалистическая идея всеобщаго матеріальнаго равенства, которая претендует стать на смѣну идеям христіанскаго братства.

Заповѣдь Христа гласила:

— Ищите прежде всего Царства Божія, а все остальное приложится вам!

Соціализм принес человѣчеству заповѣдь новую:

— Ищите всего остального, а Царство Божіе — рай на землѣ — наступит сам собою!

Эта заповѣдь, при попыткѣ немедленнаго претворенія ее в жизнь, неминуемо, логически должна вылиться в знаменитую Ленинскую формулу:

— Грабь награбленное, а награбив — раздѣли!

Но гдѣ же могла родиться самая идея матеріальнаго равенства?

Достаточно безпристрастным взглядом окинуть современный мір, чтобы отвѣтить на этот вопрос вполне опредѣленно.

Вѣдь необходимой предпосылкой осуществленія соціалистическихъ идей является наличность высокой культуры, механизмирующей жизнь и уничтожающей значеніе само-довлѣющей личности — этого естественнаго и непримири-маго врага всякаго равенства, основаннаго не на духовномъ братствѣ.

И вот, мы видим, с одной стороны—Россію, с ея зем-ледѣльческимъ народомъ, индивидуалистомъ по самому харак-теру своего труда, с ея культурной отсталостью, с ея огром-ными окраинными пустырями, населенными и впрямь на-стоящими дикарями. С другой стороны — перед нами Евро-па, высококультурная Европа, с ея чудесной индустріей, с ея міровыми рынками, с ея желѣзными государственными организаціями, с ея обезличеннымъ и безчисленнымъ проле-таріатомъ.

Отвѣтъ совершенно ясен. Он неоспорим.

Идея переустройства міра на началахъ матеріальнаго равенства родилась на Западѣ.

Это не случайность, что люди, принесшіе в Россію пы-лающій факелъ соціальной революціи, хотя до извѣстной степени и могут называться русскими, но в дѣйстви-тельности являются продуктомъ глубоко не русскаго, европейскаго идейнаго воспитанія.

Они не знают, не понимают и не любят Россіи, их идейный багажъ слишкомъ явно носит на себѣ клеймо не русскаго производства.

Соціализмъ, марксизмъ, коммунизмъ, классъ, интернаціоналъ и т. д. — все это не русскія слова, но и не русскія понятія.

Для огромнаго большинства русскаго народа и эти сло-ва, и эти понятія до сих пор, несмотря на всѣ усилія боль-шевиковъ, остаются чужды и непонятны.

Русскій народъ принялъ ихъ, какъ неподготовленный орга-низмъ принимаетъ ядъ, и результатомъ было острое отравленіе, безобразное и ужасное разрушеніе всего государственнаго организма.

В томъ, что самобытный, здоровый народъ пахарей и скотсводовъ оказался лишеннымъ способности сопротивляться дѣйствию этого яда, повинна та же Европа.

Европа, которая в своей непримиримой борьбѣ за мі-ровую гегемонію и міровые рынки вовлекла Россію в не-бывалую войну — войну механизированныхъ массъ и чудо-вищной техники.

В этомъ столкновеніи закованныхъ в сталь и бетон ги-гантовъ цивилизаціи голый и босый русскій великан потер-пѣлъ, и не могъ не потерпѣть, страшное пораженіе.

Большевики налетѣли на него, какъ мухи налетаютъ на кровоточащее израненное тѣло и, перенеся на него личин-ки ядовитыхъ чуждыхъ идей, вызвали в немъ гнойный процессъ.

И именно то, что этот процесс оказался так ужасен, показывает то, что привитый яд попал на совершенно неподготовленный организм.

8.

Возвращаясь к русской литературѣ, мы не можем не признать того, что она была глубоко чужда идеям матеріальнаго равенства.

Конечно, нельзя отрицать, что в русской литературѣ, върнѣе — в русской журналистикѣ, могли быть и были самыя разнообразныя теченія. Были среди них и такія, которыя вливались в русскую жизнь уже совершенно отравленными чужими западными идеями.

Но не в этих отдѣльных теченіях, мелких и поверхностных, выявляется русская литература. Ея основами и вершинами были не бойкіе журналисты, перепиравшіе на русскій язык Марксов и Энгельсов, а тѣ писатели-художники, которые являются истинными выразителями подлинно русскаго міросозерцанія.

Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Некрасов, Толстой, Достоевскій, Чехов... Вот русская литература, ибо вся остальная масса болѣе или менѣе талантливых писателей есть лишь болѣе или менѣе яркое отраженіе их генія.

Я опять таки отказываюсь от бесплодной попытки охарактеризовать творчество каждаго из этих гигантов в отдѣльности. Но для всякаго, кто знаком с русской литературой не только по наслышкѣ, совершенно ясно, что это были носители величайшей гуманности, глубокаго состраданія, жалости и любви не к абстрактному челоувѣчеству, а к подлинному, живому, страдающему челоувѣку.

От Гоголевской „Шинели“ и до Чеховскаго „Вишневаго сада“ во всей русской литературѣ настойчиво и страстно звучит один припѣв:

— „А челоувѣка то и забыли!“

И если эпиграфом к русской литературѣ я предложил слова Толстого о правдѣ, то нельзя глубже выразить внутреннее идейное содержаніе русской литературы, как словами другаго ея гиганта, Достоевскаго, который сказал, что за единую слезку замученнаго ребенка он готов отдать все будуще блаженство!

Послѣ безстрашной правдивости, самая отличительная черта русской литературы есть ея глубокая челоувѣчность. Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся, униженные и оскорбленные, и я успокою вас! — как бы говорит русская литература, выставляя на знамени своем великое:

— Все понять—все простить!

В самых низинах человеческого падения и грѣха рускіе писатели искали искру Божию и страстно возглашали непоколебимую вѣру в человѣка.

Им было ненавистно, им было омерзительно всякое надругательство над человѣком, и исторія русской литературы есть исторія борьбы со всяким проявленіем насилія.

9.

Именно в этой ненависти ко всяческому насилію, в проповѣди духовной свободы для человѣка, торжествующіе иностранцы нынѣ стараются усмотрѣть дух анархіи и бунта.

Но в том то и заблужденіе их, что вѣчное они мѣряют временным, пред'являя к литературѣ требованіе служить моменту и ближайшим политическим цѣлям.

Да, конечно, проповѣдь свободы и отрицаніе всякаго, а в том числѣ и государственнаго, насилія могли быть использованы в самых демократических цѣлях.

И, конечно, если бы русская литература поставила себѣ цѣлю служеніе интересам общественной безопасности даннаго момента, то она должна была бы от многаго отказаться.

Но истинная литература не может стоять на точкѣ зрѣнія „маленькой пользы“ сегоднешняго дня. Перед нею открыты вѣчные горизонты.

Через провалы и бездны соціальной борьбы она ведет, она должна вести человѣчество в сіяющія дали идеала.

Пусть эти дали—только вѣчный мираж. Пусть золотое будущее—свободное и счастливое — никогда не наступит, и человѣчество всегда будет брести по колѣно в крови и грязи.

Но без надежды достичь золотых берегов этого кроваваго болота жить вообще невозможно.

И если когда нибудь, (кто знает, в концѣ концов!) человѣчество придет к своей цѣли, создав жизнь красивую, разумную и свободную, русская литература окажется оправданной, ибо она всегда и неизмѣнно твердила о разумѣ и свободѣ.

10.

Но тут возникает послѣдній и страшный вопрос:

— О чем говорю я—о том, что было, или о том, что есть?

Существует-ли теперь та великая русская литература, которою мы так гордимся, или это только наше невозвратное прошлое?

Возстанет-ли русскій народ для творческой работы, или для него все кончено, и он—

Создал пѣсню, подобную стону,
И навѣки духовно почил!

Как русскій писатель и притом писатель изгнанник, я должен отвѣтить на этот вопрос.

Много толков и много споров идет сейчас о той литературѣ русской, которую мы, эмигранты, называем „подсовѣтской“.

Одни начисто ее отрицают, другіе превозносят ее, как новое слово. третьи видят в ней неотрывное продолженіе все той же великой литературы Пушкиных, Достоевских и Толстых.

Для одних—подсовѣтскіе писатели суть творцы новаго слова, для других—гады смердящіе.

Я скажу, что для меня—они ни то и ни другое.

Я не нахожу никаких признаков, по которым можно было бы предположить, что русская литература уже до войны и революціи сказала свое послѣднее слово и стала жертвой внутренняго разложенія.

Правда, еще до войны в Россіи появились так называемые футуристы—явленіе безобразное и антихудожественное — внесшіе в русскую литературу приемы западнаго литературнаго ремесленничества, с его погоней за новизною во что бы то ни стало.

Они же внесли бессмысленное, отвратительное „словотворчество“, искажающее наш великій русскій язык до неузнаваемости, до того, что даже мы, русскіе, не могли их понимать.

Вряд ли они и сами себя понимали!

Со стороны можно было бы усмотрѣть в этом явленіи именно признаки разложенія. На самом же дѣлѣ футуризм был наносным явленіем. Никакого успѣха, кромѣ успѣха скандала, он в Россіи не имѣл и был бы обречен на незамѣтное умираніе, если бы, в своих расчетах, большевики не поддержали и не поддерживали его.

Это входило в их программу разложенія всего русскаго. Для них футуристы играли роль нѣкоей литературной „живой церкви“, подобно той церковной сектѣ, которую они использовали в цѣлях разложенія православной религіи.

Основное же теченіе русской литературы ровно, спокойно и могуче шло своим путем.

Правда, в послѣдніе годы у нас уже не было титанов, подобных Толстому и Достоевскому, но имена Чехова, Леонида Андреева, Куприна, Мережковскаго, Бунина и многих других говорят достаточно громко о том, что русская литература остается тѣм же, чѣм и была — великой національной литературой.

А если не было признаков естественнаго разложенія, если не было сказано послѣднее слово, то нѣтъ и никакого права говорить о концѣ русской литературы.

Она не умерла. Она только смята и придавлена налетѣвшей грозой страшной соціальной катастрофы.

Русскіе писатели дѣлятся сейчас на два лагеря: эмигрантов и подсовѣтскую литературу.

Эмигранты оторваны от родной почвы и это не может не сказаться на их творествѣ. Подсовѣтскіе писатели находятся под страшным гнетом, их рты зажаты, крылья связаны.

Но внимательно вчитываясь в их изуродованныя подневольныя писанія я, как старый русскій писатель, должен свидѣтельствовать, что среди них имѣется очень много, даже чрезвычайно много, больших и красивых талантов.

Как всегда бывает послѣ больших катастрофических потрясеній, оживляющих, точно грозовой дождь, застывшую на покоѣ жизнь, война и революція выдвинули цѣлый ряд талантливых художников.

И я с глубокой скорбью думаю о том, какая это была бы блестящая новая плеяда, если бы наша революція была удачной, если бы она не закончилась этой страшной, удушающей большевицкой реакціей.

И для меня совершенно ясно, что русская земля не обезплодѣла, что русская литература жива, что если сейчас ея живой источник почти высох на чужбинѣ и чуть пробивается под обломками русской катастрофы внутри Россіи, то это явленіе только временное.

Вернемся мы, старики, в родное русло, очистится оно от большевицкаго мусора и грязи, и живая струя снова ударит сверкающим фонтаном, снова потечет свободной, широкой, могучей рѣкой.

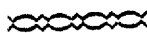
От прикосновенія к родной землѣ новыя силы обрѣтут старики, отбросит лицемѣріе и страх новая молодежь, и снова воскреснет великая русская литература.

Нам, эмигрантам, нужно только беречь свой великій русскій язык и твердо помнить то, что я сказал вначалѣ:

Только великій народ может создать великую литературу, и самый факт созданія ея свидѣтельствует о духовной мощи народа.

Великая русская литература существует, а слѣдовательно существует и великій русскій народ.

На его долю выпали великія испытанія, но богатырскій народ все преодолѣет и всему противостоит.

ДВА ПИСЬМА*).

1.

„Высокоуважаемый Михаил Петрович, ваш отвѣтъ на мое „открытое письмо“ (Записки Писателя „Сем вопросов и один отвѣтъ“) не только меня не удовлетворил, но и оставил неприятный осадок. Прежде всего, и это — главное, политическая газета, обслуживающая интересы зарубежной Россіи, по моему мнѣнію, всячески должна стремиться, путем обмѣна мнѣній и „настроеній“ со своими читателями, к дѣйствительному разрѣшенію больших вопросов, прибѣгая к самому широкому анализу, к освѣщенію всей жизни эмиграціи и, в частности, ея „внутренней“ жизни, тѣсно связанной с принципами как политическаго, так и идейнаго характера. Ваш отвѣтъ на мои семь вопросов не разрѣшил моих сомнѣній... Меня мало волнует, что вы не помѣстили „открытаго письма“ цѣликом, но меня обидѣло и, пожалуй, оскорбило, что вы пренебрегли главным, существенным — мотивами моего обращенія к вам, как к члену редакціонной коллегіи „За Свободу!“. Простите за откровенность, но это так!.. Извѣстно, что исторія отмѣчает исключительный патриотическій подъем той или другой націи в момент ея побѣд и подвигов, так почему же не отмѣтить „на радость побѣдителей“ и дѣйствительную катастрофу націи в момент ея пораженія, вызваннаго искусственной прививкой большевицких бацилл невѣжественной массѣ? Подчеркиваю „искусственной“, т. к. не секрет, что б. Россія служила грозным пугалом и для „дѣтей старшаго возраста“ и для тѣх, кто упорно старался вывести ее из политическаго равновѣсія. Пораженіе так или иначе случилось, и русская эмиграція — трофеи „великих завоеваній культурной Европы“. Создавшаяся обстановка, конечно, никак не может удовлетворить мыслящую русскую интеллигенцію, поэтому она и стучится в разныя двери (в частности и в ред. „За Свободу!“), чтобы выйти на простор, для разумнаго

*) „За Свободу!“ № 142 от 24 Іюня 1926 г.

своего существованія, а не оставаться в положеніи медленнаго самосгорания или разложенія, в видѣ пресловутой „воблы"... Страницы періодической печати удѣляют большое вниманіе судебным отчетам из криминальной хроники... почему же не дать мѣсто и тѣм, кто с помощью, хотя бы „открытых писем", стремится приобщить себя к общечеловѣческой жизни?... Кабинетные отвѣты на жгучіе вопросы не могут удовлетворить тѣх, кто на фронтѣ, да и теперь годами видѣл смерть перед своими глазами. Ваш ироническій, не лишенный сарказма, „литературный" выпад по адресу Иванова 7-го, или ваше предложеніе помѣстить в газетах об'явленіе — „сбѣжала надежда бѣлой масти" — звучат неестественно, тѣм болѣе, что вы сами пишете: „мы переживаем момент неоспоримо трагической". Представителям прессы, ставшим в авангардѣ противобольшевицкаго движенія и которым, в свое время, искренно довѣрилась сегодняшняя зарубежная Россія, думается, не слѣдует прикрываться фиговым листком изрѣченій легкаго удѣльнаго вѣса. В своем открытом письмѣ я только хотѣл предложить вам найти реальные пути для раскрѣпощенія громаднойшей арміи эмигрантов, еще и понынѣ находящихся под гипнозом или „логических умозаключеній", или утопических разсужденій на банальную тему „о паденіи большевиков", которое, как мираж, исчезает перед глазами, по мѣрѣ приближенія. Отвѣчая на мой первый вопрос, вы пишете:

„Эмиграція, в большинствѣ своем, представляет из себя отработанный пар. Ожидать от нея каких либо активных выступленій не приходится"... Что же остается дѣлать?... Отвѣтъ седьмой гласит: „отношеніе к европейской политикѣ может быть только одно — глубокое презрѣніе к моральному паденію послѣвоенной Европы и борьба с ним всѣми доступными средствами, начиная с печати и кончая личным вліяніем на окружающую среду"... „Абстрактность" такого отвѣта меня не удовлетворила. Кому теперь нужно наше глубокое презрѣніе, когда мы сами принадлежим к категоріи „призрѣваемых"?.. Далеко неравныя силы и с этим мы должны считаться. Вы пишете: „настоящіе люди погибают, но не сдаются, а вобла — она вобла и есть". Да, так, с этим я больше, чѣм согласен. Когда то, прогуливаясь по берегам Волги, я видал и воблу, и тѣх „настоящих людей", которые, позѣвывая, ее сторожили. Часто, на глазах этих людей, вобла разлагалась, отравляя воздух. „Люди" же эти только почесывали затылки и утѣшали себя тѣм, что вобла товар скоропортящійся... Не эта ли картина наблюдается теперь среди многих, упорно старающихся сохранить свои довоенныя позиціи?... А вѣдь пока это продолжается, пожар в Россіи сметает с лица земли и воблу, и настоящих людей!.. Сравнительно недавно я получил письмо из сов.

Россіи, автор котораго, инженер, пишет: „политикой я не занимаюсь, это должно быть удѣлом только власть имущих, иначе будет полная распушенность. Каждый должен призывать законы, т. к. всѣ они преслѣдуют не дезорганизацію, а организацію жизни"... И невольно напрашивается злободневный вопрос: кого мы должны болѣе презирать — европейскую политику или самих себя, допустивших свой народ до полного развала и нравственнаго убожества? Мнѣ думается, нам, зарубежной интеллигенціи, пора уже разрѣшать вопросы не по кабинетному, а с точки зрѣнія реальной политики. Об этом я писал в своем открытом письмѣ, которое, повидимому, по „техническим соображеніям" и не появилось полностью в печати. Беру на себя дерзость надѣяться, что на этот раз и т. д.

П. Крачкович.

2.

„Глубокоуважаемый Михаил Петрович, вы отказались работать в обществѣ „разлагающейся верхушки". Кто же от этого пострадает — „верхушка" или я, вобла, часть вашей родины?.. Я пострадаю!.. Пострадают и тѣ, кто отдал всѣ силы свои за дѣло, за которое ратуете и вы, и „верхушка". Кому вы уступили свое мѣсто, кто замѣнит вас?.. Прочтите и мое письмо. Одним больше, одним меньше, для вас это теперь безразлично.

Россійская завируха дала всѣм нам широкую возможность сдѣлать полную и почти точную переоцѣнку всѣх „дѣнностей", вплоть до „невѣсомых", которыя не котируются ни на одной биржѣ. И никто не дѣлает эту переоцѣнку так безпристрастно и исчерпывающе, как вы, который один только громко признал „крах" всего и вся... Но не всѣ живут духом спекуляціи, воровства, беззаконія. Не всѣ заражены животной алчностью и классовой ненавистью. В одной части общества — крах всего святого, до цинизма открытая, полная и непоправимая деморализація, но другая часть опредѣленно тоскует по забытым идеалам и ищет выхода из зараженной атмосферы. Первая все раздѣнчивает „по курсу дня", вторая вездѣ и повсюду уже ищет вождей, которые вывели бы ее из гнилой трясины. А отсюда и то великое множество полуграмотных и грамотных писем, которыя вы, к вашему сожалѣнію, не можете печатать, чтобы не превратить газету в почтовый ящик. И здѣсь начинается взаимное непониманіе. Авторам писем, этой толпѣ, вобла (называйте, как хотите) дѣйствительно не приходит в голову, что их письма неинтересны и вниманія не заслуживают. А потому масса начинает говорить раздражительно-требовательно... Для меня лично, а я — часть массы, эти факты

служат ярким показателем того, в каком состояніи находится вобла, что ее мучает, что не дает ей жить. И как с ножем к горлу толпа напирает, спрашивая: „что же нам дѣлать, куда идти дальше?“... Вы спрашиваете: „когда вы покидали свою родину, чего вы ожидали? Кто и что вам обѣщал, кто нас звал сюда? Никто и ничего“... Если это относится не к воблѣ, не к толпѣ, а к избранным, вождям и устроителям, то это вѣрно. Это „элемент сознательный“ и даже болѣе того. Эти большіе люди за малым исключеніем, опредѣленно знали, что покидают родину только ради спасенія своего живота и своих серебрянных ложек. Кто-то, а вы это теперь хорошо уяснили себѣ!... Толпа же, масса, только теперь просыпающаяся, совсѣм дѣло иное. Она не спасала свои животы и ложки. Ее не только звали, ей не только обѣщали, но ей просто приказывали идти, и она шла, как стадо за своими пастухами. Так было, есть и будет всегда!... Если вам, давно провозгласившему банкротство всего цивилизованнаго міра, тяжело окончательно с этим согласиться, то как же нам, толпѣ, нам, привыкшим вѣрить своим вождям?.. Кто из нас мог раньше осмѣлиться подумать, что это не вожди, не учителя жизни, а просто мерзость без всякой цѣнности, блестящая мишура?.. Вѣдь все это были мужи науки, мысли, чести... Не толпа, а они взялись творить и их за это боготворили, их носили на руках, им писали послѣ смерти пышные некрологи, а при жизни они катались, как сыр в маслѣ... И даже здѣсь, за рубежом, потому что толпа им еще вѣрит, потому что они снова захватили и свои и чужія серебрянныя ложки, эти люди с атрофированным чувством чести, снова вскарабкались на командующія высоты и по сей день что то такое лопочут, возбуждая, что они все еще кѣм-то и чѣм-то руководят!.. Глупцы, прошли их дни. Им осталось только подавиться от проклятій замученных, всѣх тѣх, кого они взялись вести и привели к гибели... И только теперь, заведенная в тупик ничегонедѣланія и медленнаго умиранія толпа начинает понимать, как преступно с нею поступили вожди. Только теперь она увидѣла, какими „цѣнностями“ набиты ея бывшіе кумиры. „Верхушка“ разлагается, умирает духовно. Надежды на возрожденіе нѣтъ никакой, и толпа, видя это, начинает бить тревогу, ставя свои „семь вопросов“ и тут же оговариваясь, что в этом нѣтъ ни большевизма, ни возвращенства. Просыпающаяся вобла только потому, что услышала, наконец, запах разложенія на „верхушкѣ“, желает еще раз и уже окончательно убѣдиться. Она пишет вам полуграмотныя письма?... Вобла идет к тому, кому она вѣрит и кто сам, вращаясь среди „верхушки“, должен слышать запах разложенія сильнѣе. Но вы отвѣтили не сразу и толпа заговорила раздраженно-требовательно даже с вами, которая

то она любит и которому вѣрит. И вы признали фактъ разложенія „верхушки“, сказав: дѣлайте, что вамъ угодно!.. Прямо и откровенно, что и требовалось.

Если бы наши вожди сказали намъ это раньше, если бы они честно признались в своемъ банкротствѣ, то не было бы и никакихъ вопросовъ. Вобла, понявъ, что ей надѣяться не на кого, кромѣ, какъ на самое себя, принялась бы сама спасать и себя, и то, что ей цѣнно и дорого. Теперь вобла знает... Намъ тяжело, намъ трудно, мы не хотимъ безцѣльно гибнуть!—кричитъ она. Это хорошій признакъ — показатель пробужденія. Но что же намъ, всетаки, дѣлать? Разлагаться „по курсу дня“, утѣшаться тѣмъ, что „верхушка“ сгнила, потерять все святое и „невѣсомое“, отказаться отъ родины ради своего благополучія, отказаться отъ всего, за что было пролито столько крови, за что погибли лучшіе изъ насъ?.. Никогда! Ивановы 7-е, разсѣянные по шахтамъ, по легионамъ, пассивные теперь именно благодаря своему разсѣянію, отсутствію средствъ и возможности работать, рано или поздно выйдутъ изъ этого тупика. Вобла перестанетъ хныкать, вобла вообще скоро перестанетъ быть воблой. Она найдетъ своего вождя и сама примется строить. И первымъ дѣломъ ея будетъ — убрать зловонный очагъ заразы на „верхушкѣ“... Я в это вѣрю, я это знаю!..

Кап. Майборода.

3.

Прежде чѣмъ высказаться по поводу этихъ писемъ, я хочу обратить вниманіе читателя на одно обстоятельство, которое, очевидно, ускользаетъ отъ многихъ моихъ корреспондентовъ.

Просматривая эмигрантскія газеты, можно прийти къ заключенію, что всѣ онѣ издаются для самообразованія своихъ собственныхъ сотрудниковъ, не вызывая никакого отклика в читательской массѣ.

На самомъ дѣлѣ, это, конечно, не такъ. Каждая газета имѣетъ свой кругъ читателей и каждый маломальски талантливый журналистъ, затрагивающій большіе вопросы эмигрантской жизни, получаетъ много писемъ отъ своихъ читателей.

Дѣло только в томъ, что большинство признанныхъ журналистовъ относится къ читателю „с высоты своего величія“ и считаетъ ниже своего достоинства отвѣчать тѣмъ, кто не имѣетъ ни литературнаго, ни политическаго имени.

Тамъ спорятъ только „равные съ равными“. Милюковъ полемизируетъ со Струве, Керенскій съ Пѣшехоновымъ. Однимъ словомъ, Юнгфрау перекликается съ Монбланомъ.

„Гремятъ народныя витіи, кипитъ словесная война, а тамъ, во глубинѣ“ читательской долины, тамъ должны почтительно внимать спору боговъ и набираться ума разума.

Ну, и что же... читатель к этому привык. Почтительно
внимает он богам, и ему и в голову не приходит обижать-
ся за то, что его не удостоивают отвѣта с вершин Олимпа.

Очевидно, мои „собратья по перу“ хорошо знают пси-
хологию своего читателя.

А вот я, едва ли не единственный из „признанных“,
придаю огромное значеніе живому общенію с читателем,
часто помѣщаю его письма, спорю с ним, доказываю, убѣж-
даю.

И стоит мнѣ хоть раз не отвѣтить, как читатель уже
в претензіи, уже у него в душѣ „непріятный осадок“, уже
он начинает говорить раздраженно-требовательным тоном
и подозрѣвает какія-то ехидныя „техническія обстоятель-
ства“ с моей стороны.

Вот она—человѣческая природа!

4.

Я выбрал эти два письма, из числа многих на ту же
тему, не потому, чтобы мысли авторов были особенно но-
вы. Но онѣ являются довольно ярким отраженіем тѣх на-
строений, которыя, происходя из одного источника—разоча-
рованія в возможности активной борьбы с большевиками,
раздѣляют теперь русскую эмиграцію на два течения.

И г. Крачкевич и кап. Майборода — разочарованные.
Но в то время, как первый полон унылой безнадежности,
второй еще пытается сохранить душевную бодрость.

Он всетаки еще во что то вѣрит, на что то надѣется.

5.

Письмо г. Крачкевича (раз уже пошло на „откровен-
ности“) наводит на меня жестокое уныніе.

Я охотно вѣрю, что он не возвращенец, но если бы
это письмо было написано даже и самым настоящим пѣше-
хоновцем, оно не могло бы быть болѣе возвращенческим.

Письмо это вообще смутно и производит впечатлѣніе
какой то недоговоренности, начиная с этого загадочнаго
намёка „на то, чего не вѣдает никто“ — настойчиваго под-
черкиванія того обстоятельства, что г. Крачкевич обращал-
ся ко мнѣ, как к члену редакціонной коллегіи.

Почему „сіе важно во первых“, я не знаю. Но должно
быть, в этом есть что то очень стыдное, потому что г. Крач-
кевич считает нужным извиниться: „простите за откровен-
ность, но это так!“

Значит ли это, что если бы я не был членом редак-
ціи, то г. Крачкевич со мной и разговаривать не стал
бы? Или упоминать о том, что я — член редак- ции

так неудобно, что это можно сдѣлать только в минуту отчаянной откровенности?

Неизвѣстно!

На всякій случай, замѣчу, что мое участіе в ред. коллегіи настолько „откровенно“, что об этом печатается в заголовкѣ газеты, а „Записки Писателя“ есть мои собственныя записки, за которыя редак. коллегія несет лишь самую общую отвѣтственность.

Впрочем, это мелочь.

6.

Смутно все письмо г. Крачковича.

Чего он хочет, чего добивается?

Я отвѣтил на поставленные им „семь вопросов“. Отвѣтил совершенно серьезно, и в моих отвѣтахъ нѣтъ ничего ни „литературнаго“, ни „кабинетнаго“, ни „легковѣснаго“.

А тѣмъ паче нѣтъ никакого „фиговаго листочка“.

Все это показалось г. Крачковичу только потому, что мой отвѣтъ не совпадаетъ с его собственнымъ настроеніемъ.

Настроеніе же это весьма печально. Г. Крачкович рѣшительно пал духомъ.

Пусть самъ онъ о себѣ другого мнѣнія и нынѣ, как и прежде, готов смотрѣть в глаза смерти, но горе в томъ, что онъ уже не знаетъ, за что умирать.

Когда ему говорятъ, что умирать можно и за свое собственное человѣческое достоинство и прочія „невѣсомыя цѣнности“, существующія совершенно независимо отъ „неравенства силъ“, — это его не удовлетворяетъ, это кажется ему „абстрактнымъ“.

В томъ то и дѣло, что умирать ему вовсе не хочется, и онъ хочетъ найти что то такое, что избавило бы его отъ этой непріятной необходимости.

И посмотрите, какъ настойчиво ведетъ онъ меня к одному, логически неизбѣжному, выводу.

Неизбѣжному, конечно, с его точки зрѣнія...

Онъ категорически опровергаетъ всякую ссылку на какія либо цѣнности духовнаго порядка и требуетъ только „реального“.

Онъ совершенно правильно опредѣляетъ трагизмъ нашего положенія, болѣе или менѣе правильно анализируетъ причины, которыя насъ в это положеніе поставили.

Но к чему же это, в концѣ концовъ ведетъ?

Что положеніе невыносимо тяжело, что конца большевицкой власти еще не видно, что эмиграція не ведетъ активной борьбы, — это все вѣрно и притомъ настолько очевидно, что кричать об этомъ можно только развѣ, дѣйствительно, „на радость побѣдителю“, т. е. большевикамъ.

Но радовать большевиков „есть тьма охотников, я не из их числа“.

Если я подчас и отмѣчаю то или иное отрицательное явление в средѣ эмиграціи, то дѣлаю это вовсе не на радость врагам, а для того, чтобы вызвать самодѣятельность эмигрантской массы, подвинуть ее на борьбу с засильем „разложившейся головки“, оберечь, по мѣрѣ сил, от растлѣвающего вліянія смѣновѣховской и возвращенской пропаганды.

Удается ли это мнѣ или нѣтъ — это вопрос иной. Но такова моя цѣль, я этого хочу и добиваюсь.

7.

Чего же добивается г. Крачкевич?

Почему ему так хочется, чтобы мы признали „катастрофу націи“? Неужели же, в самом дѣлѣ, только на радость побѣдителю?

Вот, кап. Майборода свидѣтельствует, что я „давно провозгласил банкротство всего цивилизованнаго міра“ и произвел переоцѣнку всѣх эмигрантских „цѣнностей“ так „безпристрастно и исчерпывающе“, как никто.

А г. Крачкевичу и этого мало! Он требует не переоцѣнки, а полного отказа.

Ему нужно, чтобы я признал паденіе большевиков „миражем“ и самую мысль об этом — „банальной“.

И, как гробовой крышкой, пытается прихлопнуть всѣ надежды „признаніем“ Европы.

Ибо, мол, если вся Европа признала большевиков то...

То — что?

Г. Крачкевич не говорит — что. Он меня об этом спрашивает и спрашивает с таким загадочным видом, как будто сам он знает и знает, что я знаю, но сказать не хочет, желая меня самого довести до какого то признанія.

И что бы я ему ни отвѣтил, он презрительно пожмет плечами и скажет:

— Нѣтъ, это все не то! Это все литературщина, фигурный листок.

Он требует чего то „реального“.

Чего же? Похода на Москву во главѣ редакціонной коллегіи „За Свободу!“, верхом на редакціонном розсыльном? Объявленія войны Европѣ? Террора, наконец?

Г. Крачкевич загадочно молчит.

И начинает казаться, что г. Крачкевич потому так и смутен, потому так и неопредѣленен и чего то не договаривает, что договорить уж очень тяжело.

Недаром же он употребляет такой термин, как „ре-

альная политика“, который имѣет свой опредѣленный и весьма специфическій смысл.

Из тѣх положеній, которыя так настойчиво старается внушить мнѣ г. Крачекевич, логическій вывод только один: отказ от непримиримости, соглашеніе с большевиками, возвращеніе в сов. Россію!

При условіи отказа от всѣх „невѣсомых цѣнностей“ иного вывода и быть не может.

Но этого послѣдняго вывода г. Крачекевич не дѣлает. Он меня желает заставить его сдѣлать.

8.

Но вѣдь это же совершенно безнадежное дѣло!

Никогда я не пойду ни на какое соглашеніе с палачами моего народа, даже и в том случаѣ, если бы им и в самом дѣлѣ удалось возстановить экономическое положеніе... СССР.

Большевики настолько чужды мнѣ духовно, что жизнь, ими налаженная, для меня навсегда останется чуждой.

А при этом условіи мнѣ и сама-то Россія не нужна!

Ибо мнѣ нужна именно Россія, а не СССР — не только по вывѣскѣ, но и по всему своему внутреннему укладу мнѣ отвратительный.

Это первое. А второе — то, что я совсѣм не так безнадежно смотрю на будущее, как смотрит г. Крачекевич.

Колесо исторіи может повернуться в любой момент. Оно и теперь медленно, но вѣрно поворачивается. Медленно — для жизни отдѣльнаго человѣка, довольно скоро — для жизни цѣлаго народа.

Разница между тѣм, что было два-три года тому назад и что есть теперь — огромна. Большевики сдают свои позиціи одну за другой, упорно задерживаясь только на одной — у власти.

Но власть террористическая может существовать только до тѣх пор, пока подавлена всякая свобода. Пока она подавлена, я в Россію не вернусь, а когда там будет свобода, падет и большевицкая власть.

И надо же до такой степени извѣриться в русском народѣ, чтобы повѣрить, будто он уже навсегда смирился.

Вѣдь не зря же мы говорим, что русскій народ — великій народ? Если это правда, то каким же образом можно допустить, что этот народ так и останется рабом?

Ну, а если он способен на это, то ну его к чорту такой народ!

Хотя бы он и трижды три раза назывался „русским“. Для меня и Россія и русскій народ не фетиши неприкосновенные. Они дороги мнѣ постольку, поскольку близки моей душѣ, поскольку я вѣрю в них.

А если перестану вѣрить, то на что же они мнѣ?

И если допустить, что положеніе дѣйствительно безнадежное, Россіи нам больше не видать и мы обречены погибнуть на чужбинѣ, так что же?

Я предпочту погибнуть с мечтой о Россіи, которая жива в моей душѣ, но совѣтской дѣйствительности всетаки не приемлю.

Ибо если бы я это сдѣлал, то все равно скоро погиб бы, задохнувшись от отвращенія.

Послѣднее со мной чуть было уже и не случилось.

9.

Быть может, письмо кап. Майбороды покажется г. Крачкевичу не только „литературным“, но даже и просто наивным, но для меня оно приѣмлемѣе во сто крат.

И мнѣ ему возражать нечего. Он сам за меня возражает г. Крачкевичу. Возражает самым своим настроеніем бодрой непримиримости, столь противоположной безнадежному унынію г. Крачкевича.

Поэтому я сдѣлаю к письму кап. Майбороды только нѣсколько примѣчаній.

И первое то, что мѣста своего я никому не уступал и не уступлю.

Только мѣсто мое, как показал печальный опыт, не среди „разлагающейся верхушки“. Там мнѣ дѣлать нечего, потому что там комитеты, секціи, группы, программы, республиканизм, монархизм, резолюціи и об'единенія, ведущія к окончательному раздѣленію эмиграціи.

С этими группами, с этими живыми трупами мнѣ дѣлать нечего. Я еще не умер.

Единственное живое дѣло, в созданіи котораго я принимал участіе и о котором болит моя душа — это Комиссія Помощи.

Но для того, чтобы ее поддерживать, вовсе не нужно званіе вице-предсѣдателя.

Второе — это то, что кап. Майборода не поколебал моего отвѣта относительно того, что „воблу“ никто сюда не звал и никто ей ничего не обѣщал.

Вѣдь рѣчь идет не об обѣщаніи новаго похода в сов. Россію. Исполненіе этого обѣщанія не зависит от воли „вождей“.

Никто не обѣщал нам, что мы не погибнем на чужбинѣ.

Да, „воблѣ“, то есть ея военной части, приказывали.

Но приказ этот она исполняла не сослѣпу, не сдуру, а потому, что приказ соответствовал ея собственному чувству, ея собственному настроенію.

Кап. Майборода лучше меня знает, что в то время дисциплина была уже настолько слаба, что о слѣпом повиновеніи нельзя было и говорить.

Знает он также, что слишком многіе приказу не повиновались, отчего и погибла Россія.

И остатки русской бѣлой арміи, покидая родину, руководились, конечно, не приказом и не обѣщаніем награды.

Они не могли примириться с тѣм, что надвигалось с сѣвера и ушли, с надеждой вернуться с оружием в руках.

Надежда обманула? Может быть.

Обманули „вожди“?

Но что из этого слѣдует? Неужели же кап. Майборода хочет сказать, что если бы русская армія разувѣрилась в своих вождях еще тогда, то она осталась бы в сов. Россіи и перекрасилась бы в красный цвѣтъ?

Конечно, нѣтъ. Вѣдь он же сам говорит—никогда!

Очевидно здѣсь простое недоразумѣніе — слѣдствие естественнаго озлобленія против „вождей“.

Их грѣхи, дѣйствительно, велики. Но они не в „приказѣ“, а в том, что они сами, первые же, этого приказа и не выполняют.

10.

И, наконец, третье.

Раз и навсегда нужно понять, что пресловутое „презрѣніе к воблѣ“ мнѣ совершенно чуждо, хотя это словечко я сам и выдумал.

Все дѣло в том, что у каждого своя манера воздействовать на людей. Я не умѣю и не хочу деликатничать и считаю, что в нашем положеніи не до парламентских преній.

Я кричу, язвлю, бранюсь, но дѣлаю это совершенно сознательно, чтобы вызвать протест и возмущеніе.

Ибо там, гдѣ есть возмущеніе, там нѣтъ неподвижности, нѣтъ разложенія.

В сущности говоря, почему я не ужился с „верхушкой“? Да потому, что я сам не „верхушка“, а та же самая „вобла“, только болѣе сильная, не желающая покорно гнить и бьющая хвостом направо и налево, вверх и вниз.

Нѣкоторые говорят, что я груб и злобен.

Это неправда. Я не груб, а рѣзок; я не злобен, а озлоблен до скорби.

Рѣзок я потому, что в нашем положеніи нужна самая рѣзкая, самая беспощадная правда. Озлоблен потому, что... нужно ли говорить почему?

Родина погибает, миллионы живых людей гибнут, а кругом борьба партій, политическія интриги, программность, мѣстничество, предательство и ни капли живого непосредственнаго человѣческаго чувства.

Я не политик, не дипломат, не партійный дѣятель, я просто живой человѣкъ, который кричит от тоски и боли.

Моя задача—говорить то, что я думаю и что чувствую, толкая и будя ту „воблу“, которая уже начинает „засыпать“.

Ругают ли меня, хвалят ли, благословляют или проклинают, тянут ли к третейскому суду—это все равно.

Важно то, что я, как камень, падающій в стоячее болото, вызываю на его поверхности круги, в глубинѣ—движеніе.

Чѣм шире, чѣм глубже—тѣм значительнѣе будет моя роль.

Ибо—это движеніе, а движеніе—это жизнь.

CIV.

РЕНЕГАТЫ*)

1.

За послѣднее время „Руль” специализировался на „видных спецах” и раскаявшихся коммунистах. То и дѣло на страницах этой газеты появляется жирный анонс, гласящій, что „завтра будет напечатана...”

Началось это с пресловутаго Бадьяна. За Бадьяном послѣдовал „старый друг”. За „другом” — какой то „торгпредчик”. За ним — раскаявшійся коммунист-писатель Ярославскій.

Теперь наступила очередь цѣлаго „краснаго генерала”.

Помилуй Бог, до чего дойдет?!... Того и гляди, что в одно прекрасное утро читатели „Руля” получают „бесѣду с раскаявшейся муміей Ленина”.

Почему у всѣх этих господ появилась такая жгучая потребность исповѣдываться на груди почтеннаго редактора „Руля” — кто их знает!

Но во всяком случаѣ, всѣ эти „исповѣди” болѣе или менѣе интересны.

Конечно, цѣнность их, как достовѣрных свидѣтельств о совѣтской дѣйствительности, весьма относительна. Но как „человѣческіе документы” исповѣди эти очень любопытны.

И в особенности — именно исповѣди спецов.

Каждый из них на свой лад старается увѣрить нас, что хотя они и служат большевикам вѣрой и правдой, под красным знаменем III-го интернаціонала, но на самом дѣлѣ, не покладая рук, работают во славу и величіе Россіи!

Очевидно, что в то время, когда павшіе духом эмигранты начинают думать, что царствію большевиков не будет конца, такой увѣренности у красных спецов не имѣется.

2.

Очередная „Бесѣда с красным генералом” особенно любопытна.

*) „За Свободу!” № 269 от 21 ноября 1926 г.

Вѣдь это один из тѣх, кто продѣлал сложный и грязный путь „от двуглаваго орла к красному знамени“.

„В прошлом — командир одного из столичных полков, в молодости — блестящій гвардейскій моншер, а позднѣе — генеральнаго штаба офицер, перешедшій на совѣтскую службу „одним из первых“, он своими знаніями и боевым опытом помог Троцкому арміи, а нынѣ занимает видный пост в арміи красной.

А вѣдь вопрос об отношеніи эмиграціи к красной арміи вообще, и вот к таким ренегатам в частности, стоит очень остро.

В глубинѣ души, конечно, никто не сомнѣвается в том, что если красная армія и может стать когда нибудь національной русской арміей, то таковой она еще никак называться не может, ибо армія опредѣляется знаменем, под которым она сражается.

Средневѣковые ландскнехты могли быть швейцарцами, нѣмцами, англичанами или французами, но никто не считал их швейцарской, нѣмецкой, англійской или французской арміей, когда они выступали под австрійскими или итальянскими знаменами.

И, уж конечно, никто не питает к бывшим царским генералам, перешедшим на службу к Троцкому, ничего, кромѣ презрѣнія.

Но по соображеніям „реальной политики“, многіе не только проповѣдуют, что красная армія есть „всетаки, русская армія“, не только готовы амнистировать всѣх ренегатов в будущем, но и тщательно подыскивают им оправданіе в настоящем.

И любопытно то, что оправданія, придуманныя этим ренегатам здѣсь, за рубежом, совершенно совпадают с тѣми, которыми они сами пытаются прикрыть позор своей измѣны.

3.

„Почему я не бѣжал? Почему я не бѣгу теперь?“ спрашивает красный генерал и отвѣчает:

„Русскіе офицеры, не бѣжавшіе, остались, чтобы создать армію — аполитичный боевой инструмент, ибо в переживаемую эпоху вооруженнаго мира никакая держава не может существовать без арміи. Это была наша основная точка зрѣнія, которая нас внѣшне рѣзко отдѣляла от руководителей бѣлаго движенія. Внутренно же мы стремились к одному и тому же: к величію Россіи!“

Можно только удивляться, на каких идиотов рассчитывает красный генерал, гордя эту несосвѣтиму чепуху. Только совершеннѣйшій наглец или окончательно запутавшійся человек способен напелсти такую дрянъ.

Здѣсь что ни слово, то перл!

Вспомните, что рѣчь идет даже не о настоящем времени, а о том прошлом, когда не только в Россіи кипѣла гражданская война, но и во всей Европѣ еще не была закончена свирѣпѣйшая бойня.

О какой же эпохѣ вооруженнаго мира говорит красный генерал?

Неужели он был так дальновиден, что готовил армию к тому времени (которое и до сих пор еще не наступило), когда уляжется мировая буря, когда воскреснет Русская держава, когда снова наступит состояніе вооруженнаго мира?

Какая поразительная предусмотрительность!

Но если даже допустить, что это и так, то не проще ли было ему и его товарищам по ренегатству вмѣсто того, чтобы помогать Троцкому уничтожить остатки русской армии, примкнуть к ней и ей помочь уничтожить Троцкого?

Казалось бы так... Но вѣдь именно для того, чтобы затушевать такую простую истину и понадобилось красному генералу это дикое утверждение, будто „основная точка зрѣнія“, о необходимости имѣть армию в эпоху вооруженнаго мира, отдѣляла, и притом рѣзко, красных генералов от бѣлых!

Выходит, изволите ли видѣть, так, что эти ренегаты считали необходимым для величія Россіи имѣть армию, а Корниловы и Деникины полагали, что армія Россіи не нужна.

И чувствуя, что противопоставленіе себя и своих товарищей героической памяти вождей бѣлых армій звучит уж слишком необѣдительно, ренегат пытается опереться на массу.

Он увѣряет, что на сторонѣ большевиков осталось „90 процентов“ офицерства и называет их „не бѣжавшими“.

Относительно 90 процентов, это, конечно, если не ложь, то передержка.

Трудно указать точное процентное отношеніе между оставшимися в предѣлах большевицкой власти и сражавшимися в бѣлых арміях. Но во всяком случаѣ послѣдних было много болѣе, чѣм 10 процентов.

Это раз. Второе — это то, что из оставшихся в предѣлах досягаемости большевиков огромное большинство не только не раздѣляло „основной точки зрѣнія“, не только

не перешло на службу к большевикам, но и прилагало всё усилия, чтобы избѣжать принудительных регистрацій и мобилизацій. За это множество из них погибло лютой смертью, тысячи были разстрѣляны, тысячи умерли с голоду.

Многие и до сих пор, скрывая свое званіе, ведут антибольшевицкую работу в глубинѣ Россіи, о чем говорят постоянные процессы и разстрѣлы, не прекращающіеся и донинѣ.

Сколько же нужно имѣть наглости, чтобы всѣх их объединять в одно цѣлое, служащее большевикам, и от их лица говорить — „мы“!

И, наконец, еще одно: термин „бѣжавшіе“, в примѣненіи к офицерам, сражавшимся в рядах бѣлых армій и даже покинувшим предѣлы Россіи, совершенно невѣрен и нарочит.

Эти офицеры никуда не „бѣжали“. Они шли под знамена Корнилова, Деникина, Колчака и других руководителей бѣлаго движенія, со страшным трудом и смертельной опасностью пробираясь к ним из мѣст, занятых большевиками. Это не было бѣгством.

Для того, чтобы это можно было назвать бѣгством, нужно доказать, во-первых, что знамена Корнилова и др. развѣвались не на русской землѣ, что Россія была только там, гдѣ царили большевики, а во-вторых, что, уйдя в бѣлую армію, эти офицеры избавлялись от опасности. Вѣдь „бѣгут“ только туда, гдѣ опасности нѣт.

Разумѣется, что ни того ни другого доказать невозможно. Десятки тысяч кровавых могил, в центрѣ которых высятся могилы Корнилова и Колчака, и нынѣ — на русской землѣ.

В Россіи и за Россію погибли эти русскіе офицеры.

А тѣ из них, которые в концѣ концов даже и были вынуждены покинуть родину, силой были сброшены в море и ушли, а не бѣжали, с горячей вѣрой, что они вернуться назад.

Суждено ли им это, сохранят ли они эту вѣру до конца, я не знаю. Но так было, так есть.

4.

И напрасно красный ренегат надѣется этой грубой ложью, этими шулерскими передержками и клеветой на погибших героев увѣрить и себя и нас, что „суд исторіи к нам, офицерам, перешедшим на совѣтскую службу, окажется болѣе снисходительным, чѣм современники“.

Напротив, у современников — „реальная политика“, у современников исконное російское благодущіе, готовое

„все понять, все простить“. Исторія же безстрастна и опредѣляет „коемуждо по дѣлам его“.

Мы можем амнистировать, мы можем просто забыть, мы можем ради ближайшей цѣли сдѣлать вид, что забыли и простили. Но исторія вынесет точный приговор: что бы ни случилось далѣе, к чему бы все это ни привело, но в тот момент, когда люди переходили из под русскаго знамени под красную тряпку интернационала, они совершали и совершили подлый грѣх измѣны.

И для того, чтобы смыть с себя грязно-красное пятно позора, им понадобится много заслужить перед своей несчастной, однажды ими преданной родиной.

И они сами это знают. Недаром же красный генерал, послѣ всѣх этих праздно-лукавых словоизверженій, вдруг кончает искренним, чисто человѣческим, отчаянным воплем:

„Вообще же таких вопросов „почему вы не бѣжите“ старым офицерам, оставшимся на совѣтской службѣ, никогда не задавайте. *Вѣдь таким вопросом вы рѣжете по живому мѣсту!*“

Этим все сказано, с этого нужно было начать.

5.

А я мог бы на этом и кончить, ибо все остальное в „бесѣдѣ с красным генералом“ касается уже внутренняго положенія сов. в Россіи.

Эта часть „бесѣды“ тоже интересна, но уже в другом смыслѣ, и к ней я вернусь в другой статьѣ.

Теперь же мнѣ хочется отмѣтить еще одну черточку, имѣющую отношеніе именно к вопросу о судѣ современников и ярко обрисовывающую нашу российскую благодушность, дающую ренегатам гораздо больше шансов быть оправданными в нашем судѣ, чѣм на судѣ исторіи.

„Я пріѣхал сюда, — говорит красный генерал, — чтобы повидать сынка... Сын учится. Он корниловец сто первой пробы. Девять лѣтъ уже как не видѣлись!“

Итак, сын — корниловец сто первой пробы, носитель „бѣлой мечты“, один из тѣх, кто в невѣроятных страданіях, с героическим мужеством защищал свою родину, потерял ее и очутился изгнанником на чужбинѣ.

Отец — красный генерал, то есть один из тѣх, кто своими знаніями и опытом дал возможность большевикам в кровь затоптать и родину, и эту самую „бѣлую мечту“.

Вѣдь не фельдшер же Сорокин, не вахмистр Буденный и не пьяныя банды дезертиров сбросили в море остатки героической бѣлой арміи.

Это сдѣлали именно вот эти ренегаты.

Вспомните слова, сказанныя финляндским генералом Маннергеймом делегаціи красныхъ офицеровъ, сначала перешедшихъ на совѣтскую службу, а затѣмъ не выдержавшихъ и прибѣжавшихъ къ финнамъ просить помощи противъ большевиковъ.

— Противъ кого вы просите помощи, — приблизительно такъ сказалъ Маннергеймъ — вѣдь если бы вы сами не организовали красную армію, если бы ее не снабжали, то она черезъ двѣ недѣли распалась бы, такъ какъ эти банды даже прокормить себя не сумѣли бы!

И, ужъ конечно, не сумѣли бы съ боемъ пройти отъ Москвы до Севастополя и Владивостока.

Да что Маннергеймъ, когда самъ же красный генералъ имѣетъ наглость съ похвальбой разсказывать, какъ онъ и его товарищи ренегаты, только отстранивъ портившихъ все дѣло большевицкихъ комиссаровъ, разбили Юденича и отстояли Петербургъ (нынѣ—Ленинград!) для большевиковъ.

Значит, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, кто разбилъ бѣлую армію и кто затопталъ въ кровь „бѣлую мечту“.

Конечно, это случилось не столько благодаря ихъ воинскому искусству, сколько превосходству силъ и народной смутѣ. Но это все равно.

Всетаки, имъ много обязана Россія въ своемъ позорѣ и несчастіи. Имъ же много обязанъ своими нравственными и физическими муками „корниловецъ сто первой пробы“.

Итакъ, отецъ — красный генералъ, сынъ — корниловецъ. Такъ что же — смертельные враги?

Да, конечно, но это, такъ сказать, въ отвлеченности, въ идеѣ, въ историческомъ масштабѣ. Ну, а въ жизни — отецъ и сынъ.

При встрѣчѣ яро спорятъ, но и нѣжно лобызаются. Папаша, изволите ли видѣть, даже спеціально пріѣхалъ повидать сына.

Значит, зналъ же заранѣе, что не выстрѣломъ изъ револьвера встрѣтитъ его сынъ, корниловецъ „сто первой пробы“.

Можетъ быть, по человѣчеству, это и очень даже трогательно. Но всетаки... какъ то невольно вспоминаешь тѣхъ большевиковъ фанатиковъ, которые разстрѣливали собственныхъ отцовъ буржуевъ и братьевъ бѣлогвардейцевъ.

Это звѣрство?

Да, звѣрство. На это способенъ только или настоящій звѣрь „безъ разума и чувства“, или безумный фанатикъ, дошедшій до озвѣрнія.

Настоящій человѣкъ отца не разстрѣляетъ, но... и лобызаться съ нимъ не станетъ. Онъ отъ суда надъ отцомъ откажется.

Право сіе и всѣ законы мудро предусматриваютъ.

— Я тебѣ не судья, но и ты мнѣ больше не отец, ибо у тебя на руках святая для меня кровь!

Но куда уж нам до такой суровости!

Тут — отец, там — „старый друг“, а там и просто хороший знакомый...

Ренегат? Может быть, чекист? Палач?

Ну, это, так сказать, на идеологической почвѣ. А в частной жизни — просто Иван Иванович.

„Девять лѣт не видались!“

— Аа!!.. Сколько лѣт, сколько зим!..

Чмок!

Тьфу, слякоть, прости Господи!

Нѣт, суда современников им бояться нечего!

Да они это и сами знают. Потому так безбоязненно и лѣзут к нам со своими откровенностями.

ФАТАЛЬНОЕ*).

1.

Что большевики прекрасно сознают опасность обна-
ружившагося в партіи раскола, это совершенно ясно из
всѣх их резолюцій и постановлений.

Но если бы они даже и не сознавали этого, то опас-
ность раскола, конечно, растолковала бы им наша эмигрант-
ская печать, совершенно не скрывающая своего злорад-
ства и тѣх надежд, которыя мы возлагаем именно на этот
раскол.

И я думаю, что у многих читателей эмигрантских газет
возникает сомнѣніе в правильности нашей линіи поведе-
нія. Не ошибка ли это — заранѣе пугать большевицких
оппозиціонеров и давать оружіе в руки тѣх большевицких
главарей, которые сознают опасность и „радость бѣлогвар-
дейской прессы” используют именно, как предостереженіе
своим зарвавшимся товарищам.

А вдруг, ввиду столь опредѣленно указываемой опас-
ности, большевики сумѣют преодолѣть свои внутреннія
разногласія и личными интересами пожертвуют для спасе-
нія всей партіи?

Опасеніе, как будто бы, совершенно законное, но
только — на первый и весьма поверхностный взгляд.

Для того, чтобы отвѣтить на этот вопрос (и отвѣтить
отрицательно!), нужно, прежде всего, отдать себѣ отчет
в том, каковы причины той внутренней распри, которая раз-
дирает нѣкогда монолитную и спаянную желѣзной дисципли-
ной партію.

2.

Большевики со всѣх сторон окружены врагами, и даже
не врагами, а враждебной стихіей.

*) „За Свободу!” № 178 от 6 августа 1926 г.

Совершенно очевидно, что, несмотря ни на какія „признанія“, весь мір ждет паденія совѣтской власти, так как самый фактъ существованія совѣтскаго государственнаго ублюдка нарушает ход всей міровой жизни.

Не может быть никакого сомнѣнія и в том, что огромное большинство населенія всѣх совѣтских „республик“ ненавидит большевиков.

Ненавидит независимо от того, пріемлем ли для них совѣтскій строй вообще или не пріемлем.

Ибо от сотворенія міра ведется так, что во всѣх несчастіях и нуждах своих народ винит свое правительство.

Народы никогда не признают, что „всякій народ заслуживает своего правительства“!

А так как положеніе совѣтскаго населенія, поистинѣ, тяжело, с какой стороны его ни возьми, то естественно, что большевицкое правительство является об'ектом всеобщей ненависти.

Большевики же прекрасно знают, что такое „русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный“. Они видѣли его послѣдствія собственными глазами и отдают себѣ полный отчет в том, какая участь ожидает их в случаѣ утраты власти.

Товарищи по преступленіям, они должны быть и товарищами по несчастію, то есть, по той трагической расплатѣ, которая ожидает их всѣх равно.

При таких условіях, казалось бы, большевики не должны были бы даже и помышлять о каких-либо столкновеніях внутри партіи, а между тѣм, они ненавидят друг друга и борются между собою.

Очевидно, что их толкают к гибели причины внутренняго характера, которыя сильнѣе здраваго разума и даже животнаго инстинкта самосохраненія

3.

Увы, если бы люди вообще были способны жертвовать своими личными интересами впользу общаго блага, то вся исторія человѣчества была бы иной, и на землѣ уже давно воцарился бы рай.

В том то и дѣло, что к этому никогда не были способны даже лучшіе из людей, и уж, конечно, не кучкѣ негодяев, движимых алчностью, властолюбіем и личным честолюбіем, проявить то, к чему тщетно призывали человѣчество всѣ вожди и пророки всѣх вѣремен и народов.

И притом сознаніе общей опасности является связующим звеном только до извѣстнаго предѣла.

В концѣ концов, это сознание приводит к тому, что в создавшемся положеніи каждый винит всѣх других, полагая, что если бы ЕГО слушали, если бы по ЕГО плану дѣйствовали, то все было бы прекрасно.

Именно это и происходит среди большевиков.

Разумѣется, всякій революціонный пафос уже давно изсяк у этих ожирѣвших, развратившихся, обожравшихся властью и всѣми связанными с нею благами честолюбивцев и корыстолюбцев.

Быт может, в нѣдрах большевицкой партіи еще гдѣ нибудь сохранились два-три коммунистических „праведника“, которые до конца останутся вѣрными „завѣтам Ильича“. Быть может, таких безкорыстных фанатиков идеи можно еще отыскать среди зеленой коммунистической молодежи.

Но для остальных, упреки в нарушеніи „завѣтов“ и марксистских догматов являются только демагогическими средствами для дискредитированія своих противников и привлеченія на свою сторону симпатіи масс.

На самом же дѣлѣ сущность спора между „сталинцами“ и „оппозиціей“ заключается только в том, что и тѣ, и другіе обвиняют друг друга в создавшемся катастрофическом положеніи.

4.

Если бы „геніальный эксперимент“ не провалился столь блестяще и притом — дважды, сначала на „прямом пути к социализму“, а потом и на обходных путях НЭПа, то не было бы и никакого спора.

Но нѣсколько лѣт тому назад, проповѣдая необходимость „передышки“ и отхода „на заранѣе приготовленные позиціи“ НЭПа, Ленин жестоко упрекал вѣрных военному коммунизму товарищей в „дѣтской болѣзни лѣвизны“ и этой болѣзни приписывал всѣ свои неудачи.

Теперь роли перемѣнились: сторонники военного коммунизма во всем винят „нэпачей“.

Для каждаго, кто стоял в сторонѣ и безстрастно наблюдал совершенно одинаковое крушеніе как военного коммунизма, так и НЭП'а, совершенно ясно, что оба пути ведут в пропасть и что для спасенія нужен какой-то третій путь.

Но для большевиков никакого третьяго пути нѣт, ибо третій и единственно вѣрный путь состоит в сдачѣ ими власти.

А сдача власти равнозначаща для них смертному приговору.

Поэтому им не остается ничего иного, как метаться в той западнѣ, в которую они сами себя поймали, и, конечно, обвинять в этом друг друга.

5.

Положеніе катастрофически осложняется тѣм, что, как я уже сказал, большевицкими главарями двигают корыстолюбіе, властолюбіе и честолюбіе.

Благодаря этому, мысль о том, что власть могла бы быть спасена только при условіи, что именно ЕГО послушают, совокупляется в умѣ cadaго из главарей с той тайной мыслью, что тогда именно ОН был бы у власти, именно ЕМУ принадлежали бы самые жирные куски, именно ОН был бы спасителем „соціалистическаго” отечества.

Единеніе может быть достигнуто только цѣной отказа от власти, путем смиренія одних перед другими, а при таких условіях оно для большевиков невозможно.

Между прочим, в извѣстных кругах, отравленных всепоглощающим антисемитизмом, существует мнѣніе, что так как большинство большевицких главарей принадлежит к „избранному народу”, который проявляет удивительную сплоченность вездѣ, гдѣ рѣчь идет о взаимной выгодѣ, то большевики, в концѣ концов, сговорятся.

Но господа антисемиты совершенно забывают, во-первых, о том, что каков бы ни был процент евреев коммунистов, но все же большевицкая банда состоит не только из евреев, по истинѣ, являясь сборищем международной сволочи.

Во-вторых,—представленіе о еврейской сплоченности перед лицом общей опасности—весьма и весьма преувеличено. Было же нѣкогда и еврейское царство, которому со всѣх сторон угрожали смертельные враги, и царство это пало, как и всякое другое.

Люди всегда люди, какими бы носами и ушами они ни обладали, и на каком бы языкѣ ни говорили.

Дѣло, конечно, не в евреях, а именно в том, что большевики — это международная банда мерзавцев и авантюристов.

Каждая нація дала в эту шайку своих представителей и притом представителей отборных, воплощающих в себѣ самыя отрицательныя свойства своей націи.

6.

А главным образом, если говорить о матеріальной выгодѣ, то она-то, как раз, и не является взаимной для всѣх большевиков.

Внутренняя склока началась именно потому, что положение СССР стало бѣдственным.

Большевики, конечно, кричат о международном заговѣ и о всеобщем покушеніи на СССР. Но мы-то знаем прекрасно, что ни о каких заговорах в настоящее время нѣтъ и рѣчи, и что с внѣшней стороны СССР находится в полнѣйшей безопасности.

Бѣдственность положенія СССР заключается ни в чем ином, как в полном раззореніи самой страны.

И в этом корень всѣх большевицких бѣд.

Пока большевики грабили богатую страну, пока они дѣлили почти неисчерпаемое наслѣдство царской Россіи, фунтами и пудами расхищая золото и брилліанты, они могли еще кое-как дѣлиться без драки.

Их властолюбіе и их честолюбіе сдерживались обаяніем Ленина, власть котораго не осмѣливался оспаривать никто, кромѣ развѣ Троцкаго. Но Троцкій был одинок и потому безсилен.

Послѣ смерти Ленина эти страсти немедленно пробудились, но их сдержала желѣзная рука Дзержинскаго.

Теперь, когда нѣтъ и Дзержинскаго, всѣ узы развязаны.

А почва для самых яростных столкновеній оказалась приуготовленной вполне тѣм обстоятельством, что все разграблено, что все наслѣдство царской Россіи, как свидѣтельствовавал сам Дзержинскій незадолго до своей смерти, „прожито цѣликом“, и дѣлеж добычи принялся, по необходимости, характер рвачества.

Несомнѣнно, что главным застрѣльщиком оппозиціи и первым виновником раскола является Зиновьев, а сдѣлался он им потому и именно тогда, когда катастрофическое финансовое положеніе заставило других большевиков, к касѣ коминтерна не причастных, заговорить о сокращеніи „зиновьевскаго бюджета“.

7.

Конечно, главари большевиков достаточно награбили каждый на свой пай. У всѣх у них запасено на черный день столько, что при окончательном подсчетѣ любой из них может конкурировать с Фордом:

Но горе в том, что так награбили только главари.

Уже большевики второго сорта не имѣли возможности сдѣлать удовлетворяющія их аппетиты накопленія. А дальше идет уже та масса рядовых коммунистов, которая молчала, пока власть щедро субсидировала их на предмет удов-

летворенія всѣхъ животныхъ инстинктовъ и обезпечивала имъ возможность безнаказаннаго грабежа и населенія, и государственной казны.

Они и тогда ворчали, завидуя главарямъ, но подачки сверху каждый разъ успокаивали ихъ.

Но вотъ наступилъ моментъ, когда источники грабежа и субсидій изсякли. Грабить больше некого и нечего, а власть, обезпокоенная отоцнаніемъ казны, принялась энергически сопротивляться хищеніямъ и растратамъ.

И коммунистическая масса почувствовала себя смертельно обиженной.

Ей остается только или перейти на положеніе весьма сомнительно оплачиваемаго чиновничества, по одежкѣ протягивая ножки, или грабить своихъ собственныхъ вожаковъ.

И поэтому, если обожравшіеся золотомъ и брилліантами вожаки могли бы, можетъ быть, сговориться, на это уже неспособна коммунистическая масса.

Между прочимъ, характерно, что еще не успѣло остыть тѣло Дзержинскаго, какъ у его родственниковъ былъ произведенъ обыскъ и отобрано огромное количество цѣнностей.

Это указываетъ на то, что большевики прекрасно знаютъ, гдѣ искать новыхъ источниковъ грабежа, и совершенно опредѣленно характеризуетъ ихъ взаимоотношенія.

Это совершенно то же, что происходитъ в волчьей стаѣ, ибо, какъ извѣстно, волки всегда немедленно набрасываются на трупъ павшаго товарища и пожираютъ его.

8.

Поэтому опасеніе, что передъ лицомъ общей опасности большевики могутъ сговориться, совершенно неосновательно.

Сговориться они не могутъ, потому что нѣтъ никакой почвы для сговора, и личные интересы главарей и массы совершенно непримиримы.

Разложеніе партіи и переходъ внутренней склоки в вооруженную борьбу между отдѣльными группами являются совершенно фатальными.

Разумѣется, это можетъ быть болѣе или менѣе оттянуто. Большевики не идіоты и сознаютъ опасность. Именно этимъ и об'ясняется, что склока до сихъ поръ еще не перешла в драку.

Вполнѣ возможно, что героическія усилія нѣкоторыхъ

благоразумных, а также и неравенство сил между правительством и оппозицией приведут к временному перемирию.

Но то, что совершается внутри партии, есть логический и неизбежный процесс, который не может быть остановлен никакими средствами.

Рано или поздно огонь, тлѣющий под ворохами резолюцій и постановлений, прорвется наружу и это тѣм болѣе будет подобно взрыву, чѣм дольше удастся большевикам сохранить внѣшнее соглашеніе.

Партия обречена.

ОТВѢТ НА ПИСЬМА Г-ЖИ Н *).

1.

Одна русская женщина, которую я лично не знаю, но о которой много слышал, как об энергичной и пламенной поборницѣ русскаго дѣла в Польшѣ, написала мнѣ, между прочим, слѣдующее:

„Как вы были правы, когда писали, что если дезорганизация идет среди нас, то и у большевиков не все так благополучно, как нам кажется. Я вам не вѣрила, мнѣ казалось, что там становятся все крѣпче и крѣпче, но теперь вижу, что вы знаете и чувствуете больше, чѣм мы... Но не могу не рассказать вам о своем послѣднем соблазнѣ. Случайно мнѣ попались всѣ совѣтскія газеты за цѣлый мѣсяц. Это первый раз, когда я вижу эти газеты собственными глазами. Вначалѣ онѣ произвели на меня удручающее впечатлѣніе. От них повѣяло какой то мертвой тоской. Но когда я заставила себя вчитаться, то меня поразила кипучая жизнь, которая там идет. Все это кричит, ругается, спорит, судится, но что-то создает и строит. Читали ли вы рѣчь Рыкова на с'ѣздѣ комсомола и рѣчь Сталина, произнесенную гдѣ то на Кавказѣ, на с'ѣздѣ желѣзнодорожников? Не хочу скрывать от вас, что я под обаяніем их! Ни о какой диктатурѣ и рѣчи нѣтъ. Патріотическія, русскія рѣчи! Это было для меня так неожиданно ново, что я изо всѣх сил старалась убѣдиться в своем заблужденіи... А сейчас там, по слухам, началась борьба. Для всѣх нас неясно, что происходит, и вы видите, какой соблазн заполз даже в мою душу... Для меня эти двѣ борющіяся группы дѣлятся на группу еврейскую—интернаціональную и русскую—сталинскую. Невольно как то симпатіи мои на второй сторонѣ. Но я знаю, что этого не должно быть, и вы должны мнѣ выяснить, в чем моя ошибка...“

На это письмо я отвѣтил в шутиливом тонѣ, сказав, что уж от нея то я этого никак не ожидал.

*) „За Свободу“ № 103 от 24 августа 1926 г.

— Русскія, патріотическія рѣчи — и Сталин-Джугашвили! Это выше моих сил!

А в отвѣтъ получил слѣдующее:

— „...Неужели вы сами не видите, что там, внутри Россіи, и именно в самом центрѣ имѣются люди, которые чувствуют себя русскими и хотят сдѣлать то, о чем мы только можем мечтать. Сталин-Джугашвили или кто другой, но без сомнѣнія, кто-то есть.. Я в это вѣрю, а скоро повѣрите и вы. Одно лицо, узнав, что я вам об этом пишу, сказало, что вам таких вещей писать нельзя... Но я считаю, что именно вам можно и должно писать об этом, что именно вы, и никто другой, можете это понять, а если я заблуждаюсь — разяснить мои ошибки... Сейчас уже общій голос, что там борются двѣ партіи — русская и еврейская, и что если русская побѣдит, то будет сдвиг направо и жизнь мало по малу придет к нормѣ. Неужели же необходимо, чтобы там началась рѣзня и чтобы было очищено поле для нашей эмиграціи? Вы, вѣдь, и сами в ней разочаровались. Неужели всѣ эти здѣшніе господа нужны Россіи? Неужели там нѣтъ людей? Хочется думать наоборот: что именно там то они и есть. А для нас, если и будет мѣста, то только самая второстепенная. Я сужу по нашему городу... честное слово, но ради блага Россіи я не пустила бы туда никого из наших. Все так деморализовано, так опустилось и в то же время — зазналось, что страшно подумать: неужели эти люди будут строить Россію?. Ну, а вы, у вас горизонт выше, много ли вы знаете в эмиграціи людей, которые могут принести хоть малѣйшую пользу? Значит, нужно жить вѣрой, что там кто то есть, и фамиліи тут не играют никакой роли. Очень может быть, что я несу ересь, но я себя не выдѣляю из толпы и, как грамфонная пластинка, просто передаю вам общія настроенія. Поэтому не падайте в обморок. Вѣдь лучше, если я буду писать вам все искренне и прямо... Вы пишете, что на первый зов туда нельзя идти, потому что первые повѣрившіе погибнут... Ну, так что же? Мы и здѣсь гибнем. Здѣсь еще хуже, чѣм гдѣ нибудь в ГПУ. Там хоть будет мысль о страданіи, а здѣсь просто гніеніе заживо... Но вы пишете, что там еще хуже? Я вам вѣрю, но тогда уже полная безнадежность. Нечѣм жить и не-зачѣм”.

Таково было второе письмо.

2.

Цѣнность этих писем опредѣлила сама г-жа Н.—они отражают, правда, не общее (это уже преувеличеніе!), но, все же, весьма распространенное настроеніе.

Распространенное далеко не только среди рядовой эмиграции.

Правда, Милюковы, Кусковы, Сухомлины и прочие „генералы от эмиграции“, в политическом нисѣмѣ, зѣло искусенные, не пишут так наивно. Напротив, они пишут так умно, так тонко, что самый умный чорт не разберет, чего они хотят.

Но, в сущности говоря, милая г-жа Н., может быть и в очень наивной формѣ, но просто и прямо ставит тѣ же самые вопросы, которыми заняты и многіе из признанных „вождей“.

Развѣ недостаточно ясно просвѣчивает, сквозь узоры хитросплетенных идеологических тонкостей, что эти вожди гадают сейчас на кофейной гущѣ, кто побѣдит в московской склокѣ, и осторожно, как человекъ, входящій в холодную воду, нащупывают, на кого ставить?

На оппозицію, или на политбюро, на Сталина, на Зиновьева, на Троцкого?

Г. Сухомлин уже выпускает пробные шары („если большевики пожелают начать переговоры...“), а П. Н. Милюков вдруг открывает в лицѣ Троцкого что то симпатичное.

Господи, но вѣдь оттуда же, сверху, концентрическими кругами распространяясь по эмигрантскому болоту, и идут эти самыя „настроения“.

Не оттуда ли, недавно, донесся до меня такой шопоток:

— „Арцыбашев просчитался: он недостаточно освѣдомлен о том, что дѣлается в Россіи, а там побѣждает оппозиція и мы всѣ скоро поѣдем домой... Только Арцыбашевым, конечно, там мѣста не будет!“

Это было сказано еще до того, как выяснилось, что шансы на побѣду у оппозиціи невелики, и теперь тот же прорицатель от оппозиціи уже отмахивается, ставя на „правѣніе сталинцев, послѣ разгрома оппозиціи“.

3.

Да, эмиграція деморализована и разлагается.

Не для спасенія серебряных ложек многіе из нас покинули родину, а во имя тѣх „невѣсомых цѣнностей“, которыя хотѣли отнять у нас большевики.

Так было. Но, увы, когда серебряныя ложки были проѣдены, то и невѣсомыя цѣнности сильно упали в цѣнѣ!

И началась „реальная политика“, в которой нѣтъ мѣста этикѣ, а есть одна готовность на всевозможные компромиссы со своей совѣстью, да малодушіе щедринака пискаря, который слушает большевицкую шуку.

— А может быть, хе-хе-хе, я тебя и не слопаю!

— А может быть, в самом дѣлѣ не слопают!
Истомился бѣдный пискарь, девять лѣтъ под чужой ко-
р्याгою сидючи, наголодался...

И если прежде говорили — „хоть с чортом, только
против большевиков“, то теперь многие готовы хоть к чор-
ту, лишь бы домой!

Оттого и моя непримиримость кажется им уже „лубоч-
ной“, оттого и в профилѣ Троцкого вдруг обнаруживаются
русскія черты.

Да, плохо!

4.

В чем мы никогда не пойдем друг друга, так это в том,
что „не человек для субботы, а суббота для человека“.
Россія, Россія!

Что значит — Россія?

Для меня Россія дорога, необходима, но только именно
Россія, а не интернаціональный публичный дом, извините
за выраженіе.

Если родинѣ моей суждено так и оставаться таким
симпатичным учрежденіем, то и Бог с нею.

Пусть там празднуют субботу, а я, до самой смерти
своей на чужбинѣ, буду праздновать русское воскресенье.

Буду жить воспоминаніями о великой странѣ, гдѣ бы-
ла особая красота духовная, гдѣ была великая литература,
гдѣ наряду с нищетой и невѣжеством было исканіе Бога,
правды и справедливости.

Я не из тѣх, кто разныя красивыя слова имѣет на вся-
кій юбилейный случай. Если я говорю, что не хлѣбом еди-
ным жив человек, то меня одним „возстановленіем эконо-
мическаго благосостоянія“ не прельстишь.

Говорят о „вѣчных принципах“, говорят о „невѣсомых
цѣнностях“, а когда им предлагают на этих принципах стро-
ить политику — смѣются и издѣваются над „наивностью“!

5.

Я твердо и непоколебимо стою на том, что возрожде-
ніе Россіи немислимо, пока начисто не уйдут большевики.

Не могут тѣ люди, которые девять лѣтъ разрушали все,
к чему прикасалась их рука, вдруг, по щучьему велѣнью,
по Сталинскому хотѣнью, стать созидателями.

Россіи им не возстановить, даже если бы они искренно
вознамерились это сдѣлать.

Они могут только, в теченіи болѣе или менѣе долгаго
времени, поддерживать состояніе какого-то неустойчиваго

равновѣсія, но рано или поздно это кончится новым, еще болѣе потрясающим разрушеніем.

И та „кипучая жизнь“, которая так соблазнила г-жу Н. (по совѣтским газетам!), вовсе даже и не жизнь, а просто страшная суета людей, которые, с энергіей отчаянія, выкачивают непрестанно прибывающую воду из трюма тонущаго корабля.

Это на верхах. А внизу, в народной массѣ, — слѣпой напор жизненной стихіи.

Конечно, всѣ эти „процессы внутри Россіи“, о которых так таинственно и так много теперь говорят, — никакая не „борьба за демократію“ и никакой не „рост національнаго сознанія“, а просто — хаотическій, стихійный процесс, кипѣніе котла.

6.

Каждый червяк хочет жить по своему, а ему не дают жить.

Мужик хочет избавиться от непосильных налогов и произвола совѣтской шпаны. Рабочій мечтает о возвратѣ того блаженнаго времени, когда он не работал, а грабил награбленное, отсыпаясь послѣ трудов праведных в буржуазной кровати... пока не развел в ней клопов, которые его теперь заѣдают.

А тут и комсомолец недоволен тѣм, что его животные инстинкты, нарочито раздраженные большевиками, уже не получают достаточнаго удовлетворенія.

А красному купцу хочется торговать по настоящему; а красному профессору хочется настоящей науки; а сов. чиновнику хочется чинов и орденов, да чтобы вѣчно не трепетать перед всякими „режимами экономіи“.

А „красному“ хочется стать настоящим офицером...

А всѣм вообще хочется, наконец, пожить нормальной человѣческой жизнью, хотя бы и без особых политических свобод, но без этой неустанной волюнки о „всемирном пролетаріатѣ“, без назойливаго влѣзанія власти во всѣ мелочи интимной жизни.

И все это насквозь пропитано всеобщей круговой ненавистью.

Населеніе ненавидит власть, которая не дает ему ни охнуть, ни вздохнуть свободно. Власть ненавидит населеніе, которое не дает ей ни минуты покоя, постоянно угрожая взрывом. Голодные „трудящіеся“ ненавидят „нэпачей“, которые обжираются на их глазах. „Нэпачи“ ненавидят „трудящихся“, которых боятся. Красноармейцы ненавидят красных командиров за то, что „наш же брат“ разыгрывает начальство. Красные командиры ненавидят красноармейцев,

которые упорно желают видѣть в них „товарищей“. Безпартийные ненавидят партийных, коим завидуют. Партийные ненавидят безпартийных, ожидая неминуемой расправы.

Иногородцы ненавидят русских, русскіе инородцев...

И так далѣе.

Вообще—кипящій котел.

А на кипящем котлѣ не усядешься жить нормальной жизнью.

7.

А самый главный „процесс“, который происходит в Россіи и который будет заканчиваться еще спустя долгое время послѣ сожженія мавзолея Ленина, — это вовсе не „возстановленіе“, а просто медленное осѣданіе той мути, которую подняла со дна жизни на поверхность революціонная буря.

Человѣческая масса, взбудораженная и перемѣшавшаяся в хаотическом безпорядкѣ, осѣдает по своим мѣстам.

В революціи не только „общественная пирамида“ стала вверх ногами, но и перемѣшалось все.

Рабочіе правили и грабили, интеллигенты спекулировали, крестьяне торговали, матросы законодательствовали, честные люди сидѣли в тюрьмѣ, воры хозяйничали, профессиональные революціонеры - разрушители строили жизнь.

Но из этого, конечно, получилась форменная ерунда и жить стало невозможно.

А потому всѣх потянуло по мѣстам. Мужик взялся за соху, интеллигент за умственный труд, рабочій пошел к станку, купец в лавку.

Но, увы, революціонер не пожелал отказаться от строительства, а воры и разбойники, подонки общества, не пожелали вернуться на дно.

И, конечно, никогда не пожелают, ибо сіе было бы противно человѣческой природѣ.

А потому над медленно осѣдающей и очищающейся жизнью образовалась твердая корка, которая давит на жизнь.

И будет давить, пока взрывом не разнесет ее на тысячу кусков.

Так и будет.

Но любопытно отмѣтить, что наши „вожди“ ежедневно докладывают нам, что в Россіи теперь никто не думает о формах будущаго государственнаго строя, а в то же время—с пѣною у рта кричат о борьбѣ за демократію или монархію.

Получается необ'яснимое противорѣчіе, и вот этого-то противорѣчія не было бы, если бы поняли, что никаких опредѣленных, сознательных процессов в Россіи еще нѣтъ.

а есть только бѣшеное кипѣніе паров, сдавленных крышкой котла.

8.

Что же касается „борьбы двух партій“, то это, разумеется, чистый вздор.

Склока, а не борьба, идет не между партіями, а внутри одной и той же коммунистической партіи.

Прежде всего, об этом свидѣтельствует крайняя разношерстность оппозиціи, которая состоит из добраго десятка совершенно враждебных друг другу групп, в данный момент относительно об'единенных только ненавистью к правящей группѣ Сталина.

Но и в этой группѣ единогласія нѣтъ. „Сталинцы“—это не партія, а случайное об'единеніе разномыслящих людей, сплотившихся вокруг Сталина, как наиболѣе яраго защитника (послѣ смерти Дзержинскаго) идеи единства в партіи.

Сплотившихся именно и только потому, что они дальновиднѣе „оппозиціонеров“ и ясно сознают, чѣм для них для всѣх пахнет раскол в партіи.

Доказательством этому служит то, что к группѣ Сталина примкнули многіе (Троцкій, напримѣр), еще совсѣм недавніе враги этого же самаго Сталина.

Но какая бы борьба между большевиками ни шла, каждая из борющихся сторон не мыслит своей побѣды иначе, как в формѣ подчиненія всей партіи своей волѣ.

То есть, другими словами, — единство партіи есть общее требованіе всѣх борющихся групп, только каждому из бунтующих против Сталина вождей хочется, чтобы партія об'единилась именно вокруг него, а не вокруг Сталина.

Происходит же это не только по честолюбію „вождей“, но и просто потому, что это происходит в каждом гибнущем предпріятіи: участники провалившагося коммунистическаго эксперимента обвиняют друг друга и каждому из них кажется, что если бы его послушались, то можно было бы избѣгнуть катастрофы.

9.

И, конечно, здѣсь нѣтъ ничего ни русскаго, ни еврейскаго, ни праваго, ни лѣваго, а есть только непобѣдимый щкурный инстинкт, который во время паники заставляет людей грызться между собою, вмѣсто того, чтобы сообща искать спасенія.

Конечно, у каждой из борющихся сторон есть свой собственный рецепт спасенія.

Но разобрать „правая, лѣвая гдѣ сторона“ в этих ре-
цептах нѣтъ никакой возможности.

Сталин правѣ Зиновьева, когда отказывается от став-
ки на „всемирную социальную“ и дѣлает ставку на крестья-
нство. Но Сталин лѣвѣ Зиновьева, когда борется с „де-
мократизацией партіи“, отстаивая диктатуру политбюро. Оп-
позиція правѣ „центристов“, когда требует свободы фрак-
цій и группировок, но она лѣвѣ центра, протесту я про-
тив „мужицкой опасности“ и требуя сохраненія привилегій
пролетаріата.

Медвѣдев и Шляпников идут вправо, когда требуют
привлеченія концессионных капиталов и уничтоженія внѣш-
торга, но они возвращаются на крайній лѣвый фланг, же-
лая, чтобы „интересы рабочего класса“ попрежнему доми-
нировали над всѣми иными соображеніями.

Одним словом,—это полный хаос, знаменующій расте-
рянность перед лицом общей опасности.

Большевики не зря твердят, что из этой „дискуссіи“
партія выйдет „еще болѣе окрѣпшей“.

Да, конечно, какая бы сторона ни побѣдила, но если
это будет дѣйствительная побѣда, то партія, хотя бы и умень-
шившись количественно, снова превратится в прежній мо-
нолит, спаянный желѣзной дисциплиной.

10.

Ошибка большевиков только в том, что эти „дискус-
сіи“ уже никогда не окончатся.

Онѣ вызваны не идеологическими или политическими
разногласіями, а невыносимо тяжким положеніем власти, люд
которой горит земля.

Но от побѣды той или иной группы положеніе не
улучшится, ибо единственный выход из него—это отказ от
власти.

На это не только большевики, но и никто не спосо-
бен. Не было тому примѣра в исторіи. Власть никогда не
уступают, ее отбирают силой.

А потому большевики, неспособные наладить нормаль-
ную жизнь, противорѣчащую всей их природѣ и сущности,
будут судорожно цѣпляться за власть до послѣдняго изды-
ханія.

А положеніе будет все хуже и хуже, и это послужит
поводом к новым „дискуссіям“, пока онѣ не закончатся об-
щей свалкой и внутривнутрипартійным террором.

Г-жа М. не понимает, что тут рѣчь идет не о жела-
те „рѣзани“, а о ея неизбѣжности.

Кто может желать рѣзни, будучи не сумасшедшим и не
большевиком?

Рѣзня всегда ужас, всегда отвращеніе, кто и кого бы ни рѣзал.

Но желать, или видѣть неизбежность — это не одно и то же.

Будет кровь и великая кровь, но в этой крови мы не повинны.

11.

Ибо никакое наше соглашеніе с большевиками ее не предупредит.

Разумѣется, если не говорить об их согласіи уступить власть без борьбы, что рѣшительно невозможно.

Всякая же коалиція с большевиками возможна не только при условіи прощенія им всѣх преступленій, но и при условіи компромисса.

То есть, при сохраненіи хотя бы части их программы.

Я лично думаю, что часть эта была бы очень велика и большевики сохранили бы в руках фактическую власть, ограничившись несущественными уступками.

Но это все равно, так как сохраненіе хотя бы части коммунистических установленій воспрепятствует восстановленію нормальной жизни.

А слѣдовательно, во имя Россіи, во имя блага русскаго народа нужно добиваться не соглашенія, а полного уничтоженія большевицкой власти.

Она уничтожится тѣм скорѣе, чѣм скорѣе закончится распад коммунистической партіи.

Это ясно. А потому, поскольку склока внутри партіи ускоряет этот процесс, а побѣда той или иной из борющихся сторон возстанавливает единство партіи, „настроеніе сочувствія“ к какой-либо из сторон—безсмысленно и вредно.

И в особенности—по отношенію к Сталину, как одному из послѣдних, в данный момент самому сильному, защитников партійнаго единства.

Увы, по всѣм данным, кажется, сталинцы на этот раз восторжествуют и это очень печально. Для блага Россіи побѣда оппозиціи была бы много полезнѣе. Не потому, что бы это сдвинуло сов. власть вправо или влѣво, а потому, что это приблизило бы конец.

12.

Еще одно.

Конечно, нельзя не вѣрить, что внутри Россіи есть тѣ люди, о которых мечтает Сталин.

Если бы их совсѣм не было, то оно значило бы, что Русскій народ окончательно разложился.

Но, разумеется, этих людей нельзя искать среди подлинных большевиков.

Да поймет г-жа Н., что если эмиграция разложилась под влиянием нищеты, безправия, бездѣйствія и тоски по родинѣ, то разложились и большевики.

Неужели можно думать, что нищета, бездѣйствіе и проч.—болѣе сильный яд, чѣм грабеж, насилие, самовольство, самовластіе, безнаказанность и разврат?!..

А большевики девять лѣтъ варились в этом соусѣ.

Люди, о которых мечтает г-жа Н., есть, и они, в свое время, обнаружатся, но теперь они скрываются в „безпартийной“ массѣ.

Есть они и среди крестьян, и среди рабочих, и среди красной арміи, и среди учащейся молодежи, и просто среди обывательской массы.

Нѣтъ их только, не может быть, среди большевиков и чекистов, если не говорить о тѣх отдѣльных героях, которые работают среди них, напялив на себя красную маску.

Но вѣдь не о них же говорит г-жа Н.?

Что же касается эмиграціи, то она, конечно, разложилась, деморализовалась и весьма грѣшна по части „завлаательства“.

Но эмиграция, так же, как и население Россіи, дѣлится на двѣ части: окончательно сварившуюся в политическом профессионализмѣ верхушку и народную массу.

Профессиональные политики, по большей части, так же безнадежны, как и большевики. Они разложились совершенно и, по возвращеніи в Россію, не только не помогут ея строительству, но и по мѣрѣ сил будут мѣшать ему, возжигая новую гражданскую войну вокруг своих старых знамен.

Но масса эмиграціи, как и народная масса внутри Россіи, даже и не разложилась. Она только пассивно поддается настроеніям и обстоятельствам.

В Россіи—под тлетворным влияніем большевиков и тяжелых матеріальных условій, в эмиграціи—под гнетом нужды и бездѣйствія, масса опустилась, развратилась, ушла в грубую животную жизнь.

Но живые соки в ней не изсякли. Они только не находят себѣ выхода.

И когда измѣнятся условія, когда будут другія влиянія, эти соки снова забьют ключом, и тѣ же самые люди, которые теперь в Россіи глупо и тупо тянут большевицкое ярмо, а в эмиграціи гниют от бездѣйствія, проявят и жизненную энергію, и героизм.

Тому порукой уже одно то, что, пережив эти кошмарные годы, девять лѣтъ „звѣриным бытіем живяху“, мы не утратили образа человѣческаго, не утратили способности в самых невѣроятных условіях бороться за жизнь.

И если говорить о „мѣстах“, которыя эмиграція займет по возвращеніи в Россію, то я скажу вот что.

Не в том дѣло, что мы здѣсь сохраняли „сѣмена русской культуры“, и не в том дѣло, что мы плохо или совсѣм не боролись за освобожденіе родины, и не в том, что мы приобрѣли здѣсь много знаній и опыта.

И даже не в том, что в Россіи не хватит, без нас, интеллигенціи для той грандіозной работы, которая там предстоит.

А в том, что русскій народ много лѣтъ был оторван от всей міровой жизни, загнил в своем собственном соку, отвык мыслить широко и свободно, отвык жить жизнью свободных людей, потерял связь с прошлым великой Россіи.

Мы принесем ему вольную мысль, воздух свободного, широкаго міра, живую связь с этим міром и память о Великой Единой Россіи, вѣрою и любовью к которой сами мы только и жили всѣ эти годы.

ЖЕСТОКІЯ СЛОВА *).

1.

Совѣтскія газеты буквально переполнены фактами и цифрами, свидѣтельствующими, что „волна хулиганства“ дѣйствительно поднялась высоко, угрожая совѣм размыть тот наскоро и кое как сколоченный сумасшедшій дом, который называют СССР.

„Борьба с хулиганством“ становится задачей государственнаго значенія, — явленіе до сих пор еще невѣдомое міру!

Однако, существует ли эта борьба в дѣйствительности, или все ограничивается, по совѣтскому обыкновенію, только громкими фразами, — этого мы не знаем.

Мы знаем только, что повсюду выносятся свирѣпыя резолюціи, требующія примѣненія к хулиганам высшей мѣры наказанія, т. е. попросту разстрѣла, и организована особая чрезвычайная комиссія для срочной выработки закона против хулиганов.

За успѣх этой работы ручается то, что в состав комиссіи вошли такіе испытанные ревнители всяческой добродѣтели, как убійца царской семьи Бѣлобородов, насадитель пролетарских „балетных“ публичных домов Луначарскій и сам „нарком смерти“ Сѣмашко.

Не приходится сомнѣваться, что перед примѣненіем разстрѣла такая компанія не остановится.

Тѣм болѣе, что совершенно ясно: кромѣ разстрѣла ничего и не придумаешь. Вѣдь всѣ тѣ виды преступленій, которые сейчас облюбованы совѣтским хулиганьем, — скандалы, поджоги, убійства и изнасилованія, — предусмотрены любым уголовным кодексом. Что же остается, кромѣ усиленія наказаній до предѣлов возможнаго, т. е. до смертной казни включительно?

И очень может быть, что кровью и желѣзом сов. вла-

*) „За Свободу!“ № 292 от 8 октября 1926 г.

сти удастся так же положить предѣлъ развитію хулиганства, как год тому назад она положила предѣлъ эпидеміи растрат.

Вопрос не в том. Я нисколько не сомнѣваюсь, что мѣсяца через два рубрика „борьба с хулиганством” исчезнет из совѣтских газет, смѣнившись какой нибудь другой, не менѣе крикливой вывѣской, а проявленія хулиганства вновь займут подобающее им „петитное” мѣсто в судебной хроникѣ.

Но не будет ли это значить только то, что болѣзнь загнана внутрь, и не проявится ли она снова, в какой нибудь еще болѣе отвратительной и неожиданной формѣ.

Для того, чтобы на этот вопрос отвѣтить, нужно, прежде всего, поставить діагноз болѣзни.

2.

Внезапная шумиха, поднятая совѣтской властью по поводу „волны хулиганства”, способна вызвать нѣкоторое недоумѣніе.

Получается такое впечатлѣніе, как будто эту волну поднял какой то, невѣдомо откуда налетѣвшій шквал.

Загляните в совѣтскія газеты за время всего только два мѣсяца тому назад и вы не найдете в них даже и намека на хулиганство.

Были, конечно, отдѣльные случаи дебошей и насилій, но они не выходили из предѣлов обычной судебной хроники.

И вдруг, в один мѣсяц, вся Россія оказалась до такой степени переполненной хулиганями, что от них житья не стало, и даже сама милиція откровенно признала свое безсиліе бороться с ними.

При этом обыкновенный пьяный дебош уступил мѣсто массовым безобразіям, а обыкновенное насиліе никого уже даже и не занимает. Или сорок человек или трехлѣтній мальчик изнасиловал свою пятимѣсячную сестренку. На меньшем совѣтскія газеты не мирятся.

Скандалят и насилуют, главное — насилуют, и в столицах, и в провинціи, и в деревнѣ, и на окраинах... „от финских хладных скал до пламенной Тавриды”.

Можно подумать, будто вся совѣтская молодежь внезапно сошла с ума, впав не то в бѣлую горячку, не то в буйное помѣшательство на эротической почвѣ.

В чем же дѣло? Дѣйствительно ли это явленіе неожиданно и дѣйствительно ли оно обнаружилось только в самое послѣднее время?

3.

Читатель, конечно, ожидает и вправдѣ ожидать, что я буду доказывать совершенно обратное: никакой особой волны хулиганства нѣтъ; хулиганство — это естественное бытовое явленіе, подготовленное всѣм ходом большевицкой революціи, давно и прочно установившееся в совѣтской жизни.

Такой отвѣтъ напрашивается сам собою и, конечно, в нем есть извѣстная правда.

Ее вскрыл сам Сѣмашко, публично высказав ту мысль, что хулиганство — это выявленіе остатков психологіи „грабь награбленное“, а Бѣлобородов мысль эту подтвердил, указав на то обстоятельство, что огромное большинство хулиганствующих — это молодежь в возрастѣ от 12 до 25 лѣтъ, т. е. именно та молодежь, которая выросла и воспиталась в эпоху революціи.

Таким образом, сами большевики признают и меня избавляют от необходимости доказывать, что совѣтское хулиганство порождено ими самими и что родоначальником его является никто иной, как Ленин, пустившій в массу лозунг „грабь награбленное“.

Но будучи правильным в самой основѣ своей, это об'ясненіе не совсѣм соотвѣтствует тому, что наибольшаго расцвѣта хулиганство достигло в эпоху гражданской войны и не в годы, непосредственно за нею слѣдовавшіе, а именно теперь, когда совѣтская жизнь приняла несравненно болѣе мирныя формы.

Конечно, для созрѣванія нарыва нужно время и отравленіе не сразу сказывается, но, всетаки, это дает право думать, что волна хулиганства поднята причинами вполне современными.

4.

Трудно даже и представить себѣ, в какія формы вылилась бы совѣтская жизнь, если бы „эпоха военного коммунизма“ продолжалась.

Чтонибудь из двух: или вся Россія превратилась бы в мертвое поле, по которому „свободно рыскал звѣрь, а человек бродил пугливо“ или совѣтская власть была уже давно свергнута и родина наша шла бы уже гдѣ то далеко в сторонѣ от путей большевизма.

Но во всяком случаѣ, до таких явленій, как волна хулиганства, дѣло бы не дошло. Было бы, может быть, чтонибудь еще болѣе ужасное, но не столь бессмысленно отвратительное.

Волна хулиганства поднялась именно потому, что круто свернули с пути военного коммунизма на путь „мирного строительства“.

Октябрьская революція была ставкой на разбой. Большевицкая революція прошла при поддержкѣ всѣх преступных элементов страны, и совѣтская власть побѣдила всѣх своих противников именно потому, что она дала черни полную свободу удовлетворенія самых грубых своих инстинктов.

Втеченіи многих лѣтъ каждый, кто становился на сторону большевиков, записавшись в коммунистическую партію или просто примазавшись к борьбѣ с „контр-революціей“, получал право и возможность безнаказанно и неограниченно удовлетворять свою алчность, злобу, похоть.

Нѣсколько сот тысяч человек, преимущественно молодых, составили одну разбойничью шайку, которая безвозбранно гуляла с кистенем по всей странѣ, словно в дремучем лѣсу.

Грабили, убивали и насильовали всѣ, кому не лѣнь.

Все было к услугам этой банды. Она обжиралась, когда весь народ голодал; она опивалась, когда нельзя было достать капли вина для умирающаго; она не знала недостатка в женщинах, покупая их за голодный паек или насилуя под предлогом усмиренія „гидры контр-революціи“.

У этой банды были деньги, карты, вина, мѣха, бриллианты, автомобили, поѣзда, роскошныя квартиры, женщины — все, чего может пожелать дикая, звѣриная душа, освобожденная от всѣх запретов морали и от страха наказанія.

Это была не жизнь, а разлюли-малина и, казалось, их царствію не будет конца.

5.

Естественно, что к этой шайкѣ со всѣх сторон примыкала именно подростоющая молодежь, которая не могла не сдѣлать выбора между голодным, безправным существованіем рядового совѣтскаго обывателя и разгульной, пьяной, веселой жизнью коммунистической опричины.

Большевики не только охотно принимали молодежь в свои ряды, но, готовя себѣ „смѣну“, они даже сами принимали всѣ мѣры к тому, чтобы как можно скорѣе и глубже развратить эту молодежь, вытравить из нея послѣдніе остатки былого воспитанія и „буржуазных предразсудков“.

С этой цѣлью они глумились над религіей, разрушали семью, уничтожали школьную дисциплину, вводили „совмѣстное обученіе“ и цыганскій брак.

Они сами воспитывали красных звѣренышей, которым были бы чужды всѣ человѣческія чувства, у которых не бы-

ло бы ничего, кроме жажды животных наслаждений, и которые не знали бы иного ремесла, кроме грабежа и убийства.

Так образовалась „молодая гвардия рабочих и крестьян“, которой все позволено... не по карамазовскому, а по смердяковскому завѣту.

Все больше и больше молодежи вступало в бѣшный круг, и молодая, буйная, бездумная голова кружилась в кроваво-пьяном угарѣ.

Бей, убивай, насилуй, „грабь награбленное“.

6.

И вдруг — мгновенная остановка!

Я не буду возвращаться к причинам НЭПА, по телеграфу введенного Лениным. Об этом уже много писали, и всѣм извѣстно, что этот шаг был продиктован гениальному пройдохѣ громом кронштадтских пушек.

Но так или иначе, а „поѣзд революціи, несшійся на всѣх парах через болото“, был неожиданно остановлен и направлен в тупик НЭПА.

Получился страшный толчек, выбросившій из вагонов сотни тысяч людей, даже и не подозревавших о такой возможности.

Со свойственной им рѣшительностью и жестокостью, большевики не только не заботились об их дальнѣйшей участи, но даже начали систематически уничтожать их.

Как в свое время они истребили партизанщину, с помощью регулярной красной армии, так теперь они начали истреблять и разбойщину, с помощью карательного государственного аппарата.

Они повернулись лицом к спецам, а разбойникам сказали:

— Мавр сдѣлал свое дѣло, мавр может уйти!

И сотни тысяч людей, воспитанных на „грабь награбленное“, привыкших к беззаботной, разгульной жизни, неспособных ни к какому труду, очутились за бортом, лицом к лицу с необходимостью забыть о брилліантах, винах и женщинах, превратиться в самых обыкновенных, полуголодных и безправных совѣтских граждан.

В тѣх самых, которых они еще вчера третировали, как стадо, предназначенное на мясо.

Ах, они и не подозревали, что сами были только пушечным мясом революціи!

7.

Негодяи, воры и разбойники, недавно чувствовавшие себя хозяевами жизни и безнаказанно цапавшіе своими ок-

ровавленными лапами все, что им нравилось, вдруг оказались на положеніи обывателей, вынужденных к тяжелому и плохо оплачиваемому труду.

Многіе из них попытались приспособиться к новому курсу. Они переполнили совѣтскія учрежденія и, в сущности говоря, не так уж плохо устроились.

Но развѣ они могли забыть о „снѣ золотом“ — о безумных кутежах, о винѣ, о женщинах? Развѣ их могла удовлетворить скромная „ставка“, не хватавшая даже и на папирсы?

Тѣм болѣе, что они прекрасно видѣли, как их „водители“ продолжают пользоваться всѣми благами жизни, попрежнему безконтрольно распоряжаясь „награбленным“.

Ах, — „награбленным“?...

Но вѣдь сказано — „грабь награбленное!“ И вот они начали грабить.

Разразилась та „эпидемія растрат“, о которой столько кричали сами большевики в прошлом году и которая предшествовала „волнѣ хулиганства“.

Правда, с растратчиками большевики справились скоро. Растратчики, вѣдь, не могут составлять коллективов, организовываться в банды и развиваться в массовое движеніе.

В теченіи года гремѣли чекистскіе ноганы и брызгали мозги из бѣдных, глупых, отуманенных вином и развратом голов.

Конечно, до конца вытравить растрату из обихода совѣтской жизни большевикам не удалось и не удастся. Но во всяком случаѣ они положили предѣлъ эпидеміи и вогнали растратчиков в кое какую „норму“.

8.

Но осталась еще цѣлая масса людей, которые пристроиться не могли.

Изсякновение источников грабежа настолько сократило средства совѣтской казны, что она уже не в состояніи кормить и поить всю эту никчемную массу.

И особенно это ударило по молодежи, которая начала жить уже в революціонной атмосферѣ и иного существованія даже себѣ и не представляет.

У нея нѣтъ никаких нравственных устоев. О честном трудѣ, об уваженіи к человѣку и чужому имуществу, о женской чести и прочих „буржуазных предрасудках“ она или вовсе не слыхала или слыхала в столь раннем дѣтствѣ, от котораго и воспоминаній то никаких у нея не осталось.

Она умѣет дѣлать только одно — революцію.

В ея представленіи, революція и борьба с контр-революціей — это единственная задача человѣческой жизни. Так ее учили и учат.

Нужно быть революціонером и только. Этого совершенно достаточно чтобы жизнь была оправдана, и это дает полное, незыблемое право на почет и сытое, пьяное, привилегированное существованіе.

Вѣроятно, всѣм еще памятно знаменитое „письмо красноармейца Калинину”.

Красноармеец Б., нѣсколько лѣт сражавшійся за революцію, а затѣм выброшенный большевиками на произвол судьбы, требовал у Калинина отвѣта:

— „Гдѣ же моя революціонная заслуга?”

И как потом писал Калинин, на это письмо отозвались тысячи рабочих, крестьян и красноармейцев, оказавшихся на сторонѣ этого Б.

Все это были тѣ, которые твердо вѣрили, что служба революціи обезпечивает им какое то особенное привилегированное существованіе и которые почувствовали себя жестоко обманутыми своими вождами.

Естественно, что прежде всего вся эта масса ударилась в „оппозицію”. Ей кажется, что ее обманули, что вожди ей измѣнили и предали революцію.

Ибо для нея революція и безпечальное житье — это синонимы.

9.

Но пока еще шла борьба между оппозиціей и политбюро, твердо взявшим курс на „мирное возстановленіе”, коммунистическая молодежь ничѣм особенным себя не выявляла, твердо надѣясь, что „ошибка” будет исправлена, что предатели революціи будут свергнуты и начнется новая „эпоха военного коммунизма”.

А раз она начнется, то без них не обойдутся и вновь настанет безпечальное, легендарное житіе первых лѣт революціи.

Опять будут деньги, вино, брилліанты и женщины... главное — женщины!

Побѣда центра и разгром оппозиціи нанесли этим красным мечтаніям страшный удар, послужившій толчком к тому стихійному, животному возмущенію, которое и вылилось в безобразную „волну хулиганства”.

Эта „волна” есть ничто иное, как массовый протест

разнузданной, ни к чему, кроме грабежа и убійства, непри-
способленной совѣтской молодежи, которая не может по-
мириться с сѣреньким существованіем НЭПА и старается
самочинно утвердить свое право на разгульную, пьяную,
звѣриную жизнь.

Она не желает никакой дисциплины, никакого труда.
Она бьет и ломает все кругом, требуя, чтобы ей дали жить
так, как она находит соотвѣтствующим „революціонным
заслугам“.

Власть пытается насадить какой то иной порядок, мас-
са самочинно утверждает тот порядок, к которому она при-
выкла в годы гражданской войны, дикими проявленіями
самого разнузданнаго хулиганства протестуя против всякой
узды над собою.

10.

И вот тут то приходится сказать жестокое слово, ко-
торое, я знаю, покоробит всѣх Кусковых и Пѣшихоновых.

Едва ли не вся эта молодежь погибла безвозвратно.
Она уже никогда и при каких условіях не станет на путь
нормальной трудовой жизни. Она отравлена навсегда.

И если бы даже совѣтская власть была свергнута, если
бы на мѣсто большевиков стало какое нибудь иное, хотя
бы самое разумное и прекрасное правительство, эта моло-
дежь останется тѣм, что она есть, чѣм сдѣлали ее больше-
вики: носителем бунтовщическаго начала, неисчерпаемым
источником преступления.

Перевоспитать ее невозможно. Терпѣть нельзя. Ее
можно только физически уничтожить.

Но у кого же подымется рука на это массовое избіе-
ніе младенцев, в сущности говоря, неповинных в своих
преступленіях?

А между тѣм, вопрос о том, что дѣлать в будущем
с этой массой ни на что негодных, до мозга костей развра-
щенных людей, уже и теперь волнует многих.

Воистину, никакое раззореніе Россіи, никакія полити-
ческія ея потери, не могут идти в сравненіе с тѣм страш-
ным наслѣдством, которое оставят большевики будущему
національному русскому правительству ввидѣ этой массы
свирѣпых красных звѣренушей.

И вот, нужно откровенно сказать, что самое лучшее,
чтобы большевики и в самом дѣлѣ взяли на себя обязан-
ность их уничтоженія.

И я думаю, что так и будет.

Исторія не знает безвыходных положеній. В ней есть такая то своя жестокая и мудрая предусмотрительность. К тому времени, когда наступит срок покончить с большевицким кошмаром и вывести Россію на новую, свѣтлую дорогу, судьба сама позаботится, чтобы на этой дорогѣ не осталось неустранимых препятствій.

Большевики, сами того не подозрѣвая, исполнят эту грязную работу.

И как ни омерзительны кроважадные вопли, несущіеся со всѣх концов сов. Россіи, но для блага руескаго народа будет лучше, если эти вопли перейдут в прямое дѣйствіе.

Рабочіе и крестьяне, требующіе от сов. власти, чтобы она примѣняла в „борьбѣ с хулиганством“ смертную казнь, безсознательно правы: большевики этих хулиганов породили, они их должны и убить.

„ПРИМИРЕНИЕ“*)

1.

Минувшій мѣсяц вычеркнут из моей жизни тяжелой болѣзью. Поэтому я не мог своевременно откликнуться на такое крупное событіе, как разгром оппозиціи и пресловутое „примиреніе“.

Собственно говоря, для меня лично ни в разгромѣ этом нѣтъ ничего неожиданнаго, ни в примиреніи — ничего страшнаго.

Еще задолго до выступленія оппозиціи, я писал, что реальная сила пока на сторонѣ Сталина и оппозиція должна понести поражение. Что же касается „примиренія“, то я утверждал и утверждаю, что распад коммунистической партіи, вызванный глубокими и неустраняемыми причинами, есть явленіе „фатальное“, которое не может быть предупреждено и избѣгнуто никакими способами.

На этой точкѣ зрѣнія я остаюсь и нынѣ.

Но я знаю, что не у всѣх достаточно хладнокровія, чтобы, осознав неизбежное, ждать конца без воплей и метаній. Для этого иногда нужно болѣе мужества и душевной твердости, чѣм для того, чтобы кинуться в пылъ сраженія.

И для огромнаго большинства эмигрантов (далеко не одних „рядовых“) состояніе лихорадочнаго возбужденія есть обычное состояніе. Вѣчно они то взлетают духом до небес, то падают — ниже нельзя. Сегодня они ждут, что вот-вот кто то „кликнет клич“, завтра увѣряют, что все кончено; сегодня шепчутся, что там „стало уж совсѣм хорошо“, а завтра говорят „пропала Россія“; сегодня бьют возвращенцев, а завтра проклинают тѣх, кто удерживает их от возвращенія...

И самое ничтожное событіе заставляет их то укладывать чемоданы, то мылить веревку, на предмет повѣшенія с тоски и отчаянія.

*) „За Свободу!“ № 368 от 14 ноября 1926 г.

Бьют селькоров? — Уже началось!.. Собирается Зарубежный съезд?—Завтра идем на Москву!.. Большевики ссорятся?—Складывай чемоданы!.. Большевики помирились?— Все пропало!..

Малодушие, конечно. Ничего болше.

2.

Да, оппозиция потерпела поражение и на очередной партийной конференции ЦК партии удалось еще раз продемонстрировать „единую недѣлимую“ коммунистическую партию.

Но немедленно послѣ столь блестящей „побѣды“ Сталин поторопился выполнить самыя крайнія требованія оппозиции: посылкой денег англійским забастовщикам он подтвердил неизмѣнность курса на всемірную социальную революцію, а для окончательнаго успокоенія коммунистических умов обѣщал усилить налоговый нажим на крестьянство и объявить поход на частный капитал.

Совершенно очевидно, что это не побѣда, а лишь компромисс, достигнутый цѣною больших уступок, идущих вразрѣз с собственной политикой Сталина.

Одна из тѣх побѣд, которыя бывают равносильны тяжкому поражению.

Таким образом, „сохраненіе единства партіи“ оказалось достигнутым не благодаря осознанію этого единства, а лишь благодаря различным комбинаціям.

А слѣдовательно, по всѣм законам логики, никакого единства и нѣтъ.

Есть только временное и вынужденное соглашеніе, как всѣ такія соглашенія—крайне непрочное.

Вынуждено оно было тѣм, что, с одной стороны, оппозиция убѣдилась в своем настоящем безсиліи, а с другой —и сталинцы поняли, что они недостаточно сильны, чтобы рѣшиться на расправу.

Оппозиция поджала хвост, а сталинцы спрятали когти.

Другими словами, обѣ стороны оказались слишком слабыми для рѣшительных шагов и волей неволей вынуждены топтаться на одном мѣстѣ.

И именно то обстоятельство, что обѣ стороны оказались неспособными к рѣшительным дѣйствіям друг против друга, указывает, во первых, что оппозиціонный раскол проник гораздо глубже и шире, чѣм это угодно признавать сталинцам побѣдителям, а во-вторых, что выступленіе и провал оппозиции не служат доказательством ея силы или слабости по существу.

Если бы она дѣйствительно была в ничтожном мень-

шинствѣ, с нею бы не поцеремонились расправиться самым жестоким и опредѣленным образом.

Неопредѣленный конец столкновения, всѣ эти компромиссы и трусливыя уступочки побѣдителей указывают на то, что в дѣйствительности силы оказались почти равны.

И если фактически оппозиція потерпѣла поражение, то только потому, что ея выступленіе было преждевременным.

И дѣйствительно, это выступленіе было, по завѣту всѣх правительств, спровоцировано правящей группой. Почувствовав, что оппозиція готовится к рѣшительному бою, Сталин пустил в ход испытанныя средства: начались аресты снизу, которые сопровождались страшными угрозами и подымались все выше и выше. В концѣ концов, перед Троцким, Зиновьевым и другими главарями оппозиціи встала диллема—или быть арестованными по одиночкѣ еще раньше, чѣм организація выступленія будет закончена, или рискнуть, в чаяніи, что к ним примкнет стихія.

Риск не оправдался, карта была бита... на этот раз.

3.

Со свойственным им цинизмом, эти люди, лишенные всякаго человѣческаго достоинства, всегда готовые на любое предательство и самое гнусное лицемеріе, конечно, не остановились перед тѣм, чтобы принести в жертву своих товарищей и продѣлать унижительную церемонію публичнаго покаянія.

Но разумѣется, этому покаянію не повѣрили даже и сами побѣдители. Об этом свидѣтельствуют многочисленныя статьи в совѣтской печати правительственнаго толка, в которых недовѣріе выражается совершенно открыто и требуются „гарантіи“.

И это совершенно естественно. При тѣх обстоятельствах, при которых состоялось „примиреніе“, не может быть и рѣчи о том, чтобы оно было искренним.

Между выступленіем оппозиціи и ея покаяніем прошло всего два-три дня. Невозможно даже и представить себѣ, чтобы в этот срок Троцкіе и Зиновьевы искренно убѣдились в ошибочности своей „идеологіи“ и чистосердечно отказались бы от своих заблужденій.

Сіе было бы противно всѣм законам логики и здраваго смысла.

Конечно, они остались при своих взглядах и убѣжденіях, сохранив полностью и тѣ чувства, которыя они питали к Сталину.

И позорный провал, публичное самосѣченіе, которому Сталин заставил их себя подвергнуть, разумѣется, не способствуют их умиротворенію.

Напротив, именно отнынѣ можно считать, что пропасть между оппозиціонерами и сталинцами стала непреодолимой.

Болѣе осторожно, но и болѣе настойчиво оппозиція начнет готовиться к реваншу.

И, конечно, уже с таким расчетом, чтобы, в случаѣ новаго возможнаго пораженія на собраніях и конференціях, имѣть возможность дѣйствовать прямой силой.

До сих пор оппозиціонеры могли думать, что „Сталин не посмѣет“ поднять руку на „старую гвардію коммунизма“ и больше уповали на свою популярность, на свое значеніе в партіи, чѣм на пулеметы.

Но теперь они убѣдились, что, в случаѣ крайности, Сталин не остановится и перед рѣшительными мѣрами, а потому они направят свои усилія на приобрѣтеніе и достаточной „реальной силы“.

С другой стороны, зная это, и сталинцы будут готовиться к тому, чтобы принять открытый бой.

Создастся положеніе, при котором „ружья сами начинают стрѣлять“.

4.

Точно опредѣлить срок новаго выступленія оппозиціи, конечно, трудно.

Правда, я не ошибся даже и на один мѣсяц, когда послѣ лѣтней вспышки партійной склоки, в момент наступившаго затишья, предсказывал теперешнее выступленіе оппозиціи, опредѣляя его временем, когда выяснится провал хлѣбозаготовительной кампаніи.

Но теперь срок новаго взрыва предсказать труднѣе.

Дѣло в том, что октябрьскія событія несомнѣнно послужат для большевиков большим предостереженіем.

Топор был так близок к шеѣ и тѣх и других, и сталинцев и оппозиціонеров, так было очевидно, что момент физической схватки будет и моментом конца, что обѣ стороны сильно напуганы.

Недаром же, в теченіи всего этого боевого періода, большевики рѣшительно ни о чем не говорили, кромѣ того, что необходимо во что бы то ни стало сохранить единство партіи.

Но вѣдь, увы, уроки пережитого еще никогда ничему не научали людей. Страсти всегда оказывались сильнѣе голоса благоразумія.

В особенности—страсти уязвленные.

А потому спасительный страх перед общею гибелью, конечно, ненадолго остановит побѣжденную оппозицію.

Я лично думаю, что новый взрыв послѣдует в концѣ

зимы или весной, когда экономическія затрудненія особенно обостряются.

В этом году их обостреніе будет очень ощутительно, ибо крестьянство, несомнѣнно, отвѣтит на ту безумную мѣру, которую Сталин вынужден примѣнить ради удовлетворенія оппозиціи.

5.

Одним словом, я категорически утверждаю, что впасть в отчаяніе от этого „примиренія“ мы не имѣем никакого основанія.

Конечно, разразись кровавая буря теперь же, конец был бы уже на носу, а „примиреніе“, всетаки, дало нѣкоторую отсрочку большевикам.

Но в исторических процессах есть своя закономерность. Распад партіи идет логическим путем и должен пройти весь этот путь от начала до конца.

На этом пути должны быть остановки и передышки, но, как во всѣх закономерных процессах, эти остановки и передышки являються, на самом дѣлѣ, только шагами вперед.

Если бы оппозиція в данный момент, когда она была к этому еще не готова, рѣшилась на открытый бой, то возможно даже, что это послужило бы к дѣйствительному закрѣпленію единства партіи на самое неопредѣленное время.

Ибо оппозиція, еще слабая, могла бы быть физически уничтожена без особаго потрясенія, и партія, количественно уменьшившаяся, качественно бы выиграла в сплоченности и единствѣ.

Но именно потому, что этого не случилось, что достигнуто было компромиссное „примиреніе“ и сгнившіе плоды остались лежать вмѣстѣ со здоровыми, процесс гніенія должен пойти еще быстрее.

И, таким образом, именно то, что повергло в тоску и отчаяніе „складывающих чемоданы“, для хладнокровнаго наблюдателя является залогом ускоренія неизбѣжнаго конца.

ВСЯКАЯ ВЛАСТЬ*).

1.

Мысль о том, что „всякая власть лучше большевицкой“ — мысль не новая. Впервые она была громко высказана, прямо в лицо большевикам, С. П. Мельгуновым, во время московского процесса.

С тѣх пор ее повторяли многіе. С этой мыслью и я покинул Россію, за шесть лѣтъ пребыванія у большевиков убѣдившись, что не может быть власти болѣе вредной и позорной.

И если в настоящій момент мысль эта снова стала предметом ожесточенныхъ споровъ, то только потому, что на этот раз она высказана Керенским.

Тѣм самым Керенским, который в 17 году всецѣло находился под властью „психоза боязни реставраціи“ и тѣм много облегчил побѣду большевикам, а в эмиграціи, вот уже десятый год, тратит свои лучшія силы на борьбу с монархистами.

Разумѣется, что из его уст мысль о „всякой власти“ прозвучала особенно остро и произвела в лагерьѣ лѣвыхъ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы.

Нужен большой душевный сдвиг, нужно много пережить и перечувствовать, чтобы от формулы „ни Ленин, ни Колчак“ прійти к сознанію, что в сравненіи с Лениным лубой Колчак пріемлем.

Но не думаю, чтобы в данном случаѣ Керенскій в одиночку поплыл против теченія. На это он никогда не был способен. Нѣтъ, соотвѣтствующее настроеніе нарастает как в правых, так и в лѣвыхъ кругах. Это носится в воздухѣ, и доказательством может служить журнал „Борьба за Россію“, вокруг котораго об'единяются люди самых различных политических убѣжденій, от республиканца Рысса до недавняго „вождиста“ Карташева.

И это естественно. Из года в год наблюдая всѣ эволюціи и зигзаги совѣтской власти, убѣждаясь, что всѣ они

*) „За Свободу!“ № 4 от 6 января 1927 г.

неизмѣнно ведут только к вящему раззоренію и позору Россіи, нельзя не прийти к выводу, что всякая власть, которая придет на смѣну большевикам, будет шагом вперед.

2.

Однако, нужно признать, что хотя это убѣжденіе по-немногу и проникает в сознание широких кругов эмиграціи, но все же оно еще не вполне созрѣло даже в мельгуновском кружкѣ.

По крайней мѣрѣ, когда Мельгунов и Карташев предстали перед „судом“ лѣвых, в редакціи „Дней“, то оказалось, что у них не хватает если не мужества, то убѣжденности для того, чтобы отстаивать свою мысль до конца.

Они вступили на путь оговорок и исключеній, из формулы „всякая власть“ вычеркнув реставраціонную монархію.

Таким образом, исчерпывающая формула превратилась в условное положеніе: всякая власть лучше большевицкой, но „власть Маркова II-го“, всетаки, совершенно неприемлема.

И руководители „Борьбы за Россію“ даже не замѣтили, что такой оговоркой они сводят на нѣт все свое построеніе, ибо нельзя говорить „всякая власть“, тут же прибавляя — только не всякая!

Сие противно законам логики, а отсутствіе логической послѣдовательности убивает даже и самую правильную мысль.

Немудрено, что оппоненты Мельгунова и Карташева сразу нащупали слабое мѣсто и яростно атаковали их именно с этой стороны:

— Если, мол, власть Маркова II-го неприемлема даже по сравненію с большевиками, то, очевидно, все говорит о „всякой власти“, и прежде, чѣм звать к об'единенію, нужно договориться точно и ясно о том, какая власть должна смѣнить большевицкую.

А пока этот вопрос не будет рѣшен, нужно вернуться к безконечным спорам о преимуществах того или иного образа правленія, то есть заняться тѣм же, чѣм и занималась эмиграція в теченіи всѣх этих десяти лѣт.

Занималась, вмѣсто того, чтобы бороться с большевиками, занималась бесплодно и безцѣльно.

Потому — бесплодно и безцѣльно, что слишком очевидно, что большевиков смѣнит не та власть, которая в теоріи кажется наилучшей, а та, которая окажется реально возможной в условіях послѣбольшевицкой дѣйствительности.

Это хуже, чѣм дѣлать шкуру неубитаго медвѣдя, ибо

там есть хоть одна извѣстная величина — медвѣдь, а здѣсь множество причин и всѣ онѣ неизвѣстны.

3.

Да простит мнѣ Мельгунов, мужественное поведеніе котораго перед судом кроваваго московскаго трибунала внушило мнѣ глубокое уваженіе к нему, но я должен сказать прямо, что в спорѣ с лѣвыми он оказался далеко не на высотѣ положенія.

Мысль его была ясна и проста. Раз мы не в состояніи не только провести ту или иную власть, но даже не можем предугадать ее, то, очевидно, бесполезно об этом и спорить. Нужно признать, что всякая власть, которая придет на смѣну большевикам, будет сдвигом с мертвой точки, а слѣдовательно и шагом по пути к освобожденію Россіи, а потому единственное, что мы должны дѣлать, — это всѣми силами способствовать скорѣйшему сверженію большевиков.

Поэтому никакая реальная сила, которая обнаружит способность свалить совѣтскую власть, не может быть неприемлемой для нас.

А вѣдь этим, по крайней мѣрѣ, в первой стадіи разрѣшается и вопрос о будущей власти.

Ибо совершенно понятно, что эта власть будет организована именно той силой, которая выполнит задачу сверженія большевиков.

Одинаково же самонадѣянно, чтобы не сказать глупо и нечестно, утверждать, как-то дѣлают, напр. „Послѣднія Новости“, что вся Россія переполнена республиканцами-демократами, или, как-то дѣлает „Возрожденіе“, увѣрять, будто весь русскій народ ждет „вождя царскаго корня“.

И то и другое высосано из пальца.

На самом дѣлѣ, в глухо клопочущей народной массѣ если и выявилось какое-либо стремленіе, то это только „долой большевиков“.

А под этим лозунгом имѣется все, от „даешь царя“ и до „совѣтов без коммунистов“.

Что возьмет верх, что восторжествует в рѣшительный момент, этого никто сейчас не угадает.

А слѣдовательно, вовсе не исключена не только монархія, но даже и пресловутая „власть Маркова II-го“.

И активной силой, которая окажется способной свалить большевицкую диктатуру, могут явиться и самыя крайніе правые элементы.

Именно в предвидѣніи всѣхъ возможностей и ставя предпосылкой, что „всякая власть будетъ лучше большевицкой“, приходится, независимо отъ личныхъ убѣжденій, признать это положеніе безъ всякихъ оговорокъ.

И не пугаясь „лѣвыхъ жупеловъ“, Мельгуновъ долженъ былъ стоять на этой позиціи до конца.

Не сдѣлавъ этого, онъ впалъ в ту же неопредѣленность, в ту же половинчатость, в которой, немного ранѣе, расплылось и неожиданное заявленіе Керенскаго.

Тотъ вѣдь тоже, провозгласивъ „всякую власть“, немедленно испугался Маркова II-го и поспѣшилъ затуманить свою мысль разсужденіями на тему, что „все сіе надо понимать духовно“, теоретически, а онъ, Керенскій, на практикѣ отнюдь не склоненъ к „всякой“ власти.

И, какъ и прежде, готовъ лечь костью поперекъ дороги всякой иной власти, кромѣ республиканско-демократической.

И какъ это дало поводъ „Посл. Новостямъ“ ядовито замѣтить — „почему же, если всякая власть является шагомъ впередъ?“ — такъ и мельгуновско-карташевскія оговорки дали возможность ихъ оппонентамъ сдѣлать не менѣе ядовитый выводъ:

— Нечего всуе болтать о всякой власти, если и для васъ не всякая приемлема!

И, конечно, это отозвалось в широкихъ кругахъ эмиграціи, многихъ охладивъ по отношенію къ „Борьбѣ за Россію“, в которой послѣ оговорки, можно видѣть такой же партійный органъ, какъ и всѣ другіе.

С той лишь разницей, что здѣсь рамки партійности шире.

Что онѣ шире — это уже хорошо, но никогда никакія рамки не увлекутъ широкихъ массъ.

Вѣдь даже и большевики, для захвата власти, для овладѣнія массами, на время спрятали всѣ свои рамки и замѣнили ихъ лозунгами безпредѣльной широты — война войнѣ, миръ, хлѣбъ, вся власть народу!

И ужъ только обманувъ этотъ народъ, они засадили глупое быдло в свои жесткія, окровавленныя рамки.

Достаточно в формулу „всякой власти“ внести хоть одно исключеніе, чтобы эта формула потеряла всякое значеніе и превратилась в условное положеніе, которое, какъ резинку, можно растягивать во всѣ стороны.

Ибо если у самого автора „всякой власти“ черта приемлемости проходитъ передъ реставраціонной монархіей

(а под эту марку можно подогнать всякую монархію!), то кто же может отнять у других право передвинуть эту черту вправо или влево?

А отринув, с одной стороны, всякую монархію, а с другой — всякую республику, ничего другого и не остается, как терпѣть от большевиков „еще 15 лѣтъ”.

А если 15, то почему не 100?

Правда, Мельгунов заявил, что „сто лѣтъ он ждать не согласен”, но вѣдь это только слова.

Ибо если, как на грѣх, обнаружатся шансы именно на сторонѣ „Маркова II-го”, совершенно неприемлемаго для Мельгунова, то что же останется дѣлать самому Мельгунову, как не вцѣпиться в фалды этого Маркова и ждать паденія власти большевиков, пока появится болѣе приемлемый кандидат?

Так всякая мысль, не доведенная до конца, заводит в муть внутренних противорѣчій, превращается в набор фраз, в простое словоблудіе.

6.

Нѣтъ, мысль всегда должна быть доведена до конца, чтобы она поражала, как остріе отточенного кинжала.

Сказав А нужно имѣть смѣлость сказать и Б. Провозгласив, что „всякая власть лучше большевицкой”, надо сдѣлать абсолютный вывод:

— Да, ВСЯКАЯ власть лучше!

Будь то власть „бонапарта”, монарха, будь то даже власть пресловутаго Маркова II-го

Как равно власть республиканская, власть, хотя бы Керенскаго и Милюкова.

Ибо уже сказано, что „ВСЯКАЯ ВЛАСТЬ ЛУЧШЕ БОЛЬШЕВИЦКОЙ”.

Никакого отступленія тут быть не может, ибо всякое отступленіе заводит в трясину безконечных противорѣчій.

7.

Что касается меня, то я твердо стою на этой формулѣ, не признавая никаких оговорок и исключеній.

Из этого вовсе не слѣдует, что я равнодушен к формѣ правленія в будущей, освобожденной от большевиков, Россіи.

Но я дѣйствительно убѣжден, что всякая власть, которая придет на смѣну большевикам, будет для русскаго народа шагом вперед.

Как бы ни была плоха эта власть, она не может быть хуже большевицкой. Хуже большевиков нѣтъ и не может быть ничего.

Ничего — потому, что большевики не только разрушают Россію, они растлѣвают русскій народ, пробуждая в нем самые звѣрскіе инстинкты, убивая в нем всякую духовную культуру.

Никакой Марков II-й на этот путь не встанет. Какая бы власть ни пришла на смѣну большевикам, она не послѣдует завѣтам Петруши Верховенскаго — „необходимо пустить разврат, какого еще не видал міръ!“

И притом любая власть, если она окажется вредной и тяжелой для русскаго народа, может быть свергнута легче, чѣм власть большевиков.

Ибо большевики опираются на то, на что не рѣшится опереться никто, кромѣ них, — на всѣ преступные элементы полудикой, невѣжественной народной массы.

Допустим, что на смѣну большевикам и в самом дѣлѣ придет Марков II-й, со своей „правой стѣнкой“ и „дворянско-помѣщичьей реставраціей“.

Совершенно ясно, что он никакой опоры в народных массах не найдет и его единственными сторонниками окажутся жалкіе обломки невозвратнаго прошлаго.

А слѣдовательно, власть его будет властью поверхностной, не имѣющей корней в почвѣ, и она падет даже без особаго потрясенія, в порядкѣ мѣстнаго переворота, вродѣ сверженія уфимской директоріи офицерами Колчака.

При этом не нужно забывать, что рѣчь может быть только о реальных возможностях, к числу которых „власть Маркова II-го“ не принадлежит.

Сами же лѣвые говорят, что реставрація уже об'ективно невозможна, и нѣтъ ничего болѣе комичнаго, как их этот самый „психоз боязни реставраціи“, которую они же сами признают абсолютно исключенной.

8.

Конечно, в вопросѣ о власти может возникнуть вопрос о цѣлесообразности.

Если, по глубокому убѣжденію правых или лѣвых, власть лѣвых или правых заранѣе обречена на гибель, то не лучше ли предупредить ея возможность при самом зарожденіи?

Тѣм паче, что власть неустойчивая, не соответствующая народным чаяніям, может вызвать новую смуту, вплоть до реакціи большевицкой.

Вопрос основательный.

Но в плоскости реальной действительности — совершенно праздный.

Нѣтъ и не может быть гарантіи, что какая бы то ни было власть может сразу и прочно стать над страной, возстановив Россію без всяких потрясеній.

Опять таки, только тупые фанатики республиканской или монархической идеи могут ласкать себя увѣренностью, что стоит только установить в Россіи монархію или республику, как взбаломученное народное море немедленно же, ласково журча, войдет в свои берега.

Большевики нанесли русскому народу такія глубокія и физическія, и духовныя раны, что о мгновенном заживленіи их, с помощью республиканскаго или монархическаго пластыря, думать смѣшно.

Всякая власть, которая придет на смѣну большевикам, очутится лицом к лицу с почти неодолимыми трудностями, при которых мирнаго возстановленія не может быть.

Вести рабочей класс, до-нельзя распушенный большевиками, в рамки трудовой дисциплины; удовлетворить крестьян, взыскивая с них налоги, необходимые для содержанія государства и борясь с земельной анархіей; поставить на мѣсто всѣ духовно хамскіе и преступные элементы, которыми большевики переполнили весь аппарат государственнаго управленія; ликвидировать миллионы разнузданных, ни к чему негодных бывших коммунистов и комсомольцев...

И так далѣе, и так далѣе,—все это задачи титаническія, для осуществленія которых нужно много сил и времени.

А до осуществленія—неизбѣжное недовольство масс, их разочарованіе в новой власти, а слѣдовательно и новая смута, может быть, даже рецидив большевизма, — все это совершенно неизбѣжно.

Хотим мы этого или не хотим, но будут великія потрясенія, прольется еще много крови и, быть может, не одна и не двѣ власти смѣнятся прежде, чѣм Россія успокоится и выйдет на путь мирнаго развитія.

Это надо знать заранѣе. Это страшная, но очевидная правда.

От нея не спасешься, пряча голову в тепленькій песочек высоко гуманных, но совершенно теоретических разсужденій.

Правдѣ, как бы она отвратительна и страшна ни была, нужно смотрѣть прямо в глаза.

Конечно, можно еще мечтать о мирной эволюции самих большевиков, о сталинском „спускѣ на тормозах“ в об'ятія „истинной демократіи“.

Но это уже вопрос иной, и я принадлежу к числу тѣх, кто абсолютно не вѣрит в возможность большевицкой эволюціи.

Паденіе их будет кровавое, а слѣдовательно все то, что я выше говорил о судьбѣ будущей власти, остается в силѣ.

А если Россіи неизбежно суждено пройти через полосу новых смут и кровавой борьбы, то пусть эта полоса скорѣе наступит и скорѣе пройдет, пока еще не весь русскій народ превратился в навоз, годный только для удобренія почвы для какой то чужой культуры.

Для этого, как первый этап, необходимо сверженіе большевиков.

Пусть им на смѣну придет какая угодно власть, — это уже будет сдвигом с мертвой точки, шагом вперед.

А потому я и говорю, с полным убѣжденіем и без всяких трусливых оговорок:

— **ВСЯКАЯ ВЛАСТЬ ЛУЧШЕ БОЛЬШЕВИКОВ.**

СХ.

ЧЕРЕМУХА. *)

1.

Не помню уже, кто из сов. писателей написал эту сценку.

Была весна. По улицам Москвы, пыльной и грязной, шли молодая дѣвушка, с влюбленными глазами, и высокій, красивый студент-рабфаковец.

Навстрѣчу им попалась дѣвченка, продавщица цвѣтов, с пучком свѣженаломанных вѣток только что распустившейся черемухи.

Дѣвушка оставила своего спутника, подошла к продавщицѣ и купила вѣтку черемухи.

Пока она расплачивалась, студент стоял поодаль и насмѣшливо улыбался, а когда дѣвушка вернулась, прижимая к груди душистую бѣлую вѣтку, он пожал плечами и спросил:

— С черемухой лучше?

Дѣвушка быстро взглянула на него и поняла.

— Да, лучше...—отвѣтила она и слегка покраснѣла.

— А по моему—все это ерунда! — самоувѣренно возразил студент.—С черемухой, или без черемухи, все равно, —одним и тѣм же кончится. Зачѣм же канитель разводить и время зря терять?...

2.

Быть может, если бы тут не было вѣтки черемухи, совѣтскій журналист Юнов не обратил бы на этот рассказ никакого вниманія.

Но запах распустившейся черемухи проник в его коммунистическое сердце. Вѣдь и он не всегда был совѣтским журналистом, не всегда его голова была набита только резолюціями партконференціи. Были в его жизни, когда то

*) „За Свободу“ № 24 от 30 января 1927 г.

очень давно, и весна, и милыя дѣвушки с влюбленными глазами, и вѣтки распутившейся черемухи.

И вот в его партійной душѣ что-то шевельнулось. Почему-то ему стало жаль дѣвушек с влюбленными глазами и невыносимо противен показался ему красивый студент рабфаковец.

Журналист Іонов взял перо и, вмѣсто отчета о VII сѣздѣ товарищей переплетчиков, написал фельетон „Без черемухи“.

— В области половых отношеній,—так или почти так писал журналист Іонов,—у нас царство голой физиологіи, распущенности и разврата! В нашем быту—„наплевизм“, похабщина и бардачная философія. Всюду и вездѣ, в отношеніи к женщинѣ, у нас властвует грубый цинизм, отравляющій молодежь и физически, и нравственно. Наши ребята убѣждены, что между мужчиной и женщиной не может быть другой связи, кромѣ половой. У нас нѣтъ любви, у нас есть только физиологія! Нѣтъ в нашей жизни красоты и черемуха у нас не цвѣтет!..

И много еще горечи и печали излил на бумагу совѣтскій журналист Іонов, сердце котораго так некстати уязвил сладкій и нѣжный запах весны.

Только под конец он опомнился и сообразил, что ему, совѣтскому журналисту и коммунисту, черемуха, пожалуй, и не к лицу.

— Нужен „соціальный подход!“—подумал он и приписал привычною рукой:

— Половая распущенность среди молодежи подрывает авторитет совѣтской власти и партіи, давая их врагам возможность указывать на комсомол, как на рассадник разврата!

Послѣ этого уже сразу стало видно, что дѣло не в черемухѣ, а в авторитетѣ партіи. Журналист Іонов облегченно вздохнул и отнес свой фельетон в „Правду“, гдѣ он и был напечатан.

3.

Но „соціальный подход“ не заглушил запаха черемухи,—этого сантиментальнаго, мелкобуржуазнаго предразсудка.

И в отвѣтъ журналисту Іонову посыпались в „Правду“ письма комсомольцев и рабфаковцев, до глубины души возмущенных напоминаніем о какой-то там красотѣ.

— Давно пора оставить эти мѣщанскія сладости и взглянуть на вопрос, в общем и цѣлом, с правильной точки зрѣнія,—писали комсомольцы и рабфаковцы. — Во всем виновато наше тяжелое экономическое положеніе. Студен-

ту 23—29 лѣтъ нужно жениться, а женитьба ему не по карману. Получая 25 рублей субсидіи, никакой черемухи не купишь! Нѣтъ цѣльных подштанников, нѣтъ денег на стирку бѣлья, какая же тут черемуха?... Нельзя думать о красотѣ, когда у студента нѣтъ мѣста, гдѣ бы он мог спокойно удовлетворить свои физиологическія потребности с нравящейся ему дѣвушкой. На данной ступени экономических отношеній, „черемуха“ молодежи не по средствам. Да и не к лицу ей, воспитанной в бурѣ и огнѣ революціи, прикрывать естественные законы природы и человѣческих отношеній каким-то черемуховым листиком!..

Кто знает, может быть, журналист Іонов, читая эти письма, думал:

— О, несчастные! Им кажется, что естественные законы природы и человѣческих отношеній исчерпываются половым актом! Чувства красоты, любви и поэзіи, по их представленію, это опиум для народа, выдуманный проклятыми буржуями, специально для обморачиванія рабочаго класса. Должно быть, им кажется, что и мысль выдумали тѣ же буржуи? Естественные законы природы—это жрать, спать и, далѣе, в таком же родѣ, а все остальное — ерунда. Ну, ну!... „Ростите, юные“, идите своим путем, счастливо сочетая представленіе о красотѣ с чистыми подштанниками. Но только недалеко тѣ „невѣдомые предѣлы“, до которых вы дойдете: пивная, публичный дом и венерическая больница!

Впрочем, ничего этого журналист Іонов не сказал. Вѣдь и журналисты под ГПУ ходят.

4.

А за границей читали эти письма другіе журналисты, не совѣтскіе, и писали:

— Да, психологія русской молодежи страшно измѣнилась! У нея нѣтъ никаких идеалов и она живет только удовлетвореніем самых примитивных животных инстинктов. Красота и поэзія ей только смѣшны и непріятны. Она стала утилитарной и с насмѣшкой смотрит на тѣ „вѣчныя цѣнности“, которыя мы так бережно хранили для нея же, в изгнаніи. У нас уже нѣтъ общаго языка и мы не в состояніи понять друг друга. А вѣдь будущее принадлежит им и это именно они должны строить новую Россію! Увы, нам!..

Эти жалостные вопли слышала рядовая эмиграція и впадала в тихое отчаяніе.

— На кой же чорт нам такая новая Россія?.. Нам нужна Россія, в которой были красота, поэзія и любовь. Если новую Россію будут строить эти герои Чубарова перреулка, то, очевидно, нам в ней мѣста не будет. Ибо не

будет там ни красоты, ни любви, ни поэзии, ничего, чѣм люди живы!.. А если мы даже не в состояніи говорить с ними на одном языкѣ, то не лучше ли нам заранѣе махнуть рукой на Россію, денационализировать своих дѣтей, а самим тихо разложиться на чужбинѣ?

Правда, немедленно нашлись утѣшители и примирители, которые с чувством восклицали:

Опомнись, чѣм же ты обижен?

Вѣдь это только новый свѣтъ горит

Иного поколѣнія у хижин!

Но охотников считать красный фонарь публичнаго дома за какой то новый свѣтъ среди эмиграціи нашлось немного. Большинство же впало в меланхолю и даже перестало читать „Борьбу за Россію“, говоря:

— Какая уж там Россія!

5.

А все дѣло только в том, что господа несовѣтскіе журналисты, своим единственным и священным долгом провозгласившіе „внимательное наблюденіе за процессами, происходящими внутри Россіи“, спутали Россію с коммунистической партией и ея дѣтищем—комсомолом.

Да, конечно, психологія комсомольцев и рабфаковцев-коммунистов весьма мало похожа на нашу. Она не „измѣнилась“, ибо мѣняться может только то, что уже было, а ни комсомола, ни рабфаков, ни коммунистической партіи раньше не было. Герои Чубарова переулка, как и всѣ эти оппоненты журналиста Іонова, — это дѣти нынѣшняго режима, да и то рожденные им с большим трудом.

Много лѣтъ понадобилось большевикам, чтобы маленьких звѣренушек, выброшенных революціей на улицу, передѣлать в больших скотов.

Это молодежь, которая никогда не знала иной жизни, которая с дѣтства, вмѣсто молока, сосала кровь, которая не слыхала ничего другого, кромѣ „бей и грабь“.

В своей задачѣ „пустить еще невиданный міром разврат“ большевики много сил потратили на то, чтобы растлить эту молодежь до потери образа человѣческаго.

Но это вовсе не значит, что им удалось растлить всю русскую молодежь.

Развѣ вы не замѣтили, что журналист Іонов вездѣ говорит „наша молодежь“.

Вы думаете, что под словом „наша“ он подразумевает „русская?“

Нѣтъ, это уже только поспѣшные зарубежные журналисты придали его словам такое широкое толкованіе. Журналист Іонов опредѣленно говорит, что „распушенность на-

шей молодежи дает возможность врагам сов. власти и партіи указывать НА КОМСОМОЛ, как на разсадник разврата!"

Значит, рѣчь идет не о русской молодежи вообще, а именно о той молодежи, совершенно особаго отбора, которую большевики с полным правом могут считать „своей“ и о которой мы с ними и не собираемся спорить.

Да и как тут можно было бы говорить о всей русской молодежи? Вѣдь всѣх этих комсомольцев, взятых вмѣстѣ с невинными пионерами, наберется в Россіи не больше полутора милліона.

Для 140 милліоннаго народа,—это капля в морѣ.

Тѣм болѣе, что далеко не всѣ эти полтора милліона восприняли психологию „разсадника разврата“.

6.

Большевики сами не скрывают, да и не могут скрыть, что комсомол привлекает к себѣ молодежь, особенно крестьянскую, только потому, что это единственный путь для полученія доступа в учебныя заведенія и многих других привилегій.

И совѣтская печать очень возмущается тѣм, что эти лжекомсомольцы, „получив квалификацію“, немедленно поворачиваются и к комсомолу, и к партіи спиной.

Мало того, что поворачиваются, но еще и прямо опредѣляют этот комсомол, как разсадник разврата, как банду пьяниц и бездѣльников, с которыми дѣла имѣть нельзя.

Совѣтскія газеты утверждают, что таких очень много и что отход от комсомола „принимает массовый характер“.

Таким образом из полутора милліона нужно еще добрую половину откинуть.

И остается, дѣйствительно, такая же капля в морѣ русской молодежи, какою сама коммунистическая партія является в морѣ народном.

Процента полтора, немногим больше, чѣм в любом государствѣ — карманных воришек и малолѣтных проституток.

Все дѣло в том, что карманных воришек и малолѣтных проституточек не водят процессіями по городам, о них не пишут барабанными палочками, обмокнутыми в красную краску.

Коммунистами же и их комсомольцами переполнена вся совѣтская печать. Они вездѣ на первом мѣстѣ, в первых рядах — на засѣданіях, на празднествах, на митингах, на парадах.

Они ходят с красными флагами и оркестрами музыки, они прут всѣм в глаза и сами стараются, чтобы их видѣл весь мір.

И, конечно, когда весь народ безмолствует, визг этой человеческой сволочи далеко слышен.

Получается обман зрѣнія и слуха, не болѣе!

И тот, кто „психологию“ этих красных отбросов выдает за психологию всей русской молодежи, всего русскаго народа, тот просто, хотя может быть и безсознательно, клеветает на свой народ.

7.

А народ этот остался таким же, как и был.

Может быть, он даже стал лучше, потому что много выстрадал и многому научился, разившись в сторону именно тѣх самых „вѣчных цѣнностей“, о которых мы говорим.

Я не могу здѣсь использовать весь тот матерьял, который мнѣ, как журналисту, дают груды газет совѣтских, иностранных и русских.

Но я скажу, что даже совѣтскія газеты, даже корреспонденты иностранцы, сочувствующіе сов. власти, восхваляя эту власть и увѣряя весь мір в том, что она является истинной выразительницей воли русскаго народа, не отрицают слѣдующих фактов: в Россіи чрезвычайно обострилось національное сознание и высоко поднялось религиозное чувство.

То есть — именно то, что органически непримиримо с самым существом коммунистической власти и что рано или поздно приведет к ея безславному паденію.

А уж, конечно, не одна голая физиологія царит там, гдѣ расцвѣтают національное сознание и религиозныя чувства.

Вѣдь національное сознание и религія — это такія „черемухи“, каких и не придумаешь.

Корни этой черемухи — любовь, чувство красоты, жажда одухотворенности а от этих корней цвѣтет в жизни и настоящая жизненная „черемуха“.

Да и не может она не цвѣсти, ибо она вѣчна. Она цвѣтет с первых дней творенія, зацвѣла еще тогда, когда человек был полувѣрем.

С того момента, как этот полувѣрь впервые почувствовал красоту ея трепетнаго нѣжнаго запаха, он и стал дѣлаться человеком.

И хотя русскій народ теперь „звѣриным бытіем живяху“, но в звѣря он не превратился. Он так же любит, так же чувствует, так же ищет красоты, ласки и духовной близости, как и прежде.

Под наносной большевицкой грязью, под тяжелым сапогом чекиста, а черемуха цвѣтет и будет цвѣсть.

Да и что тут доказывать? Развѣ сам совѣтскій журналист Іонов, возскорбѣвшій в совѣтской пошлости, как пророк Іона во чревѣ китовом, и горько возопившій о черемухѣ, сам не является доказательством тому, что нельзя вытравить эту „черемуху” из сердца человѣческаго?

А развѣ во всѣх этих комсомольских письмах, несмотря на их нарочитую грубость и пошлость, не звучит тоска по красотѣ и стыд от сознанія своего безобразія?

Вѣдь они, эти молодые циники, прощенья просят!.. Вѣдь издѣваясь над „черемухой” и поливая ее грязью, они робко пытаются об’яснить, что всему виною — „данная ступень экономических отношеній”!

Вѣдь это же полное, хотя и бессознательное признаніе своего банкротства, крах всей их „бардачной философіи”.

8.

И какая же это ложь, что у нас нѣтъ общаго языка с тѣми, что остались там, внутри, что мы не поймем друг друга!

В Москвѣ задумали весьма интересный вечер: встрѣчу писателя с читателем.

По плану устроителей, на этом вечерѣ писатели должны были лицом к лицу встрѣтиться со своими читателями и выслушать от них истинную правду о себѣ.

В одной части вечер не удался: товарищи писатели трусили и никто не пріѣхал, хотя приглашенія были разосланы всѣм. Убоялся даже такой патентованный нахал, как Луначарскій.

Но читатель повалил толпой и высказался он прямо и просто.

И что же оказалось? Оказалось, что „почти всѣ читатели высказались против новой литературы, подвергнув ее жестокой критикѣ. Центральный пункт всѣх выступленій — новая литература не интересна, не захватывает, не влечет”.

И страшное негодование читательской массы вызывает именно „голая физиологичность” современной литературы. Читатели яростно протестуют против стремленія сов. писателей „облитературить матерщину”.

До того яростно, что были возгласы о том, что „надо бить авторов”, которые насаждают всю эту „похабщину” и... которые „уродуют русскій язык”.

„Мы сами говорим коряво, — заявляют рабоче, — но любим ясный, красивый язык классической литературы”.

— Чего мы ищем в литературѣ? — спрашивали читатели. — „Про любовь, про красоту!

„В новых романах любовь описывается, как одно животное чувство. Это невѣрно! В старых книгах это изображено правдивѣе и лучше”.

Там была „черемуха”?

Да.

И смертным приговором для всей новой совѣтской литературы, насаждающей культ голой физиологіи, прозвучало заявленіе читательской массы, что „классиков мы давно читали, а в головѣ осталось; этих же читали недавно, а все забыли!”

И, в концѣ концов, обнаружилось, что совѣтскій читатель „с увлеченіем читает классиков — Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова и т. д.”

А вѣдь у кого же, как не у них полным цвѣтом цвѣла эта незабвенная „черемуха”?

— Дайте нам про красоту, про любовь! — вопит совѣтскій читатель.

И какой читатель! Вѣдь этот вечер был организован московским совѣтом профсоюзов и публика на три четверти состояла из рабочих и работниц, среди которых, конечно, не мало было и комсомольцев.

9.

Значит есть у нас с ними „общій язык”?

Это ясный, простой, красивый русскій язык Толстого, Достоевскаго, Тургенева и Гончарова.

Это язык красоты и любви, который всегда останется понятен для всѣх.

Да, русская жизнь измѣнилась. Много влито яду в душу народную и много грязи. В этой грязи многіе и потонут.

Но даже в отравленных душах живет тоска по „черемухѣ”, по красотѣ и любви.

И всѣ эти вопли о том, что мы не пойдем друг друга, что психологія русскаго народа нам стала чужда и враждебна, что мы — чужіе, это только та же старая, но болѣе тонко проводимая попытка заслонить большевиками Россію, подмѣнить русскій народ совѣтским комсомолом.

Ложь и злостная клевета.

М. П. АРЦЫБАШЕВ

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

ВЫПУСК I.

ИЗДАНИЕ КНИЖНОГО СКЛАДА „ЗА СВОБОДУ!“

ЦѢНА 3 ЗЛ.

ПЕРЕСЫЛКА ПО ПОЧТОВОМУ ТАРИФУ.

С заказами обращаться в книжный склад „За
Свободу!“ Długa 50, Pasaż Simonsa, mag. 30—31,
Warszawa.

М. П. АРЦЫБАШЕВ

ДЬЯВОЛ

**ТРАГИЧЕСКИЙ ФАРС В 4 ДЕЙСТВИЯХ С ПРОЛОГОМ
И ЭПИЛОГОМ.**

ИЗДАНИЕ КНИЖНОГО СКЛАДА „ЗА СВОБОДУ“

ЦЕНА 4 ЗЛ.

ПЕРЕСЫЛКА ПО ПОЧТОВОМУ ТАРИФУ.

С заказами обращаться в книжный склад „За
Свободу!“ Długa 50. Pasaż Simonsa, mag. 30—31.
Warszawa.

СОЧИНЕНІЯ

М. П. АРЦЫБАШЕВА

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ Т. I	цѣна	3 зл.
ДЬЯВОЛ	"	4 "
САНИН	"	10 "
ДИКІЕ	"	4 "
ПОД СОЛНЦЕМ	"	2 "
ЧЕРЕМУХА	"	6.50

ПЕРЕСЫЛКА ПО ПОЧТОВОМУ ТАРИФУ.

С заказами обращаться в книжный склад „За
Свободу!“ Długa 50, Pasaż Simonsa, mag. 30—31,
Warszawa.

6. - / 10438222

ЦѢНА 70 АМ. ЦЕНТ.

2-204.599

ZAKŁADY Drukarsko - Introligatorskie
POLSKO-AMER. Sp. Akc. „SOUTHERN TRADE”
WARSZAWA, MOKOTOWSKA 12. TEL. 184-30.

.....

ИЗДАНИЕ Е. И. АРЦЫБАШЕВОЙ. ВАРШАВА, 1927 Г.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: КНИЖНЫЙ СКЛАД „ЗА СВОБОДУ”
ВАРШАВА, ДЛУГА 50, PASAŻ SIMONSA MAGAZ. 30 — 31.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ К ИЗДАТЕЛЬНИЦѢ ПО АДР. КОНТОРЫ

..... Т — ВА „ЗА СВОБОДУ”